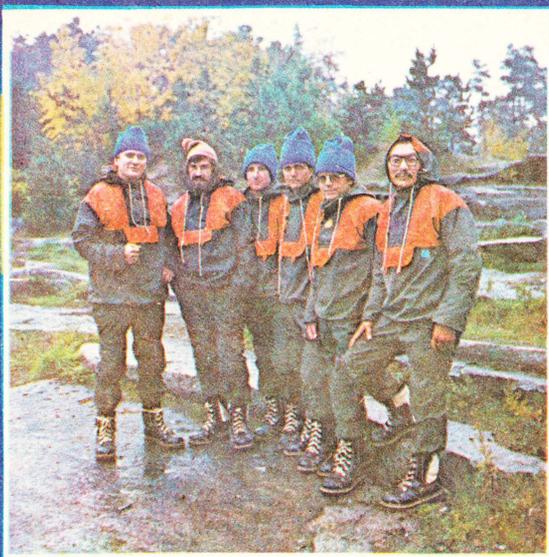

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОВЫМ·83

1 ЯНВАРЬ

ПОЛЯРНОЙ ТРОПОЙ

Постановлением Свердловского обкома ВЛКСМ при журнале «Уральский следопыт» создан пресс-центр экспедиции, организованной газетой «Советская Россия», обкомом комсомола и Уральским научным центром. Впервые в мире совершается полярный транс-континентальный переход по советской Арктике. Предлагаем вниманию читателей первую публикацию пресс-центра.

Высокоширотная трансконтинентальная экспедиция Уэлен — Мурманск

Лет десять назад к бывшему начальнику полярной станции «Северный полюс-1», дважды Герою Советского Союза, контр-адмиралу Ивану Дмитриевичу Папанину пришел Сергей Соловьев, молодой человек с Урала.

— Мы собираемся пройти на собачьих упряжках через всю Арктику — от Тихого океана до Атлантического. Хочу услышать ваш совет.

— Вы знаете, сколько это тысяч километров! Тысяч!

— Да, десять-двенадцать.

— Идти собираетесь в полярную ночь!

— И в полярную...

За свои долгие скитания в Арктике Иван Дмитриевич повидал всякое. Но он верил в то, что нет замыслов неосуществимых. Он сказал двадцатилетнему парню,

задумавшему небывалый в мировой практике арктический трансконтинентальный переход:

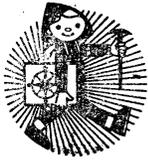
— Не спеши. Готовься. Приобретай опыт.— Потом добавил: — Рассчитывай и на меня...

На снимке (слева направо): Сергей СОЛОВЬЕВ — руководитель экспедиции, старший инженер Института экономики УНЦ АН СССР, Владимир КАРПОВ — радист, Владимир РЫБИН — врач, Павел СМОЛИН — штурман, Юрий БОРИСИХИН — фотокинооператор, Филипп АРДЕЕВ — каюр.

Читайте стр. 13-ю.

Фото О. Капореико
Оформление С. Мальшева

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-83

1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

А. Гольд ПЕРВЫЕ БАСТИОНЫ	2
Д. Лившиц «С ПЕСНЕЙ КОМСОМОЛЬСКИХ БАТАЛЬОНОВ...»	10
Ф. Селянин СТИХИ	11
Ю. Борисихин ПОЛЯРНОЙ ТРОПОЙ	13
Ю. Окунцов ЧЕКИСТ СКАЧКОВСКИЙ	14
Б. Рябинин ВОСПИТАЙ СЕБЯ. Начало	16
И. Семенчик РУКАВИЧКИ	21
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	22
Б. Вайсберг МОЙ ТОВАРИЩ — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ	24
А. Копайский ДРАГА № 1	27
С. Зигуненко И ЭТО ВСЕ ДЛЯ НАС...	28
Ю. Липатников ВЯЗЬ ВРЕМЕН	32
В. Зуев МИР НАСТУПИЛ НЕ СРАЗУ. Повесть. Начало	33
Л. Давыдычев ЧУМАЗЫЙ ФЕДОТИК. Рассказ	64
Р. ЛЫНЕВ НЛО НА ОПОЗНАНИИ	66
А. Чуманов О ФОРМАХ И ФОРМУЛАХ	70
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА	74
МАЧЕХА. Эвенкийская сказка	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 [заместитель главного редактора],
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
 [ответственный секретарь].

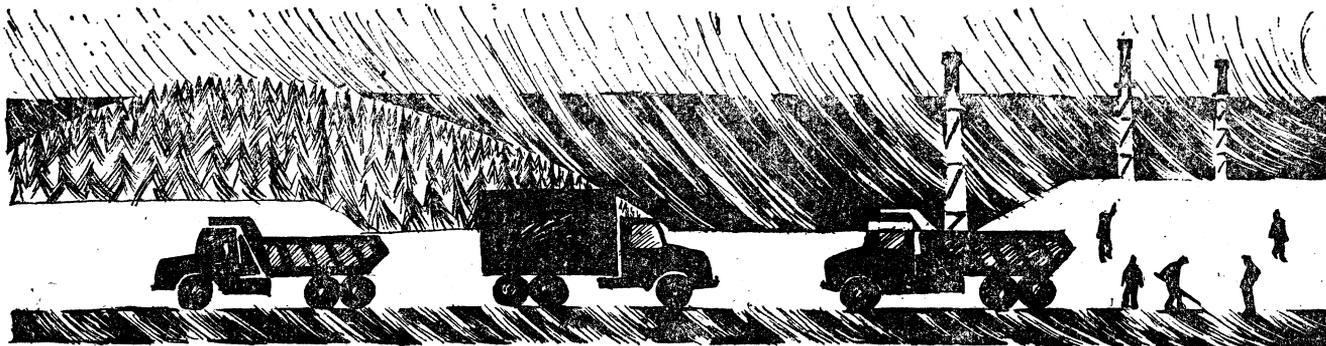
Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
Людмила БУДРИНА
 Корректор
Мая БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются.
 Сдано в набор 30.09.82.
 НС 11485.
 Подписано к печати 23.11.82.
 Бумага 84×108^{1/8}.
 Бумажных листов 2,62.
 Печатных листов 8,8.
 Учетно-издательских листов 10,8.
 Доп. тираж 32 000.
 Заказ 446.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки рисунок
 Розы АТЛАС

© «Уральский следопыт», 1983 г.

ПЕРВЫЕ

Альфред
ГОЛЬД

Рисунки
Е. Крутских

Притча о Колумбе

Колумб не открыл Америку. По крайней мере для себя. Для себя, как известно, Колумб открыл кратчайший путь в Индию. Ступив на твердь нового континента, он решил, что достиг восточных берегов Азии. Произошло это по двум причинам: с одной стороны — слишком узкая целенаправленность поиска, с другой — ослепляющая вера в непогрешимость карты итальянского астронома и географа Тосканелли. Что из этого получилось, знает теперь каждый школьник.

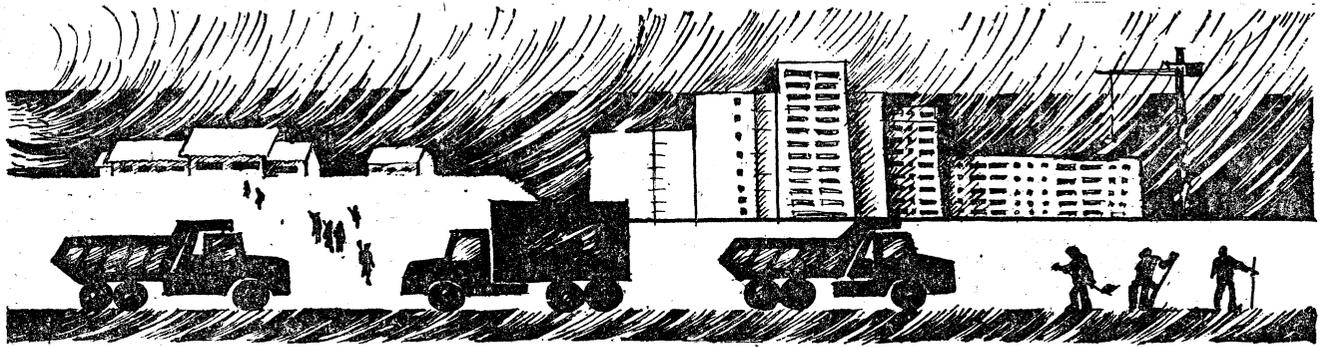
Америку Колумб открыл для конкистадоров. Алчная, хищная толпа устремилась через океан по его следу, все сметая, сжигая и круша на своем пути. Под пеплом нашествия похоронены удивительные цивилизации инков, майя, ацтеков. Рана непоправимой утраты и по сей день зияет в памяти человечества. Так героическое обернулось постыдным.

Вправе ли мы винить во всех грехах великих первопроходцев? Разумеется — нет. Но вывод из яркого урока истории напрашивается сам собою: колумбы хороши там и тогда, где и когда общество в интеллектуальном, духовном и нравственном отношении созрело для того, чтобы разумно воспользоваться плодами их открытий.

Я с теми, кто вышел строить

Ночь в поселке Танапча, промежуточном на зимнике Салехард — Надым, показалась мне долгой. Только к двенадцати удалось раскопегарить старую черную от копоти

БАСТИОНЫ

печь и растопить в ведре снег. Потом, обжигаясь, пили из алюминиевой тары кипятилок, похрумывали рафинадом и беседовали «за жизнь» с двумя бородатыми механизаторами из Одессы. За окнами развалюхи-барака без умолку тархтели моторы, свет фар трепетал на облупленных стенах. Когда в дырявом нашем убежище потеплело, разговор как-то сам собой стал ослабевать, гаснуть, усталость придавила веки и, не раздеваясь, мы завалились спать кто где и кто как.

Проснулся я оттого, что под одежду стал пробираться мороз. Было шесть утра. На востоке над сиреновой, в зазубринах, дугой леса нависало тяжелое солнце. Снег, пересыпанный алмазной крошкой, слепил глаза.

Пока мои благодетели, Бачин и Петров, отогревали моторы «Уралов», я любовался крупными полярными куропатками. Прямо посреди поселка они покачивались на тонких ломких прутьях карликовых берез, и я поначалу принял их за обыкновенные комки снега. Потом обнаружилось, что у этих комков — черные хвостики и настороженные головки. Я подошел поближе, но куропатки дружно вспорхнули и бесшумно, как призраки, планируя и сливаясь с белозной снежного покрова, перелетели на другие деревья, поодаль.

Через полчаса мы были уже на колесах.

— Долгобёк вы вчера не спали, — сказал Петров, придерживая локтями баранку и потирая озябшие руки. — Разговор интересный был!

— Интересный. Все хочу докопаться, что за народ сюда валом прет, а главное — с какой целью? В государственном-то масштабе постановка вопроса ясна. Но ведь у каждого есть что-то личное, свое...

— Цель-то? — Петров покосился на меня. — Я так считаю, что цель у каждого, конечно, есть. Молодежи, к примеру, романтику подавай. Вот и едут без дальнего прицела, очертя голову. А те, что постарше... У одних есть страсть к стройкам. Эти просто по-другому жить не умеют. Их как бы само движение жизни привлекает, понимаете? А другие, бывает, с детства к охоте имеют пристрастие или к рыбалке. Им в необжитых местах — воля вольная. У третьих, к примеру, семья развалилась — и уезжает человек подалеже. Не то что от алиментов скрывается, а так, чтобы обрубить разом концы. Попадают, конечно, и просто летуны-шабашники, что мечутся со стройки на стройку.

— А у вас что?

— У меня-то? — Петров почесал кончик носа. — У меня как раз все в порядке. Квартира в Заводоуковске трехкомнатная, жена хорошая, двое детей. Старший — в армии. Но все же, как ни говорите, а потребности-то растут. Старший вернется — невесту приведет. Надо свадьбу сы-

грать по-людски, чтоб не стыдно было. Помочь им первое время на ноги стать. Да и сами с женой еще не старье: приодеться, машину купить, по стране поездить. Чего тут скрывать? Жене сказал: пока здоровье есть, потружусь на северной стройке года два. Подзаработаю. Вот, значит, такая у меня и цель: для государства дело хорошее сделать и про себя не забыть...

Солнце уже катилось по снежным увалам на западе, когда мы поднялись на голую горбину холма, откуда бескрайне открывалась леденящая душу молчаливая белая пустыня.

— Вон и Надым, — сказал Петров, — глядите!

Где? Вокруг не было ничего, что напоминало бы о гигантской стройке или хотя бы о поселке. Наконец я заметил вдалеке множество дымков. Однако, как я ни всматривался, никаких строений, возвышающихся над землей, не обнаружил.

В Надым мы въезжали уже в полных сумерках. С четверть часа ползли по ухабам изрытой тракторами ледяной колеи, перевалили небольшой холм, миновали тесный ряд занесенных до крыш вагончиков и наконец остановились, уткнувшись в сплошную стену автомобильных бортов и фаркопов. Только здесь я понял, какие размах, мощь получают назревающие события. Такое разнообразие техники можно было увидеть разве что в транспортном павильоне ВДНХ. На небольшом пятачке — а это был центр поселка, — сбившись в тесные гурты, стояли выбеленные снежной пылью кременчугские «КРАЗы», миасские «Уралы», минские «БЕЛАЗы», курганские «Ураганы», московские «ЗИЛы» и чешские «Татры». Были тягачи, тракторы и вездеходы, какие прежде мне не довелось встречать нигде, кроме как на картинках журналов или в кино.

Открытие века

Всего лишь 30—40 лет назад сама возможность того, что сегодня уже состоялось на Севере, многим казалась фантастикой. Гипотеза академика Губкина, предсказавшего месторождения нефти и газа у восточных склонов Уральского хребта и в недрах Западно-Сибирской низменности,

не столько обнадежила, сколько отпугнула геологов, его предложение направить поиск в эти районы было отвергнуто большинством. «Эти богатства, даже если предположить, что они действительно существуют,— утверждали оппоненты,— для нас останутся недостижимыми, по крайней мере в нынешнем столетии!»

Ошиблись! Но в чем можно упрекнуть этих людей, кроме недостаточной дальновидности? Край лютых холодов и беспощадного гнуса, вечной мерзлоты, бесчисленных озер и болотных топей и впрямь не сулил добра. К тому же не было техники, пригодной для работы в экстремальных условиях этого края. Вездеходы, вертолеты, болотоходы, сверхмощные буровые станки,— все это появилось потом, спустя годы, а покуда на руках у скептиков были все козыри. Но мир наш устроен так, что как только возникает на гребне его надежд некий «тосканелли» — прогнозист, мыслитель, так тотчас же объявляется и некий «колумб» — рыцарь, практик, готовый положить голову за идею. Так и гипотеза Губкина постепенно обрела приверженцев из наиболее отчаянных голов от геологии, и пока ученые спорили, эти практики уже пустились в путь по северам Тюменщины.

В начале пятидесятых небольшие разведочные экспедиции и отряды сейсморазведки пробирались все глубже в дебри сургутской тайги, в пади шамских болот, в снега ямальской и тазовской тундр. Не было ремонтных баз, не хватало бурового оборудования, инструмента, самоходной техники. Каждый шаг давался с трудом. Не легче, чем суровые природные условия, преодолевалось и скептическое отношение к поиску со стороны высокого начальства. Изменить положение могло только открытие. Но большинство пробуренных скважин оказывались либо вовсе пустыми, либо поддразнивали малым дебитом до нефти, то газа, но подтверждающая промышленные запасы.

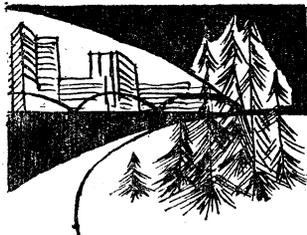
...Это произошло в июне 1960 года. Начальнику Тюменского геологического управления Юрию Георгиевичу Эрвье вручили радиogramму следующего содержания:

«Скважина Р-6 фонтанировала через пятидюймовую обсадную колонну без спущенных насосно-компрессионных труб... с дебитом 350—500 тонн в сутки. Точно дебит определить невозможно ввиду того, что скважину пришлось по техническим причинам два раза останавливать. Амбар сейчас почти полностью заполнен нефтью, давление сообщу позднее».

Радиовал начальник Шаимской нефтеразведочной экспедиции М. В. Шалавин.

С этой временной точки и начинаются геологические открытия на тюменской земле, не имеющие аналога в мировой практике. Шаимское, Самотлорское, Мегифонское, Усть-Балыкское — нефтяные месторождения, Игримское, Похрамское, Крэмсомольское, Губкинское, Медвежьинское и Уренгойское — газовые гиганты. «Открытие века!» — так охарактеризовала мировая печать достижения сибирских геологов.

Разведка уходит все дальше — на север, и все глубже — в недра земли. А тем временем на открытых уже месторождениях встают первые бастионы освоителей — нефтяные и газовые промыслы, вахтовые поселки и города.

**Снятся людям
иногда...**

В середине шестидесятых, когда обозначилась перспектива активного внедрения человека в область экстремальных климатических зон — субарктики и арктики, не-

которые молодежные газеты и журналы бросили клич: «Пофантазируем!». И замелькали проекты северных поселений. Они в большинстве своем мало чем отличались от фантастических городов на Луне и на Марсе. Это были строения под прозрачными куполами, где вольготно цвели вечнозеленые сады и искрились искусственные водоемы, города, состоящие из громадных зданий, соединенных между собой стеклянными галереями. В одном из таких проектов, помнится, даже значился точный адрес: «Надым — город будущего». Пропагандисты смелых идей в ту пору, пожалуй, переусердствовали. Кое-кто из читателей принял фантастические образцы за чистую монету...

Вспоминаю сахалардский аэропорт 1971 года. Утлое заваленное сугробами зданье барачного типа. Еще вчера оно пустовало. Но теперь! Толпы людей дневали и ночевали здесь. Среди сваленного на пол пыльного дорожного скарба сопели, хралели, резались в «тыщу», бессонно маялись кочевники века — молодые парни и девушки: геологи, буровики, плотники, механизаторы, прожженные северные бичи. Надым был объявлен Всесоюзной ударной стройкой. И люди ехали строить Надым.

Там, в провонявшем консервами, перегаром и багажом сумрачном зальчике ожидания я впервые наблюдал те душевные аварии, когда хрустальные мечты на всем ходу сталкивались с железной действительностью. Мальчик в кроличьей ушанке, теребя пошарпанный рюкзачок, еще что-то лепетал про город под стеклянным куполом, а заспанный, стершийся в мутной воде похмелья мужичок втолковывал ему свое, истинное что и как.

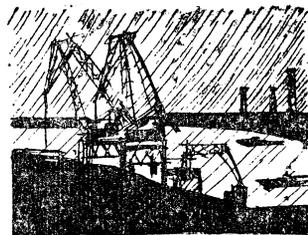
— Брось ты эти сказки. Выкинь из головы. Там, в Надыме, чтоб на ночь приткнуться, угла нет. Я вон месяц бичевал в балке на нарах. Проснешься по утрачке — башку не оторвешь: волосы к стенке примерзли. А ты как думал? Стенки-то железные, ковров не весят! Вот ежели летом, конечно, по навигации материалов подкинут, тогда другое дело. Тогда к осени, может, первый дом заложим...

— Какой дом? — в глазах мальчика растерянность.

— Обыкновенный, в пять этажей. Какой еще!

— А купола?

— Чокнулся ты на куполах, чудо в перьях! Кто хоть их изготовляет, ты мне покажи. Какие хоть они на вид-то? Мотай-ка ты, братан, домой, к мамке. Там тебе и все купола! А тут — Север. Понимаешь — Север?!

Действительность

Там и впрямь было не до куполов. Руководители единственного в ту пору в Надыме треста «Севергазстрой» столкнулись на практике с явлением катастрофическим — текучестью кадров. Трест и его подразделения напоминали проходную с множеством дверей. Люди шли нескончаемым потоком. Они входили в одни двери и выходили в другие. И самое обидное было то, что в общей массе уходили и нужные стройке люди — квалифицированные рабочие, специалисты.

Человеку, живущему в большом городе, работающему на крупном предприятии со сложившимися традициями, трудно понять необычность драматизма северных проблем. Давайте вообразим и наглядно представим всю картину. Итак, вы будто смотрите с высоты птичьего полета на территорию в сотни квадратных километров, где нет ни железных дорог, ни автомагистралей, ни городов, где признаки присутствия человека так ничтожны, что их впрямь не заметить. В юго-западной оконечности этой тер-

ритории есть точка — клочок земли размером примерно в 400 гектаров. Здесь предстоит построить город. В пятнадцати километрах от этого пятачка — река Надым. Ее берега придется одеть в бетон, возвести причальные сооружения, водрузить на них краны — создать речной порт.

На противоположной стороне реки, на правом ее берегу, — поселок Старый Надым. Когда-то там жили пяки — лесные ненцы. В пятидесятых они влились в коллективные оленеводческие хозяйства, ушли на север — в Ныду, Нори, Хэ — и там осели. В поселок пришли нефтеразведчики, отстроили его заново. Но к началу освоения и они откочевали к Обской губе, в Нумги. А Старый Надым готовился стать базой строителей газопровода и железнодорожной линии Надым — Медвежье.

До Медвежъяго — 120 километров на восток. Там, на месторождении, должен возникнуть поселок Пангоды — плацдарм буровиков и газодобытчиков и десять установок комплексной подготовки газа, каждая из которых — средней величины завод. Эти установки растянутся по тундре стокилометровой шеренгой с юга на север, почти до самой Обской губы.

Срок, чтобы раскрутить строительство, поднять всю эту махину, включая и строительство города, и промысла, и газопровода, опущен крайне малый: по плану правительства уже через год ямальский газ должен быть подан на Урал и в Центр, а через пять, максимум — шесть лет Медвежье необходимо вывести на полную проектную мощность. Что для этого нужно? Живая сила и техника: сотни машин и механизмов, десятки тысяч человеческих рук. Но на стройке нет ни жилья, ни гаражей, ни ремонтных баз — ничего. А сроки уже установлены. И вся эта неустойчивая масса — люди, машины, грузы, оборудование, механизмы — уже хлынула со всех концов великой страны.

Вспоминаю каменное лицо управляющего трестом Василия Даниловича Чернышова. Будучи в курсе всех неурядиц и проблем, я как-то спросил его:

— А может быть, произошла тактическая ошибка? Может, разумнее было бы заблаговременно подготовить базу, создать необходимые условия, а уж тогда и призывать людей?

На это он твердо ответил:

— Нам здесь условий никто не создаст. Мы сюда и посланы для того, чтобы создать эти условия.

Трудно начинался Надым. Зимой в непролазных снегах пятисоткилометрового зимника увязали механизированные колонны, выходили из строя машины, дефицитные грузы оседали в кюветах, не дойдя до строительной площадки. Единственная на весь поселок котельная работала на пределе сил, мощности всех передвижных электростанций не хватало, чтобы поддержать свет и тепло в вагонгородках, да и вагончики не могли вместить всех нуждающихся в жилье людей.

К осени, благодаря усилиям многочисленных студенческих отрядов, обрисовались фундаменты первых капитальных домов. Но домов-то еще не было, их надо строить...

До предела уплотняли население в балках и вагончиках, ставили раскладушки в кабинетах управлений, размещали вновь прибывающих на полу комсомольского штаба стройки, превратили в общежитие даже баню, а в Пангодах — ошощехранилище.

Почти дословно помню разговор с уполномоченным министра газовой промышленности Михаилом Александровичем Васильевым. Мы встретились белой ночью у котлована под фундаментом первой надымской пятиэтажки.

— И обком партии, и мы, строители, — сказал Васильев, — пришли к единому мнению, что не имеем права бросать на ветер государственные рубли и не станем повторять просчетов благоустройства в Среднем Приобье. Там настроили деревянных домов. Потом над ними поднялся бетонный массив. Людям, естественно, захотелось жить в благоустроенных квартирах, и деревянные пошли под снос. В Надыме мы пойдем другим путем: будем сразу же

строить город в капитальном исполнении. И людей настраиваем так, что пока придется жить тесно в балках, в вагончиках — год, если понадобится — два.

Признаюсь: в ту пору мне эта точка зрения показалась жутковатой. «Счет идет не на дни, не на месяцы, а на годы, — думал я. — А на сколько хватит этих парней, ноющих в кабинетах грузовиков и вездеходов, этих семилетних бородачей, теснящихся в прокуренных клетушках, этих молодых женщин и девушек, что, не раздеваясь, ложатся спать в ледяные постели? Помыкаются, да и сбегут без оглядки!»

Нет, они не сбегали, они стойко ждали, когда вырастет белокаменный город.

Тысячи...

Надым называют городом с комсомольским билетом. По статистическим данным на 1980 год средний возраст надымца — 25 лет. Был и еще ниже. Стало быть (вспомните романтического мальчика в салехардском аэропорту) эти юноши только с виду казались хлипкими. И не матерые бичи-перелетчики, а время, обстоятельства выносили оценку их физическим и духовным силам. Если молодой человек, отправляясь в дальний путь, в сибирские северы, и уповал на сказочный город будущего, то это была лишь уловка, чтобы оправдать первый решительный шаг в глазах родителей, друзей. Он хотел познать, испытать себя, утвердиться в мире прочно и самостоятельно. Вот весьма характерный пример.

Впервые до центра Медвежъяго я добирался трое суток по зимнику на перекладных — машинах, тракторах, вездеходах. Ночью в мысли закрадывалась тревога. Одиноким автомобиль катил по снежному коридору, расталивая темноту пучком света. Пока струился этот свет, пока тарахтел двигатель, нам ничем не угрожал холодный, бездушный мир зимней северной ночи. Но случись поломка — и в тот же миг рухнет иллюзия нашего превосходства над силами природы...

На финише этой трассы горел единственный огонек. В вагончике близ крутого берега Правой Хетты жили двое: Николай Ахметов и Гриша Зайченко — рабочие Полярной экспедиции, заброшенные на месторождение первым десантом, чтобы принимать поступающие по зимнику грузы и буровое оборудование. Ахметов — мужик тертый, механизатор. В его распоряжении БАТ — бульдозер на базе танка Т-34. Зайченко — человек пока без профессии, выпускник одной из киевских средних школ, длинноволосый юноша. Как выяснилось, до прибытия Ахметова Зайченко целый месяц жил здесь один. Как жил? Заготавливал дровишки, топил буржуйку, варил каши и супы из концентратов. С утра уходил на точку (восемь километров туда), там принимал грузы и к ночи (восемь километров обратно) возвращался в вагончик. А вокруг — лес и тундра. И ни души.

А ведь он вырос в каштановом теплом Киеве. Учился в школе. После школы работал лаборантом. Надоело. Захотелось острых ощущений. Вот они.

— Как думаешь, сколько сможешь выдержать здесь? — спросил я неразговорчивого паренька.

— Поработать пока, — неопределенно ответил он.

Через восемь лет я встретил его там же, на берегу Правой Хетты. Уже развернул алюминиевые крылья цехов, промбаз и складов центр Медвежъяго, Пангоды, бетонка пересекла тундру, опоры ЛЭП великанами поднялись над черным лесом. И Гриша Зайченко стал другим человеком:

рослый, косая сажень в плечах, с прямым, немного насмешливым взглядом мужчина говорил со мной. У него медаль «За освоение Севера», слава лучшего вышкомотажника экспедиции. Он выстоял. Он победил. И вот таких, как он, в Надыме, в Пангодах, а теперь уже и в Уренгое — тысячи.

— А ты помнишь свой первый вагончик? — спросил я у Зайченко.

— А как же! — он рассмеялся. — Мои университеты...

— О чем же ты думал, когда уезжал из Киева? Чего хотел: денег, романтики или опекуны надоели?

— Все, кроме денег. Восемнадцать лет было. О деньгах даже не думал. А вообще хотелось чего-то необыкновенного. Начитался фантастики, вот и махнул...

Как быть с куполами?

Дело фантастов — прогнозировать будущее. Тут, как говорится, вольному — воля. Когда фантаст рисует сказочный город, он делает ставку на ту супермощную экономическую базу, какую человечество в конце концов создаст. Не трудно нарисовать сказочный город, опираясь на то, что предположительно будет. Но попробуйте запроектировать сказочный город, опираясь на то, что есть. С Надымом, к примеру, на первых порах вышел конфуз. Получилось так, что строители бесцеремонно вмешались в дела архитекторов и принялись возводить здания, не имея проектных разработок. Надо было спешить со строительством жилых корпусов, а проект детальной планировки все еще ходил по инстанциям. И строители сами провели изыскания, завезли стройматериалы и приступили к монтажу капитального дома. Эту инициативу многие одобрили — первый жилой дом растет, значит, лед тронулся. Но не нанесли ли они удар по генеральному проекту?

— Утопические проекты нам не к лицу, — успокоил меня на этот счет один из авторов надымского проекта, руководитель ленинградской мастерской № 6 Аркадий Иванович Тевьян. И добавил: — Разумеется, мы могли нарисовать и заложить в смету ультрасовременные здания с применением уникальных конструкций и материалов. Но где разместить заказы? Ведь базы стройиндустрии с таким ассортиментом есть только в Москве, Ленинграде, Киеве... Но представьте себе, каковы были бы транспортные расходы. Поэтому нам в своих решениях, расчетах приходилось опираться на то, чем располагают близлежащие Тюменский и Сургутский домостроительные комбинаты. А там выбор весьма ограничен. То есть я вот что хочу сказать: пока на севере нет своей современной базы стройиндустрии, ни о каких куполах речи быть не может.

— Иначе говоря — долой фантазию! — усмехнулся я.

— Долой фантастику, долой иллюзии, — поправил Тевьян. — А вот фантазия пригодилась: ведь мы изобрели для Надыма «подковку счастья».

Когда смотришь на Надым из кабины вертолета, почти весь он кажется состоящим из множества отчетливо обрисованных полуколец, подков. Так расположены здания микрорайонов, соединенные между собой вставками с арочными проходами. Смысл такой планировки ясен: создать для людей своего рода микроклимат, оградить их от снежных и песчаных бурь, от шума городского транспорта. Подковы, кроме того, создают благоприятные условия для жизни деревьев.

Кто мы, идущие за колумбами?

Наш водомет даже не чихнул ни разу — завелся, как говорится, с первого оборота. Моторист Саня обернулся и хитро подмигнул:

— Техника! А вы говорите, Георгий Иванович...

— Давай, давай! — сказал Епхив. — Не зазнавайся. Молодец, джигит, но не зазнавайся.

Катер рванулся вперед, тараня форштевнем крепенькую волну. Свежий воздух с реки хлынул в раздраенные дверцы просторной кабины, в момент высвистал вон запах соларки.

Надым в этом году обмелел рано. Еще только начало июля, а по всему руслу реки зажелтели залысины песчаных отмелей. Фарватер, обозначенный бакенами, напоминал ломаную кривую. Водомет — машина неприхотливая и мелководья не боится, но Саня, как видно, не хотел рисковать и вел катер точно по обстановке. По курсу возникали то обширная песчаная залежь с осевшими на ней ящиками, бочками, бревнами и обломками сухостоя, то придвигался близко черной дремучий лес, то открывалась просторная панорама реки, несущей свинцовые воды в холодное ямальское море — Обскую губу.

— Любуешься? — Епхив тронул меня за плечо.

— Дьявольски притягательная картина.

— «Чтоб не жалеть потом, не трать напрасно время, от праздности беги и от пустых затей», — без пафоса процитировал он.

— Кто? Омар Хайям? — без удивления спросил я, зная приверженность неистового осетина, так мы его окрестили, к мудрецам древности.

— Не угадал, дорогой. Это — Насими. Ему в Баку памятник стоит. А я, понимаешь, только недавно открыл для себя этого поэта. Низами знал, а Насими — нет.

— И к чему бы, если не секрет, такая цитата?

— Потому что любишь, — сказал Епхив и неожиданно резко ткнул пальцем в сторону желтеющего на солнце островка. — Туда посмотри, тоже интересно. Бочки видишь? Из-под соларки бочки, из-под масла. Скажи, какой мерзавец их в реку бросил? Это же диверсия против природы.

— Скорее всего ё берега смыло, — предположил я, — половищем, а потом выбросило на отмель.

— Что ж они, не знали, что будет разлив? — вскипел Епхив. — Наивно думать. Знали. Ты разберись, дорогой. У тебя же — перо. Это все равно, что клинок у джигита. Заржаветь может! Спешу. Глупость надо рубить под корень. — Он хитро прищурился: — «Ум человека — свет сокровищ всех дорожек. Ты мудрецам внемли, чтоб стать мудрее тоже». Снова Насими.

— А что же вы не вставите еще и ваш любимый рубаи? Я его запомнил: «Пока ты на земле, пока ты жив, ты быть прямым старайся, как алиф, чтоб видеть бога в каждом человеке, молясь ему и все ему прощая».

— Прощать нельзя, — Епхив нахмурился. — Потомки нам не прощают!

— Мелочи, — не оборачиваясь, возразил моторист Саня. — Преувеличиваете, Георгий Иванович. Мы — капля в море. Колошимся тут, как микробы. А земля-то вон какая — ни конца, ни края.

Неистовый осетин тут же ринулся в бой, сражая противника мощными аргументами.

Я был знаком с Епхивым уже несколько лет. Он строил газопровод. Вначале был главным инженером, потом стал начальником СМУ. В Надыме одни считали его

чудаком, другие — хорошим специалистом, трети «шили» ярлык волонтериста и послушника. Но никому не пришло бы в голову записать его в разряд «тихих» руководителей. Его если хвалили, так уж хвалили! Если ругали, так уж ругали! Он ссорился с начальством, навлекая на себя гнев городских властей, потом умудрялся доказать свою правоту и вновь оказывался в фаворе. Однажды он схлестнулся с горно. И произошло это вот как.

В поселке Старый Надым, где базировалось его управление, не было школы. По числу детей там просто не полагалось. Но дети были, и на учебу им приходилось ездить в Надым. Путь был нелегким. Малышей поднимали в шесть утра, на вахтовках доставляли на берег, там они переходили на катер и плыли на ту сторону, где снова пересаживались на автобусы и пятнадцать километров ехали в школу. Зимой, когда река покрывалась льдом, родители потеплее укутывали детишек и благословляли их в двадцатикилометровый путь на автомобиле по зимнику.

Епхив терпел год, второй. Наконец кавказская душа его возмущилась. Он созвал родителей и сказал:

— Вот здание новой конторы. Занимайте. Здесь будет школа.

Закупили парты, доски, прочий необходимый инвентарь. Среди жителей поселка (в основном это были жены рабочих и ИТР управления) нашлись дипломированные учителя с педагогическим стажем. Епхив зачислил их в штат управления. И вот 1 сентября, как положено, в поселке Старый Надым торжественно распахнулись двери школы.

Через месяц его вызвали «на ковер».

— Это партизанщина! Школу немедленно закрыть.

— Что, это мне надо? — спросил Епхив. — Школа нужна детям. Вам не нравятся? Жалуйтесь министру образования. Но учтите, я тоже не буду молчать!

Почти год продолжался неравный бой. Наконец школу узаконили.

Что и говорить, в Надыме Епхив был фигурой заметной. А в последнее время наделал шуму на весь Союз. Началось все это, как он мне рассказывал, еще семь лет назад, на трассе Ухта — Торжок. Там лес и болото. Тонули трактора, зарывались в трясину трубопроводы. Сбои в доставке на трассу стальных плетей тормозили работу сварочных бригад.

Однажды в руки Епхиву попала книжка «Транспорт для бездорожья». Развернул, и вдруг фраза: «Бездарно забытые дирижабли». Инженер Епхив даже вздрогнул: какая мысль! Что может быть надежнее современного дирижабля в условиях трассы? Высвобождаются сотни единиц самоходной техники. Экономия во всем: в транспорте, в сохранности дорогостоящих зарубежных труб. Это же все — миллионы государственных денег!

Епхив изучил десятки статей об отечественном и зарубежном дирижаблестроении, обчислил возможный экономический эффект от внедрения устаревшего летательного аппарата и, когда основательно убедился, что находится на верном пути, ударил в колокола. На его письмо откликнулся академик А. А. Трофимук, пообещав поддержку в ученых кругах и посоветовав обратиться с предложением в Тюменский обком партии. Об энтузиасте Епхиве писали газеты — окружная, областная, центральные. Журнал «Техника — молодежи» опубликовал солидную статью, сопроводив ее красочными иллюстрациями. Вершиной бурной деятельности Епхива была научная конференция в Грозном, где он выступал с докладом. С трибуны его провожали аплодисментами. Кто-то бросил, однако, реплику: «Где предприятие, которое возьмется за строительство дирижабля!» Тогда, в запальчивости, Епхив сказал: «Дайте мне свободный миллион, и я на базе своего управления построю!» Зал разразился смехом. Но смеялись потому, что мало знали Епхива. Думаю, что если бы ему дали такой миллион, он и впрямь построил бы дирижабль собственными силами и по собственному проекту.

— Ты что ж замолчал? — вторгся в мои раздумья неистовый. — О чем думаешь, интересно знать?

— О твоих дирижаблях.

— Молодец! — Епхив весело рассмеялся. — Представь себе дирижабль. Он не отравит воздух, он не разбередит ягельный покров тундры, он не повалит деревья в лесу, он не запоганит реки нефтью! Пока не добьюсь, буду долбить это...

— Одержимый ты человек, Георгий Иванович!

— Надо! — он поучительно поднял вверх указательный палец. — «За мгновением мгновенье — и жизнь промелькнет. Пусть заботой мгновенье это блеснет! Берегись, ибо жизнь — это сущность творенья, как ее проживешь, так она и пройдет».

— Прямо уж и «заботой»? — придирался я. — У Хайяма — «весельем», тебя ли учить?

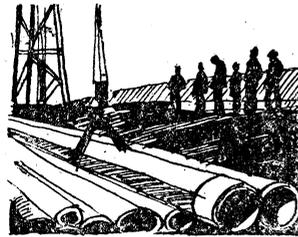
— Правильно, — Епхив насмешливо хмыкнул. — Наверное, мудрец ошибся. А может, перевод неточный?

На середине реки ветер дул сильнее. Катеришко переваливался с боку на бок, надсадно взывал, но упрямо рыл носом волну.

— Как думаешь, Георгий Иванович, — обратился я к Епхиву, — в отношениях со здешней природой к какому мы придем результату в конце концов: достигнем разумной гармонии или упрямся в тупик?

Его крутые брови сдвинулись к переносице:

— Я тебе так отвечу: наш закон, государственный закон, на стороне тех, кто стремится к гармонии, то есть к лучшему. Значит, речь должна идти только о своевременном пресечении тех, кто нарушает или обходит закон. Не вижу повода для пессимизма.

**Эксперимент
удался,
и все же...**

Комплекс «Надым-Медвежье» специалисты нарекли стройкой экспериментальной. Здесь проходили серьезное полярное испытание люди, механизмы, стройматериалы, новые архитектурные решения, зарубежные и отечественные трубы для тазопроводов небывалой пропускной способности, уникальные установки комплексной подготовки газа, методы строительства, монтажа и технологии бурения сверхмощных скважин... Список первопроходческого эксперимента можно было бы продолжить до бесконечности. Но суть не в том. Для чего, для каких целей нужен был этот глобальный эксперимент? Конечно же, для будущего, для дальнейшего продвижения человека в глубины арктических широт. С учетом надымского опыта это продолжение должно было стать более уверенным, планомерным, рентабельным, культурным и, если хотите, более нравственным. Надо сказать, что будущее освоителей не заставило долго ждать. К началу 1975 года на Медвежьем все еще продолжалась битва за большой газ, а первый десант буровиков и строителей уже отбыл на Уренгойскую площадь.

В ноябре 1977 года я прилетел в Ягельное. Название этого поселка не значилось на географических картах, но в прессе уже широко рекламировалось как место, где закладывается фундамент очередного бастиона ямальских газодобытчиков — города Новый Уренгой.

Вид Ягельного меня озадачил. Со дня высадки первого десанта минуло без малого три года, но где же капитальные дома — каменные вежи нового города? Деревянная гостиница, деревянные жилые двухэтажки внуши-

тельных размеров... Или опыт надымских стратегов признан ошибочным?

В гостинице я встретился с заместителем начальника Главтюменнефтегазстроя Юрием Александровичем Струбцовым. В Надыме он был главным инженером строительного треста, потом возглавил его, позднее был приглашен в главк и теперь курировал уренгойскую стройку. Он был и одним из инициаторов идеи чистого города, без временок.

— Выходит, опыт Надыма — насмарку? — спросил я не без иронии.

— Выходит, так, — ответил он. — Но лично я считаю такое забвение ошибкой. Это шаг назад по сравнению с тем, что было у нас в Надыме. вспомните, ведь мы бедствовали только год. Но зато потом жили в капитальных домах, учили детей в школе, какой позавидуют и на Большой земле.

— Может быть, возвращение к деревяшкам продиктовано заботой о людях? — предположил я.

Но он отрубил:

— Иллюзии! Поймите, это не выход из положения. Наоборот — тормоз. Мы растрачиваем силы на строительство двенадцатиквартирных домов и стоместных общежитий, хотя очевидно, что они не решат жилищной проблемы. Значит, мы убиваем время. Это, повторяю, очевидно, если не закрывать глаза...

— Так в чем же дело?

— В несогласованности, — подумав, сказал Струбцов. — Необходима организация, которая бы анализировала и обобщала весь накопленный нами опыт, и на этой основе формировала единую стратегию освоения.

Вечером в тесной конторке ПММК-9 я разговорился с молодым, но уже главным инженером Беленко. Он тоже начинал в Надыме, был рабочим, потом механиком участка. Уренгой поманил его небывалым размахом.

— Я целиком и полностью согласен со Струбцовым, — признался он. — Точная позиция. Я везде бывал — в Сургуте, Нефтеюганске, Нижневартовске, Урае. Положа руку на сердце, скажу: Надым — самый элегантный из всех наших северных городов. Он достоин подражания.

Да, Надым достоин подражания. Что бы ни строилось в нем — все как бы несло на себе печать нового качества. Если дома, то с улучшенной планировкой, если детские сады, то с повышенным комфортом, школы — по последнему слову, оформление детских площадок, залов столовых, кафе, гостиниц — в лучших традициях современного дизайна. Надым построил первый в Тюменской области широкоформатный кинотеатр, получил лучшую в стране плавучую электростанцию «Северное сияние-5», смонтировал крупнейшие в Западной Сибири очистные сооружения... А если еще учесть, что здесь вырос самый мощный в стране газодобывающий комплекс, что здесь впервые в стране стали строить мосты с помощью вертолетов, впервые внедрили поточный метод монтажа магистральных газопроводов...

Нет, опыт Надыма надо было поддержать, распространить.

Утверждение парадокса

Мой сосед по номеру (он прибыл в Ягельное из Москвы) долго смотрел в окно, разглядывая с состраданием неуютный дикий пейзаж: излучину реки, одинокую черную лиственницу. Потом отвернулся от окна, полистал

нехотя замусоленный «Огонек» и обронил задумчиво:

— Согласитесь, уважаемый, ведь в том, что мы строим здесь города, есть определенный исторический парадокс.

— Парадокс? — я не скрыл удивления. — Вы говорите парадокс, в то время как уже наполовину построен Надым и заложены фундаменты Нового Уренгоя? Не парадоксально ли само по себе ваше высказывание?

— Отнюдь, — возразил он. — Исторически город возник обычно там, где людям было выгодно иметь и сподручно строить город — на берегах морей и сухопутных рек, на скрещении караванных путей, вдоль крупных дорог. Место для города выбиралось с таким расчетом, чтобы было вдоволь строительного материала — глины, камня, дерева. А что мы имеем здесь, в Ягельном, или даже в Надыме? Ничего! Только река, да и та работает четыре месяца в году. Для меня, признаться, загадка, как вообще удалось защитить города в сих географических точках. Каковы обоснования, каковы аргументы?

— А что бы вы предложили взамен? — спросил я. Он пожал плечами.

— Не знаю... Но, вероятно, можно найти какие-то более рентабельные формы освоения. В конце концов, месторождения исчерпаемы. И если заглянуть чуть подалее в будущее, кому будут нужны плоды наших героических усилий и творческих мук? Не ждет ли эти города судьба египетских пирамид?

— Вы опоздали в своих опасениях лет на десять, как минимум, — усмехнулся я. — Они уже высказывались и даже в такой же формулировке.

...Не так давно я заглянул в кабинет директора производственного объединения Надымгазпром Владислава Владимировича Стрижова. В кабинете на высокой тумбе увидел... камень. Удивился я и спрашиваю:

— Для чего это вы водрузили глыбу на пьедестал?

Стрижов этак хитровато прищурился и отвечает:

— А для того, чтоб каждый, кто заходит в мой кабинет, спрашивал, для чего я это сделал.

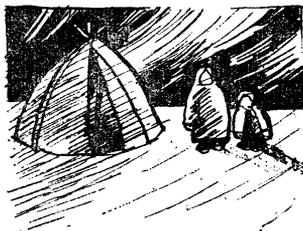
Как выяснилось, при бурении артезианской скважины на берегу Надыма геологи наткнулись на каменный пласт на глубине всего лишь три метра. А ведь считалось, что в районе Надыма нет камня. То же самое — с глиной. Оказывается, есть и глина в надымской округе. Беда в том, что не было проведено достаточно тщательных изысканий. А в результате такое удорожание строительства, когда стоимость одного кирпича подпрыгивала до рубля! Стрижов считал, что если бы изыскания были проведены своевременно, то в проект можно было бы сразу же заложить крупную базу стройиндустрии.

А что касается египетских пирамид, то эта теорияка тоже, можно сказать, уже опровергнута временем.

Да, лет на десять опоздал мой собеседник в своих рассуждениях. А в ту пору мнения дробились. Одни предлагали на время обустройства и освоения месторождений обойтись вагончиками. Им резонно возражали: не те масштабы, да и времена не те и люди хотят жить удобно. Третьи выдвигали, как наиболее оптимальный вариант, вахтовый метод освоения. На месторождении строится вахтовый поселок с комплексом необходимых услуг. Рабочие постоянно проживают где-то в большом городе, а сюда их привозят самолетами или вертолетами. Вахты меняются в две или три недели. Но и этот метод нашел лишь частичную поддержку. Вахтовый поселок хорош, если он отстоит от условного центра на 200—300 километров. А если на тысячу? Авиатранспорт и сам по себе — штука дорогостоящая. К тому же надо учесть и капризы погоды: метеословия Приполярья не позволяют часто менять вахты.

В Тюменской областной партийной организации выработалась твердая убежденность: необходимо строить города образцового снабжения и быта, создавать при них промышленные предприятия, тепличные хозяйства, животноводческие и прочие подсобные комплексы. На первых порах это поможет решить проблему закрепления кадров в районах Крайнего Севера. В будущем, возможно, этим

городам предстоит сыграть еще более важную роль в судьбе Заполярья, в том числе и в судьбе народностей, его населяющих.

Скептикам не ходить в пророках

Упряжка остановилась у нашего подъезда. Четыре белогрудых быка пугливо затолкались у края дорожки. Какор, невысокого роста смуглолицый крепыш, соскочил с нарты, откинул меховой капюшон и, шурясь, сталглядывать в ряды одинаковых окон. На нем была ладная, из голубого вельвета, малица, подхваченная чуть ниже пояса ремешком с медными бляшками. У бедра, в ножнах из кости мамонта, висел охотничий нож. Тундровые ненцы, пастухи оленьих стад, отличаются от поселковых особой опрятностью и горделивой осанкой.

В просторном внутреннем дворе шестого микрорайона жизнь шла своим чередом. Возле школы ватага младшеклассников гоняла мяч — был урок физкультуры, чуть поодаль старшие выписывали восьмерки на школьном мотоцикле. Мимо, по тропинкам, сновали озабоченные люди в бушлатах, спецовках, модных дубленках и засаленных полушубках...

Ненец только скользнул глазами по всему этому многоцветью, но тут же перевел взгляд на окна пятиэтажного корпуса и заметно встревожился. Я догадался, что он ищет кого-то, и подошел поближе.

— Впервые, что ли, в Надыме?

— Первые, — он согласно кивнул. — Много больших домов, как в Москве. В Салехарде так нету.

— В Москве, значит, бывали? — я вынул сигареты и протянул ему.

— Бывали. Пасиба, — он помял короткими заскоружеными пальцами кончик сигареты. — Путевкой ездили, выставку смотрели. Красиво.

— А самому-то в городе жить хочется?

— Не хочу пока, — задумчиво ответил он, — отец старый, сестренка учится интернате, еще двое — в чуме. Надо кормить. Жена хочет. Тоже училась в Салехарде, так хочет. Опять отец старый. В чуме хочет умирать.

— В Надыме-то кого потерял?

— Родственник тут. Худи зовут.

— Валера, что ли?

— Валера, Валера, — обрадовался он.

...Лет семь назад меня послали в командировку с конкретным заданием: разыскать в Надыме ненца Валерия Худи, сварщика из КММУ-4, и написать о нем очерк. Ненцев в ту пору на стройке было мало, особенно среди рабочих. Я, например, знал только одного — Василия Ламдо. Но вот в «Тюменской правде» опубликовали списки награжденных за успехи в освоении Севера, и там было названо имя Валерия Худи. Я разыскал его на монтаже городской котельной. Скуластый паренек маленького роста в серой брезентовой робе вошел в теплушку, держа на руке щиток, как фехтовальщик маску. Даже присесть к столу его пришлось уговаривать. На вопросы он отвечал односложно: «да», «нет». А когда увидел микрорайон, то и вовсе засмутился.

— Ну ладно, — потеряв всякую надежду, сказал я, — за что тебя наградили? Ведь почему-то именно тебе дали медаль.

— Больше никому было дать, вот мне и дали.

— Чего ты несешь чепуху, — возмутился заглянувший в бытовку бригадир Володя Бухман. — Да вы не слушайте

его. Отличный сварщик и медаль получил по заслугам. Он к нам пришел после Лабитнангского ГПТУ. Старательный, толковый. И ребята его уважают...

Очерка не получилось, написал я только заметку о сварщике Валерии Худи. Я был уверен: не удержится он на стройке. Слишком велика привязанность ненцев к тундре, к привольным ее просторам, к солнцу и ветру, к животным, окружающим с детства их кочевой быт.

Прошли годы. Однажды в кинотеатре «Победа» надымцы устроили выставку прикладного искусства. Сюда были свезены экспонаты со всего района — изделия тундровых мастериц из меха и бисера, произведения самодеятельных художников и резчиков по кости и дереву. Словом, было чему подивиться, и люди не скупились на похвалы. Вот тут-то, на выставке, я снова встретился с Валерием Худи. Он был в цивильном пальто с каракулевым воротником, в меховой ушанке, в ботинках на модной подошве. Рядом с ним шагала молодая ненка в песцовой шапочке и нарядной дошке, а между ними — весь меховой черноглазый раскосый мальш.

— Здорово, сварной! — сказал я. — Давненько не виделись. Где же ты теперь?

— В Надыме, — просто, по-приятельски ответил Худи. — Заходите в гости. Вот адрес. Теперь можно и поговорить, есть что рассказать.

Да, сама жизнь пишет набело историю этого края. Много ли времени прошло с той поры? А ведь сегодня уже не десятки даже, а сотни ненцев и ханты прижились в Надыме. Работают в детских садах и здравпунктах, на стройплощадках и в мехмастерских. При клубе создан национальный ансамбль песни и танца. Процесс приобщения стремителен, город всесторонне способствует ускорению этого процесса. Направления в вузы, бесплатные путевки в лучшие лечебницы и дома отдыха, благоустроенное жилье — все в первую очередь для граждан коренных национальностей. Эти привилегии начинаются с роддома, где надымские няни выдают бесплатное приданое для малышей молодым матерям.

Думая обо всем этом, я невольно вспоминал своего давнего соседа по номеру с мрачноватым его пророчеством. Мы едва лишь только всколыхнули первый пласт на этой суровой земле, но уже и теперь видно, как притягательно то новое, что несет Северу оплот цивилизации — город.

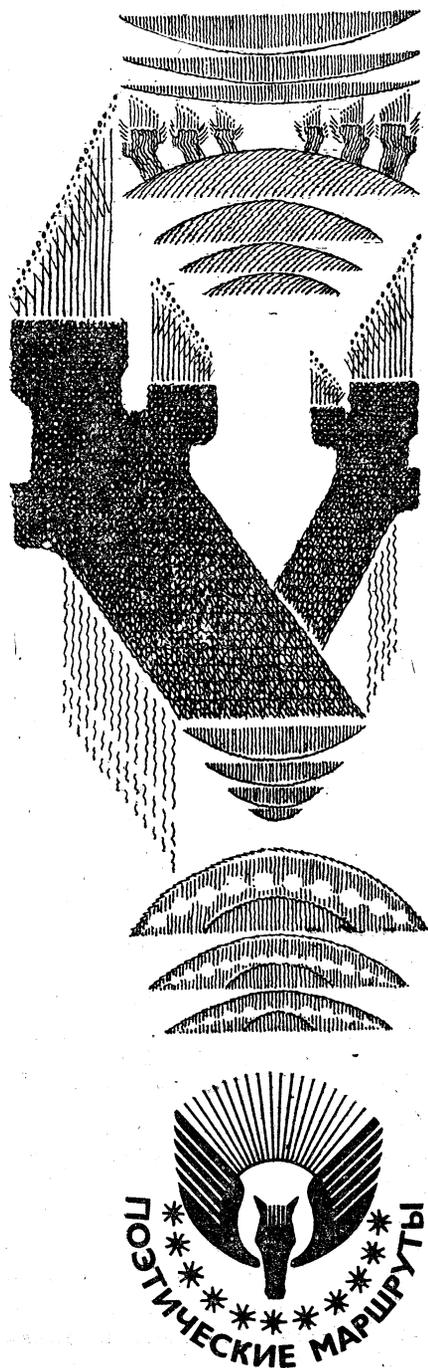
Вместо эпилога

Наше промышленное вторжение в заповедные просторы полярных широт не следует оценивать однозначно. Правы оленеводы, ратующие за сохранность традиционных пастбищ, где с приходом большого количества техники участились случаи возгорания ягельных тундр. Правы ихтиологи: поголовье рыбных стад в реках, включенных в транспортную схему освоителей, резко снижается. Правы экологи, высказывающие опасение насчет искусственного нарушения ритмов сбалансированной жизни природы. Но такова диалектика исторического процесса. И как когда-то в средние века эта диалектическая предопределенность столкнула с европейскими стапелами каравеллы Колумба, так и в наши дни она же указала нам путь в глубины Крайнего Севера. И разница тут не столько в величине тех или иных открытий, сколько в том, с какой целью, с вымпелом какого цвета на мачтах отправляются в путь колумбы всех времен и народов.

Мы устремляемся в поиск под красным стягом социальной революции и пролетарского братства. Пусть сегодня мы еще не можем дать объективной оценки нашим творениям, но если в наши помыслы и творения заложены принципы безграничного уважения к природе и человеку, то эти помыслы и эти творения неизбежно должны быть и будут оправданы в грядущем.

«С песней комсомольских батальонов...»

Заглянув в одну из редакционных комнат, застал шумный разговор. Говоривший замер на полужае, а потом сказал своему собеседнику:

— Вот спроси у него (кивок в мою сторону), знает он Селянина!

Собеседник послушно повернулся ко мне:

— Вы знаете Селянина!

— Федора! Разумеется.

В комнате рассмеялись. Оказывается, дошло до спора: «Ну как это,— кричал один другому,— ты не знаешь, кто такой Селянин, когда Селянина знают все!»

Смешно: в точно такую же ситуацию я попадал и прежде.

Да, Федора Селянина знают все... Ибо личность это замечательная.

...Припоминаю, как однажды некий важный деятель распекал сотрудника за какой-то промах. «Но он очень хороший человек!» — защищали товарища сослуживцы.

— «Хороший человек!» — поднял брови начальник. — Запомните раз и навсегда: такой должности нету — «хороший человек».

Чем дольше живешь, тем больше убеждаешься: нет, дорогой товарищ не прав. Есть такая на земле должность — хороший человек. И есть люди, которые, как говорится, замещают эту, всегда вакантную должность, отдавая ей все драгоценные россыпи души своей. Федор Селянин — один из таких людей.

Он талантлив.

При слове «талант» мы по привычке представляем себе художника, артиста, поэта, какого-нибудь умельца. Но бывает еще талант личности. Таким талантом щедро одарен Селянин, даром душевной доброты, неунывающей сердечности, гражданской чуткости.

Он — личность.

Его судьба — это судьба комсомольского вожака, лидера, первоходца.

Вожак — не потому, что «водит», а потому, что всегда первый, где трудно. Лидер — потому, что, не раздумывая, самое тяжелое в трудную минуту берет на себя. Первоходец — потому, что среди первых, если надо начинать с нуля.

Если бы людям, как учреждени-

ям, давали официальные наименования, то Селянина назвали бы Службой Помощи. Эта служба не по должности, а по душевной потребности. С людьми случается всякое. Один обнаруживает однажды, что ему негде переночевать, у другого — сложности с устройством на работу, третий — в тупике личных неурядиц. Если в безысходное мгновение случай пошлет им встречу с Селяниным, они выручены, поддержаны, спасены. Наедине с бедой Селянин не оставит никого. Кажется, его мощные плечи даны ему природой специально для того, чтобы снести с пути любые препятствия.

Он не любит, когда нуждающиеся в нем делают вокруг робкие круги деликатности. Он двигает кратчайшим: «Что я должен сделать!» Не «что надо», а именно — «что должен». Он считает, что он должен. Это — долг сердца. Как призвание.

Набралось бы, наверное, несколько десятков, а может, теперь уже и сотен людей, молодых, старых, женщин, мужчин, для кого Селянин сделал то, что не смогли другие, пробился там, где отступили слабые или равнодушные. Один, он стоит целого учреждения. Резерв Селянина неисчерпаем, потому что подлинная доброта не знает нормирования, она питается собственными поступками. Он отдает свою, по очереди полагающуюся квартиру многосемейному, поделится последним, поможет освобожденному из мест заключения, подставит плечо в несчастье. С другого конца страны позвонил в отчаянии товарищ: застрял в аэропорту, а в Свердловске умерла мать. Федор берет на себя всю тягостную, почему-то в нашем городе особенно муторную, процедуру похорон...

Недавно Селянин опубликовал в газете свои качканарские дневники. Одна запись меня остановила: привели, пишет он, мальчишку 12 лет. Бросила мать: загуляла. Мальчишку можно отправлять в детдом. Оставил у себя дома... Эта запись — единственная, где автор дневников упомянул про себя. Все страницы, от начала до конца, посвящены другим: товарищам, их удивительным судьбам и делам.

Федор Селянин — это Постоянство.

Много, очень много лет тому назад, когда еще только начинался легендарный Качканар и первостроители спали в палатках, примерзая одеялами по утрам к насту, Селянин, секретарь Нижнетуринского горкома комсомола, был рядом с первыми лесорубами и плотниками. Еще только рыли котлован под будущий комбинат, еще не было доброго жилья... В одном из барачков, в красном уголке, заменявшем в дни пик общежитие, Федор устраивался на полу, отдав гостю свою койку. До самого рассвета, холодного и пасмурного, он, горячий, беспокойный, накаленный заботами дня, говорил, как всегда, страстно, с взрывной силой о замечательных ребятах, о первых радостях стройки, о неразгрызаемых бюрократах, о жизни, о песнях, о комсомоле и диалектике.

Тридцать лет спустя случай снова свел нас, и распалился такой же жаркий разговор. Много переменялось с той поры. Качканар стал городом, бывший комсомольский вожак — крупный профсоюзный деятелем, изменились знакомые и друзья — кто-то состарился годами, а кто-то и душой, — но только не Селянин: он не переменялся. Как будто не было за плечами меняющейся характеры и привычки долгой службы, тяжелых сердечных приступов и больниц, трудной, без отрыва от работы, учебы во втором, после юридического, горном, институте («Руководить специалистами непрофессионально нельзя»)...

«Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». «Буду вечно молодым!» — не каждому позволит совесть так сказать о себе в тридцать, в сорок, в пятьдесят лет. Селянин о себе это сказать может.

Наверное, ему, как и всем, бывает трудно. Что такое трудно для таких людей, как он! «Когда я встретился с сестрой Николая Островского, — вспоминает Федор, — она рассказала об одном разговоре с братом. «Трудно тебе!» — спросила она однажды у прикованного к постели писателя. Островский ответил: «Трудно, Катя, тем, кто не знает, что делать. А мы знаем, что нам делать».

Селянин часто вспоминает эти слова: похоже, они стали его любимым изречением.

В самый канун Нового года позвонил ему однажды, чтобы поздравить с наступающим. Сказали — уехал на шахту. Если бы какой-нибудь писатель сочинил рассказ о том, что большой профсоюзный начальник проводит новогоднюю ночь не за праздничным столом, а в отдаленной шахте, под землей, в лаве, среди рабочих смены, то писателя упрекнули бы в лакировке, в приукра-

шивании. Федор Тимофеевич Селянин, председатель крупнейшего в области обкома профсоюза работников металлургии, вот уже много лет в ночь Нового года отправляется в шахты, чтобы поздравить рабочих на их рабочих местах, проверить, как в эту ночь обеспечена работа смен, в порядке ли техника безопасности, бытовые службы. Когда часы бьют двенадцать, шахтеров прямо на рабочем месте поздравляет их профсоюзный вожак.

Другой Федор — Маевский, — человек трудной и мужественной судьбы, в прошлом сын партизанского отряда, а в настоящем — машинист тепловоза перабо класса, сам строивший Качканар, говорит о Селянине:

— Этот — настоящий!

Однажды он прочитал нам стихотворение, потом еще одно... Так мы сделали открытие: Федор Селянин пишет стихи.

Слова — те же дела, если ценность их обеспечена поступками, жизнью.

Память у Селянина — как у ЭВМ третьего поколения — вмещает тысячи бит разнообразной информации и сотни стихов, своих и чужих. Его стихи — горячие, стремительные, конечно же, о комсомоле, о друзьях, о любви, «про работу жаркую». Больше всего — о комсомоле, кровной, навек родной семье.

Знают все: в походе веселей
С песней на подъемах и уклонах,
Я хочу остаться на земле
С песней комсомольских
батальонов.

В искренних и упругих стихах — радость от сознания причастности к боевому товариществу:

«Что вы сделали!» — Родина
спросит.

Мы в ответ: «Города возвели! —
Комсомольские честные взносы
В наше общее дело внесли!»

тихая печаль по уходящему:

Знаю сам: не из этой я стаи,
И не с нею свой путь пролечу,
Но как только она пролетает,
Вслед за нею умчаться хочу.

мир, открытый сердцу:

Открылось мне незримых звезд
свеченье,

И всплески волн галактики иной,
И времени особое течение,
И дождь метеоритный, неземной.

Предлагаем в этом номере несколько стихотворений Федора Селянина.

Давид ЛИВШИЦ

Федор СЕЛЯНИН

Звени, звени сильней, капаль,
И радуй, радуй, старый тополь!
В волшебных сапогах апрель
По речкам весело протопал.

Уже с разбуженных полей
Взлетают запахи парные,
И вновь на ветках тополей
Щуры резвятся озорные.

Нетерпеливая весна
Распахивает далее просинь.
В ручье корабль несет волна
И на простор реки выносит.

Осеннее

Прошла пора, когда гроза
Играла в огненные стрелы.
Стеклянным утром стрекоза
Последней, видимо, взлетела.

Да над засохшей лебедой
Какой-то жук еще трудился.
В саду подсолнух молодой
Так запоздало золотился.

Светило солнце, но лучом
Оно поля уже не грело.
А стрекоза осенним днем
К нему летела и летела.

Лишь незадолго до темна
В цветок уткнула носик жала
И на подсолнухе она,
Расправив крылья, остывала.

Мне не забыть ее глаза
И их блестящего овала.
Казалось:

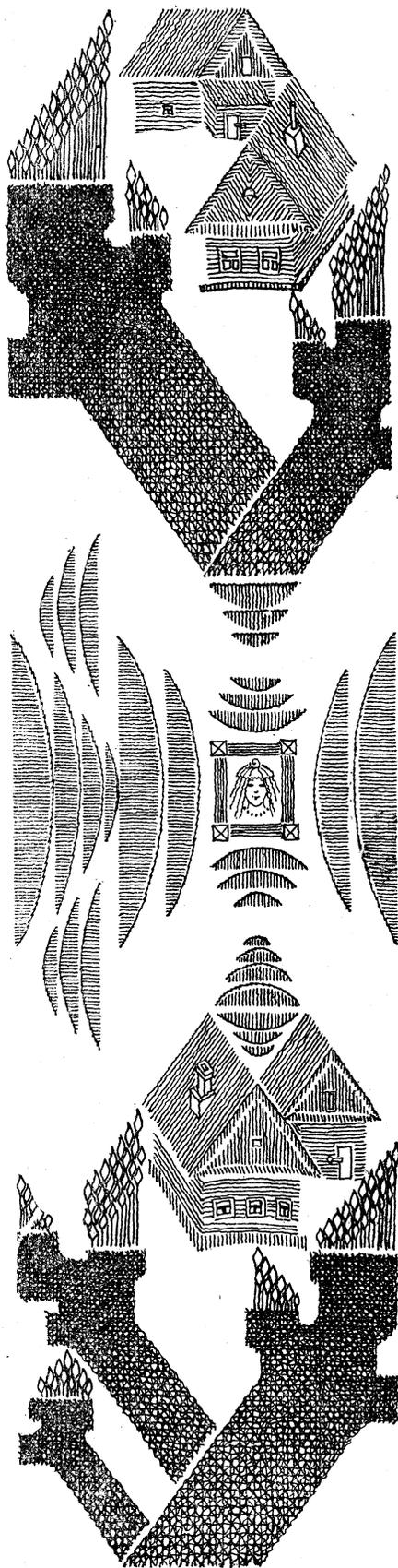
солнце целовала,
Прощаясь
с летом,
стрекоза.

Знаю, долго мне не целовать
Губ твоих над речкой вересковой.
Но твои душевные слова
Песню мне напоминают снова.

Мы у комсомольского костра
Здесь в тайге на Северном Урале
Песню эту пели до утра
И о новом городе мечтали.

Да, законы времени сильны,
И нельзя нам с ними не считаться.
Если мы навеки влюблены,
То на время можно нам расстаться...

В деревне Вязовая

Дождь землю поливает
Ну просто из ведра...
В деревне Вязовая
Осталось два двора.

Стоят домишки боком
На разные углы.
У тополей высоких
Потрескались стволы.

Береза у забора,
Состарившийся дом...
Но, в общем, разговоры,
Конечно, не о том.

Живут в деревне этой
Старуха и старик,
И ни зимой, ни летом
Не встретишь вместе их.

Рассыпал гром раскаты
Над крышами дворов.
Старик, хоть глуховатый,
Но все еще здоров.

Он мне открыл защелку:
Входи, мол, будешь гость...
Снять сапоги недолго
И кинуть плащ на гвоздь.

Дед у печи хлопочет,
Рябиновку несет...
Спросил я между прочим:
В соседях кто живет?

Спросил, да и заметил:
Старик, как бы со сна,
Рассеян стал, ответил:
«Да так себе, одна...»

Дождь колотил в ворота
Час от часу сильней.
Я женщину на фото
Увидел на стене:

Под свадебной фатой
Веселые глаза...
А в поле за рекою
Все плакала гроза.

Я был почти уверен,
Спросив: «Дедусь, жена?»
Но дед — в своей манере:
«Нет, так себе, одна».

Сквозь ливни грозовые
Иной я вижу ночь.
Пока сердца живые,
В них будет жить любовь.

Дождь землю поливает
Ну просто из ведра.
В деревне Вязовая
Осталось два двора.

Знаю сам: не из этой я стаи
И не с нею свой путь долечу,
Но как только она пролетает
Вслед за стаей умчаться хочу.

Где костры глухомань зажигает,
Где белеют палаток ряды.
Там и наша дорога крутая,
Там и мы навсегда молоды.

Не пугают нас ветры тугие
И бескрайность таежных болот.
Комсомольцев, друзья дорогие,
Даже старость и та не берет.

«Что вы сделали?» — Родина спросит.
Мы в ответ: «Города возвели!»
Комсомольские честные взносы
В наше общее дело внесли.

ПОЛЯРНОЙ ТРОПОЙ

См. 2-ю стр. обложки

Юрий БОРИСИХИН

Высокоширотная трансконтинентальная экспедиция Уэлен — Мурманск

зав. отделом публицистики
журнала «Уральский следопыт»,
участник экспедиции

И вот за сутки до вылета из Свердловска специального рейса Ил-18, который поможет маршрутной шестерке добраться к месту старта — мысу Дежнева, самой восточной точке страны, я вижу их рядом. Иван Дмитриевич Папанин — председатель оргкомитета полярной экспедиции «Советская Россия», Сергей Соловьев — ее руководитель. За «круглым столом» редакции газеты «Советская Россия», которая взяла шефство над переходом, сидят участники экспедиции, их провожают в далекий путь. На стене висит громадная карта страны с прерывистой красной нитью — маршрутом экспедиции...

Только ли берега океанов соединяет эта нить? Мы, члены маршрутной группы, сначала побаивались смотреть подолгу на карту. Мы понимали: надо что-то сменить в себе, что-то сломать, чтобы примериться к бесконечным пространствам; даже мысленно трудно было одолеть хребты, все крупнейшие северные реки, заливы, мороз, ночь, страх...

Я говорю «мы», потому что среди полярных рюкзаков в экспедиционном центре стоял и мой. Журнал «Уральский следопыт» принял участие в подготовке экспедиции, и мне, как спецкору, улыбнулось...

За два года подготовки не раз слышал от ответственных лиц, заинтересованных и незаинтересованных друзей, просто любопытных вопрос: «Сформулируйте главную идею и цель экспедиции. Это что: научный переход, спортивный, пропагандистский — какой?»

Мы понимали: этот вопрос бы естественный вопрос на самом деле коварен. У нас в руках была идея, хрупкая и нежная поначалу, и только облаченная в плоть подготовки она обрела силу.

Посмотрим реально — можно ли вообще пройти такой путь? Можно: в начале нынешнего столетия американец Расмуссен одолел более 18 тысяч километров на одной упряжке. Можно ли терпеть 60-градусные морозы? Можно: северные жители терпят больше. Можно ли держать такой плотный график — 50 километров в день? Да, можно: Ушаков и Урванцев достигали прямо-таки рекордной скорости — 150 километров. Может ли небольшой коллектив сохранить психологическую совместимость в труднейших условиях на протяжении 8—9 месяцев? Может: папанинцы дрейфовали именно 9 месяцев. Выдержали.

Еще вопрос: можно ли двигаться в полярной ночи? Вот этого не знает никто. Все предыдущие арктические экспедиции вставали на зимовку. Пережидали морозы и страшные метели.

Мы должны поставить эксперимент — проверить возможность активной жизни в условиях полярной ночи. Руководить им будет врач Владимир Рыбин.

Богатств минеральных в Арктике много, но до сих пор нет единой картины их залегания. Впервые наш штурман Павел Смолин ставит на нарты изобретенный и изготовленный в Институте геофизики УНЦ АН СССР магнитометр, который даст картину залежей на глубине до километра по всему побережью Северного Ледовитого океана.

Связь. Возможен ли гигантский радиомост: маршрутная группа — базовый лагерь — Свердловск? Пока науч-

ные экспедиции страдают от несовершенства методов связи на Севере довольно сильно. Радист Владимир Карпов готовится к такого рода испытаниям.

Мы тренировались последние дни на уральской турбазе «Хрустальная», которая расположена близ пограничного столба «Европа — Азия». Кроссы начинали в Азии, заканчивали в Европе. Мы как бы примеривались к понятию «континент». Лето стояло великолепное — утро с росами, полдень с солнцем, вечер с прохладой. Вдруг телеграмма с острова Колгуева: «Я ненец. С детства знаком с ездовыми собаками. Хочу быть каором экспедиций».

Как отказать человеку, искренне, страстно преданному своему делу? Филипп Ардеев вылетел к нам немедленно...

Арктика — северный порог нашего дома. Мы намерены пройти по всему этому северному порогу — от Уэлена до Мурманска, окинуть взглядом эту великую территорию. Скептикам, которые могут иронически хмыкнуть при этих словах — «окинуть взглядом», хочется напомнить слова Папанина: «Человеческий глаз — великий научный инструмент. Свежие впечатления очевидцев — огромное богатство, нетленное национальное приобретение».

Велико пропагандистское значение экспедиции. Об этом хорошо сказал председатель Култунского райисполкома, что на Камчатке, Ю. Борщев: «Экспедиция запомнит молодым, что, говоря словами классика, в жизни всегда есть место подвигу, смысл экспедиции вижу еще в том, чтобы после нее у молодежи вырос интерес к нашему краю, чтобы сотни юношей и девушек связали с ним свою судьбу».

Могу на личном опыте подтвердить, что в дни подготовки экспедиции Арктика словно приблизилась к Уралу. Десятки организаций, сотни людей, готовя для нас снаряжение, выжили в мельчайшие детали жизни далекого от нас края.

Готовили в поход экспедицию многие. Меховая ненецкая одежда была заказана в совхозах «Россия» и «Байдарецкий». Титановые нарты изготовил Владимир Карпов со своим другом Федором Старостиним. Специальные лыжи «Бэскид» прислали из Мукачево. Волчий мех для полярной ночи не пожалели казанцы. Великолепную скороварку изготовил отец Павла Смолина мастер по металлу Петр Дмитриевич. Киноаппаратуру поставили красноярцы, обувь, штормовые костюмы, теплые свитера сработали на Урале...

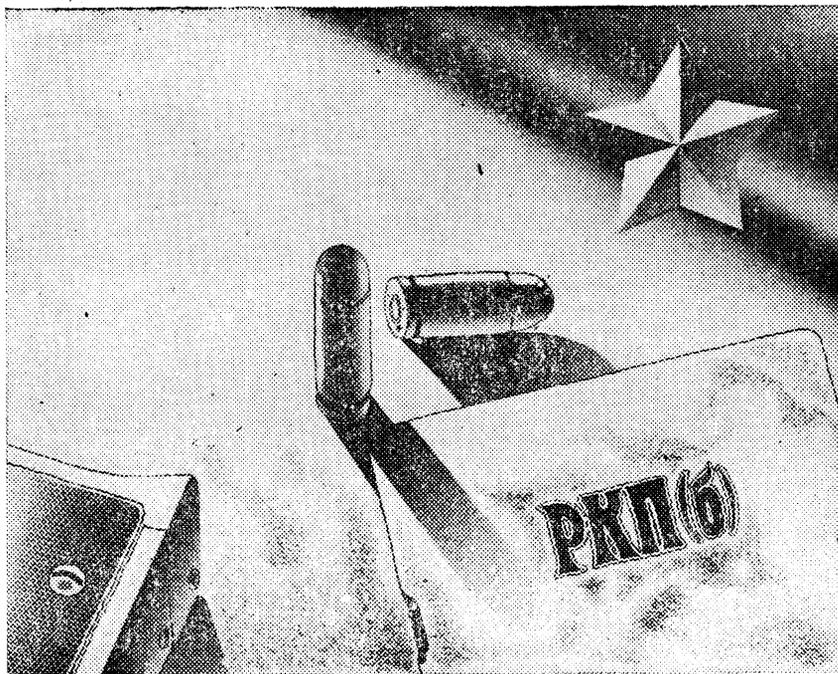
...Иван Дмитриевич Папанин, полярник номер один, состоянием наших дел удовлетворен, достает несколько своих фотографий. На них он — в адмиральской форме. Быстро считаем: восемь орденов Ленина!

Вспыхивает надежда на удачу: вдруг подарок с автографом!

Но Папанин прячет карточки обратно в карман: — Сначала дело надо сделать. Подпишу при возвращении...

Что ж, за дело!

Ил-18 берет курс из Свердловска на восток. На календаре — 28 сентября 1982 года. Экспедиция примет старт в Уэлене в конце октября — начале ноября. Финиш — в Мурманске, в мае 1983 года.

Чекист Скачковский

**Юрий
ОКУНЦОВ**

*Рисунок
А. Мохина*

Биографии многих бойцов революции читаются порой как увлекательнейшие приключенческие повести. Такая вот яркая биография и у человека, о котором наш рассказ.

В 1888 году в семье бедного литовского портного Антона Скачковского, жителя местечка Шавляны Шавлянского уезда Ковенской губернии, родился первенец. Малыш был, согласно тогдашним обычаям, крещен в католической церкви и наречен Станиславом. Ремесло портного не могло прокормить большую семью. Отец вынужден был поступить на кожевенный завод купца Френкеля. Когда Стасю исполнилось 9 лет, пришлось и ему отправляться на заработки. К тому времени у него было уже три брата и четыре сестры. Весну, лето и осень мальчонка батрачил, а зимой изредка посещал приходскую школу.

В бушующем пламени революции 1905 года Станислав Скачковский был уже в рядах пролетариата Шауляя. Вскоре его приняли в ряды РСДРП. За распространение нелегальных изданий он был арес-

тован, четыре месяца провел в тюрьме.

Два года проработал Станислав на железной дороге, продолжая выполнять поручения партийной организации. Затем пришел его черед служить в царской армии. Скачковский оказался в далекой Сибири, в Иркутске. Установив связь с местной большевистской организацией, он начал по ее поручению вести работу среди солдат.

В июне 1912 года в лесу у села Михалёво было организовано массовое собрание революционно настроенных солдат, на котором присутствовало около 700 человек. Предатель донес о собрании. Три пехотных полка, поднятых по тревоге, окружили лес за речкой Ушаковкой плотным кольцом. Около 400 участников собрания было арестовано, не удалось скрыться и Скачковскому. Следствием было установлено, что С. А. Скачковский был одним из организаторов собрания и выступал на нем с речью. Военно-полевой суд приговорил его к четырем годам содержания в дисциплинарных ро-

тах. Через девять месяцев подпольная большевистская организация устроила побег. Освобожденный из царских застенков Станислав Скачковский был нелегально переправлен за границу. Молодому политэмигранту довелось побывать в Норвегии, Канаде, США, затем он поселился в Англии. Несколько лет он провел в Глазго, где работал углекопом на шахтах.

После свержения самодержавия в России английское правительство предложило русским политэмигрантам в течение 24 часов покинуть пределы Великобритании. Под конвоем их доставили в порт и посадили на пароходы, отплывающие в Россию.

В пасмурный октябрьский день ступили бывшие эмигранты на землю Родины. В Архангельском комитете партии Скачковский получил направление в Омск. После установления Советской власти в Сибири партия поручила Скачковскому организовать отряд по борьбе с контрреволюцией при Омской уездной ЧК. В первых боях с белочехами под станцией Марьяновка Скачковский был ранен. Затем началось тяжелое отступление — на пароходах по Иртышу, по железной дороге и пешком.

В июне 1918 года, когда Россия была охвачена огненным кольцом фронтов, Станислав Скачковский оказался на Урале. Учитывая богатый опыт Скачкового и знание им английского языка, Уральский областной комитет РКП(б) направил его на работу секретным сотрудником в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией.

Находясь позже на подпольной работе в тылу у белых, рискуя жизнью, сохранил Станислав Антонович мандат сотрудника ЧК:

«Удостоверение.

Предъявитель сего Станислав Скачковский есть действительно агент, по постановлению Уральской обл. Чрезвычайной Комиссии, имеет право производить арест лиц, подозреваемых в контрреволюции, спекуляции и саботаже. Чрезвычайная комиссия предлагает всем организациям оказывать Скачковскому всякое содействие, представляя в его распоряжение все необходимые средства.

25 июня 1918 г. № 12,
г. Екатеринбург, телефон 1-76».

Обстановка в Екатеринбурге была в то время крайне напряженной. В городе под арестом содержался свергнутый монарх со своим семейством. Десятки контрреволюционных групп и организаций плели нити заговоров с целью освобождения экс-императора. Участь Николая II волновала правительства Англии и Франции, сотрудники раз-

ведок этих стран активизировали свою деятельность в Екатеринбурге. Чекисту Скачковскому было поручено вести наблюдение за иностранцами.

Екатеринбургская ЧК провела в те дни немало ответственных операций. Одной из крупнейших была ликвидация контрреволюционной организации «Союз фронтовых офицеров».

При отступлении Красной Армии из Екатеринбурга обком РКП(б) и ЧК оставили С. А. Скачкового для работы в тылу врага. Некоторое время он работал в подпольной большевистской организации Екатеринбург, затем был направлен в Челябинск, в Златоуст.

В мае 1919 года колчаковская контрразведка нанесла удар по златоустовской подпольной организации. Десятки подпольщиков были схвачены охранкой, многие вынуждены были покинуть город, избегая ареста. Группа Скачкового уцелела. Товарищи, знавшие о существовании этой группы, на допросах и под пытками молчали.

Тем временем дивизия Восточного фронта с боями приближалась к Уралу. Немалый вклад в блестяще проведенную командованием 5-й армии операцию, завершившуюся 13 июля 1919 года освобождением Златоуста, внесли подпольщики. Белогвардейцы бежали в панике, оставив 30 паровозов, 600 вагонов, бронепоезд, восемь орудий, 32 пулемета и большое количество военного снаряжения, боеприпасов и продовольствия. Более трех тысяч солдат колчаковской армии сдались в плен. В Златоусте на заводах находилось более трех миллионов пудов чугуна и стали, два миллиона пудов угля, двадцать тысяч пудов меди. Такое большое количество трофеев было захвачено потому, что группа подпольщиков под руководством С. Скачкового разрушила железнодорожное полотно близ Златоуста.

13 июля рабочий Златоуст встречал своих освободителей — бойцов и командиров Красной Армии. Станислав Скачковский по-братски общался со своими боевыми товарищами, соратниками по работе в Екатеринбургской ЧК. Свидетельством этой встречи является документ, отпечатанный 16 июля 1919 года на бланке Военно-революционного трибунала 27-й стрелковой дивизии:

«Тов. Скачковскому.

Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что тов. Скачковский Станислав Антонович безукоризненно и преданно работал в качестве негласного сотрудника Уральской областной Чрезвычайной Комиссии в г. Екатеринбурге по день падения последнего в июле 1918 г., после чего президиумом областной Чрезвычай-

чайной Комиссии был оставлен вместе с другими товарищами в г. Екатеринбурге для подпольной работы в тылу неприятеля, где, не щадя жизни и сил, тов. Скачковский честно исполнил долг революционера»...

С. А. Скачковский обратился в Особый отдел 5-й армии с просьбой зачислить его в ряды действующей армии. Однако, учитывая то, что ему были хорошо известны местные условия и многие контрреволюционеры знакомы лично, решено было направить бывшего подпольщика во вновь создаваемую Златоустовскую уездную ЧК.

В 1920 году Скачковский был направлен на руководящую работу в милицию, занимал пост начальника второго подрайона рабочекрестьянской милиции г. Златоуста. Затем вновь работа в ЧК, вплоть до 1923 года. После реорганизации ВЧК уком РКП(б) направил Станислава Антоновича в торговый отдел уполномоченным по кооперативам. Он был кандидатом в члены Златоустовского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов и помощником командира первого взвода первой роты батальона ЧОН. В кармане рядом с партийным билетом он носил браунинг № 55886: время было беспокойное, и коммуны (так называли себя в то время бойцы-члены) нередко поднимались по тревоге и вылавливали в лесах остатки кулацко-эсеровских банд.

Позже Скачковский работал заведующим стекольным заводом и мастером на строительстве трамвайной сети в Свердловске, заведующим Медведевским кирпичным заводом и строительным цехом Кузинского завода, управляющим коммунальным трестом в Златоусте и заместителем директора МТС...

В дни, когда праздновалась пятидесятилетняя годовщина первой русской революции, коммунист Скачковский был награжден орденом Ленина.

ВОСПИТАЙ

**Борис
РЯБИНИН**

**Открытое письмо другу,
которому еще
совсем мало лет,
но которого уже гложут
серьезные заботы,
гнетут многочисленные тревоги,
и он слезно просит
помочь ему.**

Я мог бы начать свое письмо как принято: здравствуй, Алеша... Здравстай, Слава, Миша, Петя, Коля, Зина, Оля, Наташа, Анастасия, Игорь... Но тогда, вероятно, все письмо состояло бы из перечисления имен, ибо, мне кажется, уже не осталось имени, которое не стояло бы на конверте, даже такое редкое, как Донора (что значит «дочь народа») и даже Трактор (представьте, есть и такое). Право, приславших мне свои просьбы и вопросы так много, что я уже не в состоянии написать каждому в отдельности: не хватит ни времени, ни сил. А потому хочу попытаться ответить — насколько это возможно — всем сразу.

А как пишут-то:

«Уважаемые товарищи работники почты! Если Б. С. Рябинина не окажется по этому адресу, очень вас прошу переслать ему туда, где он находится сейчас». «Лично в руки. Совершенно секретно. Город Свердловск на Урале, писателю Борису Рябину». «Борису Рябину срочно...» Это — на конвертах, вместе с адресом. Да иногда еще выведено фломастером, разными цветами, чтоб виднее было. Да нередко с рисунками в тексте, с фотографиями пишущих. И еще очень часто: «Жду ответа, как соловей лета». Не тяните, мол, с ответом, ~~ждет~~ нету мочи...

Каждое такое послание — наглядное подтверждение того, насколько сильно в каждом из нас желание иметь около себя живое преданное существо; свидетельство и утверждение той вечной истины, что человек не хочет и не может быть один.

А началось все с книг и рассказов о животных, в частности, о верном человеческом спутнике — собаке. Поток породила книга «Друг, воспитанный тобой», имевшая несколько изданий, переведенная на другие языки.

Вопросы самые разные, часто неожиданные.

«Пишет Вам юный житель города Тернополя, что на Украине. Я очень хочу иметь собаку породы немецкая [восточно-европейская] овчарка, воспитать ее и вместе с нею пойти на границу. Я-то хочу, да вот мама моя — нет. Раз я уговорил ее. Прошло некоторое время, и она решительно заявила: «Овчарку ты иметь не будешь». Вы сами понимаете, каково мне стало. Правда, она хочет колли или болонку. Но ведь с болонкой на границу не пойдешь! (Тоже верно!) Еще она говорит, что овчарка много ест, что в квартире будет вонь, что я уйду в школу и с ней никого не будет дома, что целых пять лет она с ней мучиться не будет, что щенок перегрызет всю мебель, что мне ее не прокормить, что когда я ее помою в ванне, никто из семьи мыться не будет после собаки, что собаке нужно мясо, а в магазинах одни кости. Сколько я ей ни объяснял, на нее ничто не действует. А купить щенка без согласия родителей нельзя. Что же мне делать! Пришлите мне ответ. Заранее Вам благодарен. Г. Роман, 13 лет».

«Пришлите сводную таблицу сравнительных показателей роста...» (Никогда не знал и не мерял, как растет моя собака, не заглядывал ни в какие таблицы, может, и впрямь надо?), «перечислите все команды для дога и рядом поставьте количество месяцев...» (Что сие, убей, не пойму!), «пришлите режим дня для годовалого щенка», «можно ли кормить собаку соленьями [капустой]»,

СЕБЯ

«может ли быть место собаке на застекленной лоджии...»
Ну, голова кругом! А ведь все ждут...

Письмо из Новгорода: «Пишет Вам ученица 5 «б» класса Макина Лена. Я хочу рассказать Вам историю, которая произошла с собачкой, жившей у моих бабушки с бабушкой.

Мои бабушка с дедушкой жили тогда в г. Красноярске. Однажды на вокзале они увидели небольшую собачку. Видимо, она потерялась... И когда бабушка с бабушкой пошли домой, то она пошла за ними. Собачку пустили в квартиру, и она так там и осталась жить. Ее назвали Тобиком.

Тобик прожил в Красноярске два года, а потом дедушка получил новое назначение по работе в Западную Белоруссию. Оки с бабушкой еще не знали, как устроятся там сами, и поэтому оставили Тобика у родных. Им писали, что Тобик жив-здоров. Но когда бабушка и дедушка вернулись за ним, то увидели, что его нигде нет. А потом им сообщили, что, как только они ушли на вокзал, Тобик умер от разрыва сердца. А писали им, что он жив-здоров потому, что не хотели их расстраивать...»

Грустная история. Разве не учит она нас, как нужно ценить животных, чтобы отплатить им за их преданность...
«У меня есть собака Мухтар. Я не знаю, какой он породы. Он коричнево-белый. Шерсть густая, длинная. Не знаю, сколько ему лет, потому что подобрала его на улице.

Я училась тогда в третьем классе. Однажды в школьном дворе увидела большую лохматую собаку. Она была очень добрая и доверчивая. Ребятишки звали ее по-разному. Кто Шариком, кто Альфой, кто Дозором. Она часто прибегала в школу, ребята ее подкармливали. Собака мне очень понравилась, и я решила ее приручить. Стала потихоньку носить ей хлеб, булки, пирожки. Мне было ее очень жалко. Она сначала не задерживалась около меня, брала из рук хлеб и убегала. Мне не удавалось ее даже погладить. Было очень обидно. Но потом, постепенно, она ко мне привыкла. Если видела, что я на улице, подбегала ко мне и лизала в благодарность руки. Имя ее, я угадывала так: пряталась где-нибудь и кричала: «Шарик!» — в ответ даже не оглянется, значит, не ее имя. И наконец она откликнулась на Мухтара. Так и стала ее звать. Потом ее старый хозяин подтвердил, что так ее и звать. Мухтар таскал у него куриц. Он выкинул собаку на улицу. До сих пор Мухтар рычит на него...» (Рычит на хозяина, заметьте. Собака не часто так делает. Значит, каков же хозяин, если даже такое преданное существо способно возненавидеть его?)

«И вот однажды я пришла из школы,— продолжает Светлана Топольцева (она живет в Новосибирской области),— а в коридоре лежит Мухтар. Мама сказала, что он пришел сам, и с тех пор он живет у нас. Уже шесть лет. Теперь он кур не таскает. Как-то раз мы пошли с ним гулять. Он увидел курицу и схватил ее. Это, может быть, и нельзя было делать, но я взяла прут и ударила Мухтара. Он отпустил курицу, поджал хвост и поплелся за мной. Мы пришли домой. Потом я делала вид, что не замечаю его. Так продолжалось три дня. Потом мы помирились. С тех пор он перестал увлекаться куриной охотой.

Когда мы с Мухтаром, я ничего не боюсь. Он не даст меня в обиду ни собаке, ни человеку. Больше всего он любит купаться. Однажды маленькая девочка начала тонуть. Мухтар спас ее. Он настоящий друг. Теперь он уже старый. Он очень умный и добрый. На каждый оттенок голоса он моментально реагирует. У него очень выразительные глаза. Я люблю с ним разговаривать. Ни людей, ни собак никогда не тронет первый. А маленьких щенят очень любит. Возле его конуры всегда их много.

Мухтара в нашей семье любят все, и он очень привязан к нам. Но мы собрались переезжать в другое село, под Алма-Ату. Поезд идет туда 1,5 суток. Мне очень не хочется оставлять Мухтара. Другой такой собаки не будет. Оставить старого друга — свинство, даже если это собака. Но я совершенно не знаю, как можно провезти его с собой, что для этого нужно. Подскажите, посоветуйте! Может, нужна справка из ветлечебницы! Поводок и намордник — это уж обязательно. Очень прошу, пришлите ответ как можно быстрее! 31 мая мы уже уезжаем... Света».

Неужели Мухтара постигнет судьба Тобика? Нет, нет! Очевидно, Свете отвечать уже поздно (она промедлила со своим письмом), для других поясню: провозить с собой собаку можно, нужно только взять целое купе.

В том же духе письмо Инны Макаревич из Москвы: «Я очень жалею бездомных собак. Зато как приятно видеть, когда они обретают хозяина! Во дворе у нас был бездомный песик — я назвала его Мартик. И вот однажды я увидела, что его ведет на поводке девочка. И мне стало так хорошо, так радостно за Мартика!»

Да и как не радоваться, не любить их! Сообщает Марина Овсяниченко из Южно-Сахалинска. У них в семье росли две собаки — Шторм и Грейс, обеих отдали служить на границе. Шторм вскоре погиб в схватке с врагами, защищая рубежи нашей Родины. И тогда его сменил Грейс, а дома появился третий щенок — Юр. «Однажды папа уехал с Юром на соревнования, но вернулся без Юра. Он рассказал, что встретил своего старого друга, который много лет служит на границе. У него недавно погибла собака, спасая тонущего мальчика. Это было зимой. Как всегда, пограничники обходили свой пост, и вдруг Семен Сергеевич со своим Туманом увидели в проруби какого-то мальчика. Собака пошла, вернее, поползла, так как лед был скользкий и тонкий. Семен Сергеевич остался на берегу. Туман нырнул в прорубь. Мальчика было очень трудно вытолкнуть на лед, так как одежда тянула вниз. Туман несколько раз нырял. Наконец мальчику удалось упереться в спину собаки и выкарабкаться на берег. Семен Сергеевич подхватил мальчика, закутал в свою шинель, посадил в первую же машину и отвез в медсанбат. А Тумана больше не было...»

Сейчас и Юр служит на границе. Его хозяин — Семен Сергеевич. Папа отдал ему Юра...»

Вы замечаете: каждое письмо — это история. И история поучительная, хоть садись и пиши рассказ.

А вопрос у Марины такой: «Во сколько месяцев обрывают ушки догам?». (Уши у дога стоячие, искусственные в трехмесячном возрасте у щенка купируют, висячие кончики ушей. Но самому это делать нельзя, операцию делает доктор.)

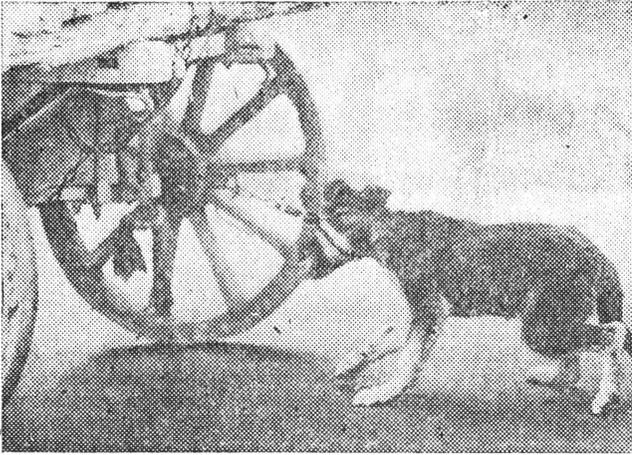

Фото А. Лыскова

Миля Шпет из Новокузнецка возмущается, и правильно возмущается: «Мы строим дачу, и вот папа хочет купить собаку для того, чтобы она [собака] сторожила дачу, а дача от города за 111 км. Папа хочет посадить собаку на цепь и приезжать на дачу два раза в день [а ехать туда надо полтора часа!!!], чтобы кормить собаку. Но ведь из этой собаки вырастет звереныш. Нет, я не хочу порти́ть собаку! Пожалуйста, подействуйте на папу и напишите [если сможете]. Очень Вас прошу!!! Извините за ошибки, я очень волнуюсь...» (Ошибок, кстати, было не так много, у других бывает куда больше.)

«Я вас очень прошу, вышлите мне, пожалуйста, болонку (ни больше, ни меньше, сунул в ящик и побегал на почту отправлять. Смешные ребята!),— пишет Таня Пьянкова из города Куйбышева Новосибирской области.— Очень прошу. Напишите мне, сколько вам понадобится за болонку... (Но я же их не развожу, помилуй, Таня!) А если Вы не сможете выслать болонку, то хотя бы пришлите книгу «Курносые с чистой душой». Мой индекс 632350». Все. Пришлите, и крышка. «Можно ли борзую сделать служебной собакой!» — спрашивает Хирнова Лена из г. Алейска Алтайского края. (А это еще зачем?! Для того и разные породы: одна ходит с хозяином на охоту, другая — караулит дом, границу, охраняет склады от воров и расхитителей. Эта недоверчива, свирепа, та — приветлива, миролюбива.) О том же спрашивает Наташа Ваганова из Омска: она хочет своего сеттера превратить в служебную собаку. А еще ее интересует: можно ли дрессировать пса на школьной площадке (там есть бум и барьер). Если не запрещают, то почему бы не заниматься, коли там удобно, ходить близко.

«У меня есть собака ипонская болонка (ипонская, гм, гм!.. Все-таки японская, наверное, но такой породы не существует, есть японский хин) ...ей 8 месяцев. Напишите пожалуйста какой мазью или лекарством можно избавиться моего Антошу от слезы (прямо телеграмма какая-то, без единой запятой) она у него появилась недавно — 2 дня тому назад. Я хотела пойти к ветеренару, но мама сказала: «Вот заберут у тебя собаку будешь знать». Я понимаю что у вас уже нехватает конвертов, чтобы ответить на все письма. Но я вас очень прошу напесать мне в конверте. Ваш новый друг Петрова В. В. г. Омск...» Ох, и плохо же ты пишешь, Петрова В. В., ошибок больше, чем слов. А к ветеринару (не к ветеренару) все-таки придется сходить: как можно прописать какую-то мазь или другое лекарство не видя пациента?!

«Здравствуйте, уважаемый Борис Степанович!

Вы, конечно, сразу подумали, что, мол, вот опять пристают: дайте щенка. Нет, Вы ошиблись. У меня будет щенок, это уже все знают. Мери скоро оценится. Она черный миттель-пудель, медалистка: недавно получила на выставке медаль [кажется, за экстерьер]. Вообще, мой

кумир, моя любовь [разумеется, из собак] — английский сеттер. Мы бы его взяли — все согласны, — но он большой, мы его не сможем содержать, а собаку иметь хочется. Решили завести не очень маленькую и не большую.

Для меня сеттер, как говорится, самый-самый-самый во всех отношениях. Когда я вырасту, обязательно заведу собаку этой породы [я уже поклялась]. Охотиться она не будет, но у нас через дорогу парк. Я с трех лет умоляю о собаке, но все было безрезультатно [тогда я, правда, не понимала, что собака не игрушка]. В 8 лет я договорилась до кота Томки: он умница необыкновенный. Если бы мне предложили поменять его на щенка, я бы отказалась. Новых друзей заводю, а старых не теряю... (Верно верно, девочка!) Говорят, язык до Киева доведет. Меня он довел до Вашей книги «Друг, воспитанный тобой». Ее принесла мне бабушка. Когда я ее прочитала, поняла, что не смогу жить без собаки. Знали бы Вы, чего мне стоило добиться разрешения на собаку: слезы, уговоры, мольбы, обещания, рисунки... всего не перечислишь. Нет, Вы не думайте, что у нас в семье не любят собак. Бабушка и мама обожают, папа и бабушка [2-я] относятся нормально.

А теперь моя к Вам просьба: напишите мне, какие книги прочитать надо, чтобы вырастить второго Бима [я с мамой смотрела фильм — увлеклась, чуть не получила инфаркт. Зачем делают такие фильмы!]. Инна Биндер [Омск].

Ну что ж, умница, девочка, молодец, хочет вырастить хорошего пса, а для этого, конечно, необходимы знания. Сразу скажу: читайте все, что сможете достать о собаках, а главное, разумеется, пособия по воспитанию, и дрессировке; и поменьше слушайте разных случайных советчиков (советчиков много — толку мало). Что же касается фильма «Белый Бим Черное ухо» — зря его ругает Инна: для того и снимаются такие фильмы, чтобы люди чувствовали свою ответственность перед животными.

«Что делать!! СОС!!!

Начну все сначала. Когда мне было 5 лет, мама и папа взяли щенка кавказской овчарки, щенок рос, рос, он был таким умным. Понимал все, хотя мы его и не учили. Когда мы пошли в лес, я попросила Дружка [так мы называли щенка], чтобы он принес мне ежика, и вы представляете, принес, положил к моим ногам и убежал. Мы были удивлены...

Так мы и жили. Щенка я назвала Мухтар. Мухтару стукнуло шесть месяцев, мы записались в ДОСААФ, получили родословную и стали его учить. На выводке молодняка мы получили диплом «Породный, образцово выращиваемый» и медаль золотую, или красную, за экстерьер. Все бы хорошо, мой пес и большой, и красивый, но трудно поддается дрессировке. Как будто его муха укусила, ко мне не подходит, уйдет, и ищи-свищи, все забыл. А как мне с ним трудно, он сильный! Я уже начала разочаровываться. Надо сказать, что собаку я растила и рошу одна, папа только говорит, что поможет, но это только слова. Учусь я хорошо [хорошистка], «4» и «5», до 5-го училась неважно, были «3», но папа сказал: «Хочешь иметь собаку — учись хорошо», вот я и учусь. Все я, а помощи нет...

Да! Чуть не забыла — как избавиться от комаров!

Если хотите, я могу написать «О жизни в нашем поселке бездомных собак». Жду ответа!!! До свидания!!! Ивановская область, п/о Ступкино, Ирина Володина.

Конечно, плохо, что помощи нет; хотя, сразу замечу, наверное, когда договаривались заводить собаку, Ира обещала, что все будет делать сама. Вот и делай! Ну, конечно, можно предъявить претензию к ДОСААФ: коль есть собачья регистрация, должна быть помощь в воспитании и содержании. А разочаровываться не надо. Следует помнить, что разные собаки и дрессируются по-разному: одни легче, воспринимают все быстро, как говорится, схватывают на лету, другие — тяжелее, требуют больше времени и умения. Кавказская овчарка — в силу ее свирепости и размеров — в этом отношении не из самых легких. Больше терпения, терпения и настойчивости — все

наладится, будет Мухтар какой надо, как хорошо обученный дисциплинированный солдат. Дайте срок! Вот только насчет комаров не знаю, что посоветовать. Наверное, когда уж очень едят, натираться какой-нибудь мазью...

Целую кучу вопросов накидал новосибирец Петя Савичев: «1) Можно ли держать щенка, когда в доме маленький ребенок, которому третий год? 2) Где можно купить у нас в городе щенка восточно-европейской овчарки? 3) Правда ли, что за шотландской овчаркой, если сейчас становится в очередь, то надо стоять 101 год? И еще: у нас была болонка Тимка. Однажды Тимка заболел и мы его положили в больницу. Он там умер, мы оставили с ним и шлейку. Можно ли ее забрать обратно?»

«Я хочу завести щенков пойнтера и боксера. Посоветуйте, пожалуйста, как мне их достать...» (Вадим Черкасов из г. Татарска.) А почему сразу двух? Не лишку ли? Держал их когда-нибудь, Вадим? Нет, несерьезное письмо.

Шлейку, поводок, умершей собаки можно использовать, если только она умерла не от чумы (после чумы приходится уничтожать все, вплоть до подстилки, и еще делать дезинфекцию).

Можно ли держать собаку, если в доме маленький ребенок? А почему бы и не держать? Не только можно, но даже нужно (разумеется, если позволяют условия); об этом мы еще будем говорить. Где взять щенка? Петя, ты живешь в Новосибирске, где находится один из старейших в стране клубов служебного собаководства. Почему же ты обращаешься ко мне в Свердловск?! (К слову говоря, многие грешат этим.)

«...Я сажусь писать вам письмо. Дело в том, что я решила стать проводником служебно-розыскной собаки. Мне очень нравится эта профессия. Интересная и очень полезная. Я понимаю, что это трудная и ответственная работа, требующая от человека терпения и внимания. Все это я поняла. Только меня одолевают сомнения: может ли женщина [девушка] быть собаководом-инспектором? Очень прошу ответить на этот вопрос. Пожалуйста! Жду с нетерпением. Глуханова Оксана». (г. Шевченко Мангышлакской области.) Наверное, может. Хотя, признаться, девушек-проводников служебно-розыскных собак не встречал.

Многие пишут: вам ответить не трудно, вы все знаете, «Не трудно». Гм... А если вопросов тысячи?

НО ДАВАЙТЕ СПЕРВА РАЗБЕРЕМСЯ

Что же все-таки главное? Так ведь легко и запутаться. О чем нужно говорить в первую очередь? Пожалуй, в этом смысле очень типичное письмо О. Зорькиной из Новосибирска.

«Здравствуйте! Меня зовут Оля. Я очень хочу иметь Собаку! (Слово «собака» Оля пишет с большой буквы.) Любой породы. Иметь Собаку я хочу с пяти лет, потому что, когда мне было 5 лет, мама купила мне боксера. Но он через неделю умер. Сейчас мне 10 лет. Уговорите, пожалуйста, маму!!! Сначала мама мне сказала, что у меня будет Собака, но потом она сказала, чтобы я больше не просила. Зачем меня обманывать, ведь я не малышка, можно (так было бы лучше) сказать сразу, что Собаки не будет. У нас однокомнатная квартира, но ведь мама взяла боксера, а теперь отказывается даже взять болонку. Вы думаете, что летом некуда будет деть Собаку, но у нас есть дача. Мама не любит собак и отказывается взять щенка. Она говорит, что я не буду за ней убирать. Кроме того, она говорит, что Собака бегаёт по снегу и по грязи и ее надо каждый день мыть. Это правда! Очень Вас прошу, убедите маму, что щенок для меня не игрушка, а будущий друг!!!!!!!»

Фото А. Лысикова

В одном письме все проблемы.

Во-первых, почему умер щенок-боксер? Плохо глядели, не подготовились к содержанию животного? Отсюда — можно опасаться, что и следующего постигнет такая же участь. Не дело. Во-вторых. Почему мама не последовательна, противоречит сама себе: то обещает собаку, то отказывается? Тоже неладно. Авторитета маме это никак не прибавляет. Если изменились обстоятельства, вероятно, надо об этом сказать, объяснить так, чтобы дочь поняла. Собаку придется каждый день мыть? Так ли... Вот и у Лены Твостик мама, Зинаида Игнатьевна (мама Лены — врач, живут они на станции Заринск), тоже пугает: «Ты не знаешь, что такое собака. Это шерсть, грязь, вонь». Зачем так поносить животное, не честно. Как будешь содержать, такой будет и собака, надобно это знать. Не зря в русском народе говорят: по скотине судят о хозяине. От чистой собаки не пахнет, зачем же говорить неправду!

Жалуется омичка М. Лаптева: «Читая Вашу книгу, я тоже вспомнила своего друга. Это был двухмесячный щенок-дого, по кличке Мирта. Когда Мирте было 6 месяцев, она уже знала все команды. Но потом родители сказали, что она больше не нужна. Я не знала, куда ее деть. И поступила очень подло. Я привязала ее неподалеку. На заводе. Ночью, проснувшись от воя в подъезде, я узнала голос Мирты. Я выбежала и привела ее домой, оказалось, что она сорвалась с ошейника. Но через несколько дней отец привел дядьку и тот забрал Мирту. И знаете, мне без нее так трудно, что у меня все валится из рук. Можно сказать, что у меня увели жизнь. Прошу вас, уговорите маму, чтобы она мне купила 2-ю жизнь...»

Опять непоследовательность. Уже если взяли, зачем отдавать, причинять огорчения и боль дочери (о переживаниях Мирты не говорю, а она ведь тоже страдает). Грустную историю поведала Ольга Качура из г. Норильска.

Оля прислала два письма. В первом она сообщала, что увлекается кинологией (наука о собаках, собаководстве). Старшая сестра подарила ей щенка-овчарку, которого нарекли Грэм. И вот... «Грэйя я очень любила и сейчас люблю, но родители меня просто принудили его отдать. Они мне мешали его воспитывать. Если доходит до игр, то мама с папой первыми его начинают тискать, таскать по рукам, валять, словно это плюшевый мишка. «Это наша, общая собака,— говорили они,— значит, и играть с нею должны мы вместе. Пусть привыкает ко всем». Но если подходит время выводить Грэйку на улицу, то на вопрос «Чья это собака?» они говорят мне: «Это твоя собака, ты и гуляй». Собака моя, а распоряжаются они. Но не это самое главное. Главное — они не разрешали снимать с Грэйя ошейник и поводок и привязывали его к вешалке на сутки... (Как можно! Верная гарантия испортить собаку.) Кроме того, за то, что он скулил, они поводком били его. Я была просто вынуждена его отдать, а значит, предать своего друга. Этого я себе никогда не прощу.

Но иметь собаку породы эрдель-терьер — моя мечта. На материке у нас есть свой дом. Летом меня отправят туда родители, а через год приедут сами. Я буду жить с бабушкой. Она у меня добрая. Я хотела спросить у Вас: не поможет ли Вы мне достать щенка этой породы. Я очень Вас прошу. Я могу поклоняться, что не отдам его никому. Ну хотя бы дайте адрес владельца суки породы эрдель-терьер, я буду с ним переписываться. Клуба собаководства у нас в городе нет, так что обратиться мне некуда...»

И уже совсем невеселым было второе письмо.

«...В середине июля 1980 г. я нашла суку эрдель-терьера. Сходила в ветеринарку, переписала все адреса владельцев эрделей. И что вы думаете, вернула я собаку ее владельцу. Кроме Шарли (так звали эрдельку) в квартире жил щенок сенбернара. Он мне очень понравился, и я решила взять щенка сенбернара.

Однажды я прочла объявление: «Срочно продается щенок сенбернара. Обращаться по адресу: Лаур. 81-608». Я очень удивилась. Это был адрес владельца Шарли. Решила сходить туда.

После выяснилось, что Брунгильду она — хозяйка сенбернара и Шарли — вырастила неправильно и теперь хочет ее продать, сбить с рук, а потом съездить в Москву за другим щенком. При этом может привезти кому-нибудь щенка еще, но разделив пополам оплату дороги. Она очень подробно обрисовывала все трудности выращивания сенбернара, при этом Брунгильду она называла «костыль горбатый». Брунгильда лежала и грустно смотрела на нас, из ее печальных глаз капали слезы. Раньше я никогда не видела, как плачут собаки. Я даже не знала, что они плачут. Я робко спросила, не продадут ли мне Брунгильду? Хозяйка как-то странно посмотрела на меня и сказала, что покупатель уже есть.

Грустная я вернулась домой. Мне было очень жалко Брунгильду. Ночью мне приснилась ее морда, глаза, из которых катятся слезы. На следующий день показывали фильм «Где ты, Багира!». Я не стеснялась плакать. Глядя на Багиру, я вспоминала Брунгильду, ее глаза...

После Бруно продали. Она укусила своего нового хозяина, и он усыпил ее.

Право, у меня невольно сжимались кулаки и я готов был скрежетать зубами, когда читал послание Вики Артющенко из поселка Быстрогорского Ростовской области. Написанное яркими красными чернилами, оно, казалось, сочилось кровью...

«Пишет Вам ученица 7-го класса... На нашей улице, рядом с домом, в котором я живу, живет Марочко — дядя Коля. У него есть собаки породы овчарка. Я не

знаю, где он их берет, но когда у него не будет собаки, то он снова принесет домой овчарку. Возможно, Вы скажете: «Ну и что же тут такого, если человек любит собак!» Да. Но «любить» так, как «любит» их он, я вряд ли смогу когда-нибудь в жизни, уверяю Вас!!! А дело в том, что он с собаками обращается, как с матерцем, из которого уже давно не выбивали пыль «хорошие хозяева». У этого дяди Коли был Мухтар, тоже овчарка. Мухтар любил срываться с цепи, за это дядька Коля бил его ногами, палками, то есть что под руку попадет. Время шло, Мухтар «жил», а в кавычках потому, что он не жил нормальной жизнью. Он как бы умирал мучительной смертью. Вы видели такое когда-нибудь? Увидишь — никогда не забудешь... Недели две или три назад Мухтара нашли в лозе уже мертвым. Моя сестра Ира, ей скоро будет 11 лет, рассказала мне об этом. Еще она сказала, что собака была вся синяя. А то, что случилось сегодня, это доказательство страшной гибели Мухтара. Ведь он был забит до смерти.

А случилось сегодня вот что. У д. К. есть еще и Пальма, той же породы. Она тоже часто отвязывается. Сегодня было то же самое. Пальма сидела возле нашего дома, а тот ее искал (я даже не хочу называть его имени). Я увидела, что он идет с палкой и ошейником, и все поняла. Тут я услышала удары по телу и собачий визг... Потом вижу, он ведет Пальму на привяз, а она ползет, как раб перед своим работодателем. Затем он привязал собаку к столбу так, чтоб она немножечко подвисла, сходил, пришел с кнутом и стал им махать. Я думала, он машет мимо, а он бил Пальму. Она, бедная, визжала, выворачивалась, скручивалась и вроде повисала в воздухе, немножко касаясь земли. А ВЕДЬ У НЕЕ ЕСТЬ ПОТОМСТВО! Я не выдержала и разревелась, у меня из груди вырвался крик. Я пошла к Пальме, когда тот ушел. Тут пришла Ира, и он воротился. Он стал прогонять нас, говоря, будто бы мы сами будем потом говорить, что она нас пугает. Пальма, значит, мы стали противоречить, он обозвал меня гамном и еще какой-то дрянью, я не слышала. Я плакала и кричала. Скажу правду, я его тоже обзывала. Назвала паразитом, сказала, на кого он сам похож, что сначала надо научиться обращаться с животными, а потом их заводить. После, дома, я долго не могла успокоиться. Сестренка утешала меня, а я все рыдала... Уважаемый Борис Степанович! С Пальмой ведь может случиться то же, что и с Мухтаром. Д. К. сказал, что собаку кто-то отравил, а почему она посинела?»

Понимаю тебя, Вика, и тревогу твою, и слезы... И даже то, что ты обзвала дядю Колю. И даже оправдываю тебя. Ведь он — собачий мучитель и убийца. Только плохой человек может так истязать живые существа, никому это не прощается!

За такие поступки нужно привлекать к уголовной ответственности как за злостное хулиганство, ибо они наносят урон общественной нравственности, портят людей.

Не прощается и не может быть прощено то, о чем сообщает Ира Меркушева из Талицы (Свердловская область): «У нас есть соседи Кадцины,— пишет она.— У них две взрослые собаки и два щенка. Одна из взрослых собак — Полкан, а другая дворняжка Ирма. Как только Кадцины купили Ирму, то сразу перестали кормить Полкана. И не кормят уже два года».

Можно ли издеваться так, морить голодом... Экономить на мучениях друга?! Лучше уж совсем не дергать!..

Для чего я цитирую эти письма? Для того, чтобы показать, как часто люди бывают несправедливы к животным. Таким ли должен быть человек! А какой след оставляет это в неокрепшей психологии ребят, подростков?

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Рукавички

Маленькая — десяток дворов — деревушка Поляны притаялась в чаще заснеженного леса. Разыгравшаяся метель еще лучше укрывала ее от недобрых вражеских глаз. Именно здесь наши ждали связную.

— Задерживается что-то, — с тревогой сказал, глянув на часы, заместитель начальника разведотдела Второй Особой партизанской бригады Герман.

— Не мудрено, — отозвался лейтенант Худяков. — На дворе вон какая круговерть!..

Но прошло еще немного времени, и раздался условный стук в дверь.

— Пришла!

Вместе с клубами морозного воздуха в комнате появилась девушка. Полушубок и большая шаль не скрывали изящества ее фигуры, на руках красовались вязаные, с кисточками, цветные рукавицы.

— Вот это варежки! — невольно воскликнул Худяков.

— Вам нравятся? — улыбнулась девушка. — Так возьмите! — И она протянула рукавички.

— Спасибо, сестренка. Куда они мне?! Не полезут.

— Ну, с чем пришла? — спросил Герман, когда все уселись за стол.

— Принесла дислокацию Пеновского гарнизона, — ответила девушка.

В избе ей стало тепло и, развязав шаль, она сняла ее, положила на край стола. Прядь волос закрыла ее глаза, и девушка грациозно качнула головой, убирая ее.

Худяков невольно залюбовался правильными чертами лица, какими-то глубокими, словно бездонный омут, глазами. Залюбовался настолько откровенно, что Герман, чуть усмехнувшись, наступил ему на ногу.

Говорила связная свободно, пересыпая речь прибаутками. И офицеры чувствовали, как с каждым ее словом настроение их поднимается...

В конце ноября в деревне Переволоки обстоятельства вновь свели Худякова с той связной. На этот раз ее информация касалась фашистских гарнизонов в Торопце и Адриаполе, были и новые данные по Пено. Сообщив все, что надо, она ушла, улыбувшись на прощание.

Так и подмывало Худякова спросить у Германа — кто она? Пожалуй, не просто любопытство одолевало его. Но промолчал.

А 23 ноября в бригаду пришла скорбная весть о гибели секретаря подпольного райкома комсомола Лизы Чайкиной.

Накануне днем Лиза беседовала с крестьянами селения Жуковка. Под вечер пошла на хутор Красное Покатище. Фашистские прихвостни — отец и сын Колосовы, узнав, где находится Чайкина, донесли.

Жандармы давно пытались выйти на след комсомольского вожака, но все напрасно. Теперь, оценив двор Купровых, где заночевала Лиза, фашисты торжествовали. Загремели выстрелы. Были убиты подруга Чайкиной Маруся Купрова, ее мать, брат... Босую, полураздетую Лизу прикладами вытолкали на улицу. Дом подожгли. Шла, молча переноса пинки, угрозы. Уже за околицей оглянулась: там, где всего полчаса назад она была с друзьями, горело, казалось, само небо.

На допросе в Пено ее жестоко избili. Но она не произнесла ни слова.

Заговорила Лиза только возле водокачки, когда увидела направленные на нее автоматы и наполненные скорбью глаза нескольких десятков жителей поселка, насильно согнанных к месту казни.

— За Родину! За народ!..

Это были последние слова девушки из маленькой деревушки Руно, затерявшейся в дремучих селигерских лесах.

Когда кончился короткий митинг в бригаде, Герман, положив руку на плечо заместителя, грустно сказал: «Дима, помнишь связную из Пеновского отряда, что варежки тебе хотела подарить? Это и была Лиза Чайкина».

Представители партизанских отрядов и деревенские жители заочно судили фашистских наймитов, предавших Лизу. Предателей приговорили к расстрелу. Среди тех, кто подписал приговор, был и лейтенант Дмитрий Худяков.

Член Камышловской районной организации ветеранов войны Дмитрий Васильевич Худяков ведет большую переписку со школьниками Псковской и Ленинградской областей, часто встречается с допризывниками своего родного города. Рассказывая юным о боевых делах партизан, он всегда вспоминает и о своих встречах с Героем Советского Союза Елизаветой Ивановной Чайкиной.

И. СЕМЕНЧИК,
гвардии сержант запаса

ПОМНИМ ИХ ИМЕНА

2 октября прошлого года дан старт Всесоюзному маршу юных ленинцев. Как оговорено в положении о Марше, ребят ждут три «высоты», достигнуть которых можно упорной работой над собой, хорошей учебой, активным участием в жизни коллектива, страны.

1982—1983 годы пройдут под знаком 60-летия образования СССР.

1983—1984 годы будут посвящены работе на тему 60-летия присвоения комсомольской и пионерской организациям имени В. И. Ленина.

1984—1985 годы своим девизом будут иметь: «Салют, Победа!» и посвящаются 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Долг школьника, пионера в эти годы — узнавать, как жили первые коммунисты и комсомольцы, как «делались» Революция и Победа, включаться в экспедицию «Моя Родина — СССР», проводить заочные путешествия, встречи с ветеранами, походы и экскурсии по родному краю.

Учитесь быть следопытами, ребята!

● Около трехсот бывших воинов 183-й стрелковой дивизии разыскали учащиеся школы № 3 города Конаково Калининской области. Среди них — бывший пулеметчик 1319-го полка, ныне профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории СССР Ярославского университета Василий Сергеевич Флеров. Нынче он во второй раз был гостем ребят, просмотрел экспозицию музея дивизии — о ее боевом пути В. С. Флеров готовит книгу.

● Краеведческий музей открылся в селе Воробье Курской области. Музей создан силами школьных следопытов и сельских жителей, передавших на хранение предметы старины, документы, фотографии, письма, награды и другие реликвии боевой и гражданской доблести.

● Музей легендарного разведчика Н. И. Кузнецова открылся в Лучицкой средней школе Сокольского района Львовской области. Это — одиннадцатый музей в районе. Большую помощь лучицким следопытам в организации музея Н. И. Кузнецова оказали ребята из Свердловска.

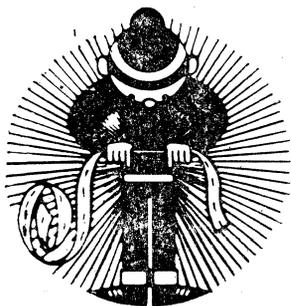
● Историю села Васильевки в Зауралье написал П. А. Вавилин — участник борьбы с колчаковцами, секретарь одной из первых в Курганской области комсомольских ячеек, научный сотрудник института имени Эрисмана. Рукопись родословной села была подарена учащимся школы села.

● Экспозицию под названием «Творчество крестьян» оформили учащиеся Заболотской восьмилетней школы Ярославской области. Особый интерес представляют экспонаты, связанные с единственной в этих краях мастерской, где когда-то обучали искусству изготовления лепных украшений для зданий и интерьеров. Работы мастеров этого своеобразного промысла сохранились до наших дней.

● В Зеньковской средней школе № 1 на Полтавщине состоялось открытие бюста бывшего ученика школы, пионера Саша Саранчи. Во время фашистской оккупации Саша Саранча добывал по поручению подпольщиков важные сведения. Он был схвачен гитлеровцами в 1943 году, подвергнут пыткам, но не выдал подполья. Фашисты расстреляли Сашу.

● Еще один экспонат появился в недавно созданном музее Кати Зеленой курской средней школы № 10. Расширенный рушник прислали украинские ребята из Кровелецкой школы № 2 Сумской области — с просьбой поместить его в музей прославленной летчицы.

● В новом маршруте побывали нынче следопыты 1-й ленинградской школы-интерната. В школе есть музей А. С. Пушкина. Ребята летом проехали по многим местам Калининской области, связанным с именем великого поэта, добыли новые материалы.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● «Гвардии Наташка»

Жила-была девочка. Училась в 110-й московской школе. Гоняла в футбол с мальчишками, частенько забывала записывать задание на дом и тогда просила старшую сестру: «Оленька, узнай, что надо сделать по математике, и сделай!». Писала втихомолку рассказы, организовала в классе звено имени Горького — Горький был ее кумиром, была режиссером школьного кукольного театра...

На фронт ее в сорок первом, конечно, не взяли: мала больно. И в сорок третьем отказали: неважное зрение. Но Наташа заявила: «Не имеете права! Я иду защищать Родину!» — и добилась своего. Потом домой от Наташи Дзюбинской приходили письма с Украины, из Польши, из Германии. Писала, чтобы мама не волновалась, что в каждой деревне находится старушка, которая проследит, чтобы были просушены и носки, и сапоги, и неизменно подписывалась: «Гвардии Наташка».

Гвардии старший сержант, член ВКП(б) Наталья Дзюбинская погибла за несколько дней до окончания войны. Она похоронена в предместье Берлина, у деревни Хиршфельде.

...В музее 110-й московской школы хранится рукописный номер журнала за 1938 год, где напечатан рассказ Наташи Дзюбинской «Петька» — история мальчишки-беспризорника. Потом рассказ передавали по радио, и он был отмечен конкурсной премией.

А во дворе школы на скромном бетонном постаменте стоит памятник. Нет в скульптурной группе Наташи: отлиты там в бронзе пять мальчишек — в шинелях не по росту, в тяжелых сапогах, с вещмешками за спиной. Но среди ста имен на мраморной доске значится и фамилия Наташи.

● Гай — имя легендарное

Эта встреча была праздником для следопытов 87-й свердловской школы. Седьмой год они занимаются поиском материалов о жизни и деятельности Гая Дмитриевича Гая — человека, чье имя со времен гражданской войны овеяно легендами так же, как имена Фрунзе, Блюхера, Чапаева... Навел ребят на эту тему писатель Александр Дунаевский, автор книги «По следам Гая» — еще в первую свою встречу со школьниками в 1976 году.

И вот они снова беседуют с Александром Михайловичем Дунаевским. Лауреат премии имени Мате Залки, мастер литературного поиска, создавший книги о хорвате Дундиче, чехе Гашеке, венгре Лигети, швейцарце Платтене, французенке Лябурб, А. М. Дунаевский всю свою деятельность посвятил героям революции, людям интернационального долга, оставившим яркий след на земле.

О смелости начдива 24-й стрелковой дивизии Гая Дмитриевича Гая помнят ветераны — те, кто служил в Железной дивизии.

Однажды Гай на своем «самоварчике» (так он называл автомобиль) попал в село, занятое белогвардейцами. Он взял белые офицерские погоны у своего шофера, который их коллекционировал, надел на себя и

стал спрашивать у одного из белых офицеров, как лучше проехать в какое-то местечко. Белогвардеец объяснил, а заодно попросил подвезти в часть двух офицеров. Сказано — сделано. Гай доставил их, только — в свою часть...

О его сердечности тоже много рассказывают. Как-то в бою дрогнули двое молоденьких солдат, лет по пятнадцать — подростки... Командир полка решил отдать ребят под суд; Гай отговорил — он сказал, что не под суд, а папам с мамами нужно отдать ребят...

Следопыты 87-й школы собрали обширную переписку с ветеранами гражданской войны. На встрече с автором книги «По следам Гая» были также ребята из 40-й школы — они тоже решили стать гаевцами.

— Быть отрядом имени Гая — высокая честь, — сказал А. М. Дунаевский. — Но мне хотелось напомнить, что Железная дивизия Гая слыла интернациональной. Командирами полков были чех Ярослав Гастек, венгр Дьюла Ворча, поляк Петр Боревич... Почему бы вам не списаться с Прагой, Будапештом, Варшавой? Имена этих людей хорошо известны у себя на родине, их так же любили бойцы.

Есть новые пути. Поиск гаевцев будет продолжаться.

● Орден — свидетель подвига

Пионеры деревни Ханевичи Гродненской области шли в лесу заросший кустарником окоп, ставший братской могилой для солдат, погибших в неравном бою. На обратной стороне найденного в окопе ордена Красного Знамени ребята прочитали номер: 12776.

Из отдела наград Президиума Верховного Совета СССР на запрос школьников пришел ответ: этим орденом 7 апреля 1940 года был награжден младший лейтенант Николай Афанасьевич Цветков, уроженец деревни Трубинка Красносельского района Ярославской (ныне — Костромской) области.

...У потомственного хлебороба Афанасия Цветкова было семеро детей. Николай — старший. Первый помощник отца. Получив в Кремле из рук М. И. Калинина орден, приехал Николай в отпуск в родное село. И дня не отдохнул: взялся крышу поправлять у отцовского дома. А тут и время сенокосное подошло, подался Николай с младшими братьями в луга — накосил корове сена на зиму. Потом дрова заготавливал в лесу. И вечерами не до отдыха: то в одно, то в другое село приглашают его — первого в округе орденосца — рассказать о своей военной службе.

После отпуска уехал Николай служить на западную границу. Единственное письмо пришло от него в Трубинку 22 июня 1941 года, и с того дня семья Цветковых не получала известий о Николае. Пропал без вести — ни живой, ни мертвый...

— Помню, однажды, после войны, — рассказывает сестра Цветкова, Мария Афанасьевна Соснина, — кто-то из односельчан сказал при отце про Николая: «В плену сгинул». Отец вскипел: «Не такой мой Колька, чтобы сдаваться в плен. В бою он погиб, как герой...»

Прав был отец.

МОЙ ТОВАРИЩ — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Борис
ВАЙСБЕРГ

Рисунок
В. Ганзина

Давно замечено — свой «рабочий профессор» непременно есть на всяком заводе. На все руки мастер, делающий то, чего никто не может. Идут к таким за помощью и советом со всей округи. Обычно они не только не отказывают, но предлагают новое, оригинальное решение. Как говорят, на изобретательском уровне.

Об одном из таких «профессоров» — наладчике Александре Алексеевиче Шаклеине — расскажу подробно.

Поучительно бывает узнать, как человек приобщается к творчеству. У Саши это случилось интересно. Был он молодым слесарем в паровозном депо. И думать не думал, что станет знаменитым новатором.

У секретаря начальника депо сломалась пишущая машинка, лопнула каретка. Никто не брался ремонтировать, а новая машинка работала тяжело и хозяйке не нравилась.

Саша сидел в приемной, ожидая, когда освободится начальник, и видел все мучения секретаря. А поскольку человек он добрый, стало ему жалко хозяйку машинки, и он взялся попробовать сделать ремонт.

Секретарь тут же побежала к начальнику, Сашу освободили на несколько дней от текущей слесарной работы. И машинка «поправилась» на радость секретарю. А Саше на удивление. Он впервые почувствовал в себе изобретательские способности.

С тех пор было у Саши немало новинок. Но редко когда давалось на них время. Просить же он не умеет и не любит, как, впрочем, почти все мои товарищи-новаторы. Стало быть, творить приходится между делом, после работы, в свободное время. Теперь представьте себе, сколько ими недоумано, не создано, не внедрено!

Однажды, работая тонким сверлом, Саша не уловил момент, когда надо было переключить патрон на реверс — обратный ход. Крак! Сверло сломалось. Не столько жаль инструмент, сколько трудно потом доставать залою. Высверливай, выворачивай, выковыривай — морока

и нервопрепка! Да и сверл тоже жаль.

Таким же образом маялись товарищи, поругивая, как водится, начальство. И подначивали Сашу: «Вот тебя изобретателем величают, придумай чего-нибудь». Был это своего рода социальный заказ, Саша принял его. Тем самым показал разницу между рационализатором и новатором. Первый начинает думать, когда дело коснется его лично, второй — в первую голову заботится о других.

Саша сделал все, как говорится, до гениальности просто. Ход его мыслей был таков: если рука не успевает переключить механизм реверса, что надо сделать, чтобы успевала? Выбросить механизм, вот и все! Теперь рука напрямую, без посредников, чувствует инструмент и мгновенно останавливается, когда ему грозит опасность. Чуть подал руку назад, сам собою пошел обратный ход — в патроне для этого есть другое устройство.

Конструкция патрона оказалась новой не только для завода. Обладала она, как говорят патентоведы, мировой новизной. То есть получилось изобретение.

Эта новинка принесла Саше первую в жизни медаль. Впоследствии Москва выдала авторское свидетельство № 429947.

Вместе с группой новаторов и пропагандистов Саша работал в Москве на ВДНХ. Выступал здесь в несвойственной для себя роли консультанта, объясняющего устройство и работу экспонатов. Собственных изобретений было у него на выставке штук пять. А могло быть пятью пять и еще раз столько. Удивительно, но подобная картина и с другими нашими «рабочими профессорами» — Измоденовым, Филипповым, Громовым.

Что-то у нас тут не продумано. Что-то не по-хозяйски, не по-государственному. Занимаются люди изобретательством так, словно это их личное дело — увлечение, хобби, нечто вроде собирания марок, значков и прочего. Ничего против коллекционирования не имею, но и ставить их на одну доску с новатор-

ством как делом государственной важности ни в коем случае не следует.

Однажды Сашу, уже известного к тому времени рационализатора, вызывает заместитель главного инженера:

— Слышал, у тебя светлая голова. Знаешь участок шлифовки тонких валиков? Там много брака, из трех шлифованных валиков выбираем один годный. Посмотри, может быть, что-то простое и надежное придумаешь?

— А время? — спросил умудренный опытом обладатель светлой головы. — У меня же работа.

Последовал звонок руководству цеха, и Саше была предоставлена неделя на творчество. Недели, разумеется, не хватило. Да он и сам не мог оторваться от своих станков. Из цеха приходили за помощью, постоянно дергали. Он же не дома сидел, не ушел «в подполье» — был в соседнем корпусе. В сумме, может, неделя чистого времени вышла, а календарных — все три.

Сумел Саша все продумать, понять причину брака, найти решение и даже нарисовать эскизы. Большего не успел, да и не требовалось. Теперь любой инженер сделает чертежи, а любой слесарь изготовит. Главное — найти «индейку», отличную идею.

Дело в том, что валики — тонкие и длинные, словно спицы — при зажатии в центрах изгибались на невидимую для глаза величину. Этого было достаточно для выхода в брак. Ведь как все просто, почему никто раньше не догадался: надо не сжимать, а растягивать валики!

Когда станки переоборудовали по предложению Шаклеина, вместо трех рабочих стал управляться один и давать почти сто процентов годных. Саше вышла благодарность от главного инженера. Кажется, его и поощрили. «Но больше мне таких спецзаданий не надо», — сделал он вывод из этой истории.

Вот тебе раз! Ведь замечательно же получилось, большую проблему решил!

— Так-то оно так, но на меня ребята начинают коситься. Проблема-то чужая, из другого цеха. Рабочие считают, что они вкалывают, а я чего-то там изобретаю да рисую, почти сачкую. Начальник цеха ворчит: мол, «на дядю работаешь, своих забот хватает».

А экономисты — те вообще заявили, что не знают, как платить Шаклеину за это время. По их мнению, прямые функции как наладчик он не выполнял. Работу наладчика, говорят, мы знаем, а должности изобретателя — такой не знаем, и как она оплачивается, тоже не ведаем. Кое-как оплатили ему... по среднему тарифу.

Однажды в родном Сашинном цехе предложили задание. Но не удержались от предисловия в виде шпильки:

— Вот ты уже знаменитый изобретатель, на главного инженера работаешь. Помоги и своему цеху.

— Пожалуйста, если сумею. И если время дадите.

— Сумеешь. Дело такое: на заворачивание и отворачивание мелких гаек уходит масса времени. Надо механизировать эти операции. А насчет времени — эдак каждый дурак сумеет, если ему создать условия. Ты — как все рационализаторы: между делом, по вечерам...

Больше Саша никогда о времени не заикался. Чтобы не считался дураком. Он и сам стал сомневаться: не много ли просит? Заданку с гайками он решил за пару месяцев. Придумал особый гаечный ключ с магазином на два десятка гаечек. Работает ключ от пневмо- или электропривода, экономит время, повышает производительность труда в четыре раза. И на вид — просто игрушка, рук не оторвать!

Демонстрировалась новинка на ВДНХ, получила там медаль, все хорошо. Но меня не оставляет в покое вопрос, который я задал Саше при очередной встрече. Сколько новшеств он мог бы придумать, если бы работал только по спецзаданиям? Если бы имел полное для этого время?

— В месяц по одной вещи, пожалуй, смог бы, — ответил он после раздумья.

— Теперь простая арифметика. Сколько ты уже болен рационализацией, считая от той пишущей машинки?

Двадцать лет. Считаем вместе: за это время Саша создал бы что-то около 250 новинок — отличных инструментов, прогрессивных способов.

Вот где кроются огромнейшие запасы внутренней энергии новаторства!

А как мы ее используем, эту энергию? Спрашиваю Сашу, сколько у него новых разработок?

— Не помню, надо в книге посмотреть.

— В какой книге? Амбарной, что ли?

— В красненькой, у Кудрявцева. Вон она у тебя на полке лежит, я сразу заметил.

Как же я забыл! Действительно, в своей книге «Вплоть до внедрения!» председатель Свердловского областного совета новаторов Ю. Ф. Кудрявцев несколько страниц посвящает и Шаклеину. Там сказано, что «за 20 лет он избрал 25 совершенно новых инструментов и приспособлений».

25 и 250! Один к десяти — та-

ков примерно коэффициент полезного действия наших новаторов. Десять процентов, чуть больше, чем у паровоза. На таком транспорте мы недалеко бы уехали, если бы не заменили его на более экономичный.

Что еще сдерживает выход вундерной энергии? Как ни странно — планирование. В частности, планирование изобретательской и рационализаторской работы. Настолько мы привыкли, что все у нас делается по планам, что порой не замечаем обратного их действия.

Натолкнул меня на эту мысль Саша, когда однажды достал из кармана маленькую брошюрку. Так называемый заводской темник — сборник узких мест производства для рационализаторов, изобретателей. А также для всех желающих.

Как и многие, Саша называет эту брошюрку в полушутку через «ё» — темником. И тоже, как многие, носит его в кармане, благо, малый формат. В любой момент можно вынуть, настроиться, подумать.

— Кстати, давно хотел поточнее узнать, — спрашиваю, — почему «темник»? Не оттого ли, что слишком туманно сформулированы там задочки?

— Не только. Не любим мы, когда навязывают нам путь решения. Невольно затемняются свежие, оригинальные мысли.

Под «мы» он понимает тех, кто занимается техническим творчеством серьезно, на основной работе. По сути — профессионально, постоянно, а не любительски — от случая к случаю.

Наугад открыв брошюрку, Саша вслух прочитал: «В детали номер такой-то окна вырубается с большим облоем, что требует дополнительной ручной зачистки, повышает трудоемкость. Предложить конструкцию штампа, исключающего операцию зачистки».

— Заметил? — спросил он, будто задал психологическую загадку из серии про инспектора Варнике.

Теперь и я увидел, что мысль толкают на путь штампа. Быть может, здесь нужен не штамп, а иное приспособление или вообще другой способ. А нам поставлены шоры, закрывающие все остальные пути. По сути, ограничивается свобода технического творчества.

Каждый завод составляет такие темники. На год, чаще на пятилетку. Там сотни, тысячи производственных задач, узких мест, больших и малых проблем. И большинство из них остается нерешенными, переходя из года в год, из пятилетки в другую, в очередной темник. Причин много, но одна из них такая простая, что сразу о ней и не подумаешь.

Однажды несколько человек разработали интересный метод то-

карной обработки ступенчатого валика. Провели эксперименты, сделали расчеты, все обосновали и подали рацпредложение. Как полагается — на бланке, с отзывами, подписями. Но главную роль сыграли не отличные отзывы... а месяц август.

Странная история: прекрасная разработка, сулящая примерно тридцать тысяч рублей экономии, начала буксовать! Предложение почему-то не приняли к регистрации. Сначала сказали, что не до конца оформлено, потом — не все подписи собраны. Схема не ясна, отзывов не хватает, заключения нет и т. д.

Волокита тянулась ровно пять месяцев, до конца года. В первых числах января авторов оперативно нашли: «Несите ваше предложение, будем регистрировать». Теперь опять непонятно — ведь ничего не изменилось: те же отзывы, та же схема.

— Изменилось! — воскликнул в этом месте Саша. — Я, кажется, догадываюсь, в чем дело. Годовой план по реализации был уже выполнен, так? — спросил он.

— Почти выполнен. Вот и перетягивали предложение на следующий год, искусственно отклоняя. Теперь оно числится в новом плане, экономия пошла в счет текущего года. И между прочим, сразу же покрыла четверть годового плана.

Подобных случаев не один и не два!

Вывод напрашивается сам собою: плохо то планирование, которое сдерживает энергию новаторов, вместо того, чтобы ее усиливать. Видимо, показатели рационализаторской работы — экономический эффект, количество внедренных предложений, охват людей и другие — влияют на эту работу не только прямым, но и обратным действием. За невыполнение показателей коллективы снимаются с соревнования, теряют премии. А за перевыполнение они ничего дополнительно не имеют. Такое планирование нередко побуждает скрывать резервы творчества, а не раскрывать их. Требуется доброе рацпредложение для улучшения рационализаторской работы.

Главное — не слова. Их много сейчас слышно кругом. Иногда мне кажется, что слишком много говорится и пишется. О привлечении к техническому творчеству, о развитии новаторства, о помощи молодежи. Юра переходить от слов к делу.

Проводили вечер молодого рабочего. В фойе была организована небольшая выставка инструмента и приспособлений. Все сделано руками рабочих, изобретателей. Все до-

ступно для изготовления практически любому рабочему средней руки. После речей молодежь окружила столы с инструментом. Саша давал пояснения, его слушали с любопытством, брали в руки железо, спорили. Вот парень в кожаном модном пиджаке взял резец, оснащенный пластинкой из твердого сплава:

— Ха, я такой видел!

— А этот резец со стружколомом видел?

— Примерно такой есть у соседа по станку.

— И ты сделай себе подобный. Или этот упор в шпindel — простая и удобная вещь, экономит время на отрезке мерных длин.

Оказалось, и эта штука известна парню. Ничем его не удивишь, все видел, все знает человек. Выделялся он из толпы молодых и совсем юных рабочих. Спрашиваю, есть ли у него резцы с твердым сплавом или какие-нибудь другие оригинальные.

— Нету, — не так бодро ответил он.

— А что-нибудь вот из этих железок?

— Дали, бы — не отказался.

— Ну а рацпредложения есть? Хотя бы невнедренные.

Парень, совсем скиснув, отошел от стола. После я узнавал про него в комитете комсомола. Токарь цеха приспособлений, отличник качества, ударник коммунистического труда, фотография на Доске почета. Словом, очень хороший, исполнительный рабочий. Потому и был приглашен на вечер. А как у него с техническим творчеством? — любопытствовал я.

— Можно сказать — никак, — ответили мне, — но это не считается, вы понимаете?

Чего ж тут не понять? В детских играх так кричат: «Чур, не считается!» Вот это и волнует меня сейчас — отсутствие новаторства в работе не считается большим грехом, недостатком. Все остальное считается, а это — нет. Почему же?!

Впрочем, комитетчики правы, к сожалению. Но если от молодых рабочих не требуют творчества и тем более не учат ему, откуда же оно возьмется?

Оказывается, тема эта Сашу тоже волнует. Мы с ним говорили о ней, возвращаясь с вечера молодых рабочих.

— Почему молодые ждут, когда кто-то придумает? — И Саша процитировал: «Дали бы — не отказался». Понимаешь? Кто-то придумает, делает и даст. А ведь сюда, на вечер, принесли самые простые вещи.

— В чем загвоздка? — зада-

вал я вслух вопрос, в том числе и для Саши. — Не требуется? Не хотят? Не умеют?

Саша считает, что главное — последнее: не умеют. Если научить изобретательству, причем как можно раньше, увлечь этим делом, тогда не остановишь никакими трудностями.

Идеалист ты, уважаемый Александр Алексеевич! Насколько реалист в рационализации, настолько же идеалист в организации изобретательства. Судись, наверное, по себе.

Если Сашу увлечет какая-то проблема в технике, забывает обо всем на свете, перестает замечать друзей и знакомых. Пока не доведет дело до конца. Но не у всех же есть такие способности к технике, как у Шаклеина.

И вообще, существуют ли таковые? Наподобие музыкальных, математических, даже спортивных. Там трудность в раннем распознавании талантов и в дальнейшем их развитии. А у нас — технарей если и есть склонности, то проявляются они позднее, в трудовой жизни.

Мы встретились с Сашей перед началом занятий в университете новаторов, единственного, между прочим, общественного заведения подобного профиля в России.

— Знаешь, иногда хочется бросить это дело к чертовой бабушке! — сказал как-то Шаклеин.

— Вот тебе и раз! — удивился я.

Вот что выяснилось.

Решили на заводе изготовить реверсивные патроны конструкции Шаклеина (о них говорилось выше). И хотя партия небольшая, всего десять патронов, событие такое всегда радостно для автора. Здесь и признание его труда, и стимул для дальнейшего творчества. При чем стимул не менее сильный, чем материальный. Об этом мы как-то не думаем. К примеру, каждый пишущий по себе знает это ощущение: как только примут к печати одну вещь, тотчас тянет писать другую.

Изготовили. Саша сам их собрал, отладил, запустил в работу, помог освоить. Рабочие довольны новым инструментом, а автор — больше всех. Он уже, как часто бывает в таких случаях, начал думать, что бы еще ценного изобрести.

Тем временем экономисты подсчитали эффект: доходы за вычетом расходов. И получили эффект со знаком минус. То есть экономии нет, голый проигрыш. И стало быть платить изобретателю не положено. В принципе — нужно с него вычитать. Но поскольку это не принято, примите, товарищ новатор, к све-

деню и не надеяться на оплату. Тем паче — на новую партию инструмента...

Радость испорчена. Саша удивляется:

— Откуда минус, можно посмотреть расчеты?

В расчетах как будто все верно. Сделаны они по правилам экономической науки, по методикам. Коэффициенты определены точно, перемножены без ошибок.

Однако лишний раз можно убедиться, что методики отстали от жизни. Многие они не учитывают и прежде всего — социальную, общественную сторону новаторства. Не берут в расчет и нравственную его сторону. Да и просто человеческую: молодец, что постарался, пусть в этот раз не получилось, не беда — в другой получится. Но чтобы состоялся «другой раз», надо не отбить охоту в «этот раз».

Ошибаются наши экономисты — не в расчетах, а в самом подходе к расчетам. Всякое новшество — шаклеинское или любое другое, дороже серийного изделия именно потому, что это новшество. По сути еще опытное, экспериментальное. Серийное дешевле — изготавливается на специализированных заводах массовым способом. Неужели так сложно принять во внимание?

Впрочем, это экономисты иногда учитывают. Особенно когда новый инструмент в 2—3 раза производительнее прежнего. Гораздо реже принимают они в расчет другое, в том числе и человеческую сторону, психологическую. Новое рождает желание работать по-новому!

Допустим, те же патроны Шаклеина — ими приятнее трудиться, хотя сначала и непривычно. Они снижают нервное напряжение от ожидания поломки. Настроение рабочего улучшается, культура труда выше.

Наконец, новые патроны могут у кого-то вызвать желание и самому что-то улучшить. Тут одно за другое цепляется. Я называю это цепной реакцией творчества. Разве все вместе не окупает дополнительных затрат? Разве экономистам все это безразлично?

После демонстрации на ВДНХ шаклеинские патроны разошлись — в виде чертежей — по всей стране. Саша подсчитывал: пятьсот комплектов чертежей разослано по запросам. Если по каждому комплекту изготовили десятка два-три патрона, вот оно и будет массовое производство. Только не централизованное, оттого и дорогое.

— Теперь все? — спрашиваю у Саши.

— Слушай дальше. Рабочим-то патроны понравились. Попросили выпустить еще партию. Решение такое уже принято, немного — тридцать штук будут делать. Кста-

ти, и для школы передового опыта они пригодятся.

И тут Саша рассказал, как к нему пришли из планового отдела посоветоваться по чертежам перед запуском их в работу. Он рассердился. Если на предыдущей партии в десять штук не набралась экономия, то теперь убытки по их инструкциям будут в три раза больше!

Подвели мы черту под грустной темой: бросать «это дело» к чертовой бабушке пока не стоит. Невыгодно будет: государству, заводу, самому новатору.

Отраслевая школа передового опыта персонального новатора А. А. Шаклеина наконец состоялась. Я упоминал о ней несколько раз в надежде рассмотреть вкупе все, что «натворил» мой старый товарищ. Рассмотрел — и разобрался. И испытал дзюйственное чувство. Даже тройственное, если все их считать.

Первое: восхищение — новинок масса! Хороших и разных. Тут и знакомый уже нам реверсивный резьбонарезной патрон, и гаечный ключ с магазином на двадцать гаечек, и пневмодрель с регулируемым крутящим моментом, и фрезерный быстродействующий патрон, и механическая рукоятка с гибким валом...

Здесь, в школе, все это изучат и порекомендуют для широкого распространения в стране. Прекрасно!

И в то же время был привкус горечи — мало, мало. Саша, то есть Александр Алексеевич, способен «выдать на-гора» много больше. В десятки раз больше.

Отделов изобретательства на заводах не существует. Так же как нет у нас изобретателей-профессионалов. В государственном реестре специальностей и профессий таковая не значится. И это плохо, очень плохо! Впрочем... Сравнительно недавно в нашей стране учрежден Всесоюзный день изобретателя и рационализатора. Надо понимать так, что этот праздник — еще один шаг к утверждению важнейшей роли новаторов в жизни общества. По сути — политико-воспитательный акт в повышении престижности творцов техники. И еще, быть может, это ступенька на пути признания изобретательства — не только в моральном и материальном смысле, но теперь и в формальном? А отсюда рукой подать до административного, штатного утверждения изобретательской должности. И не исключено, что в скором времени поздравлю я Сашу со вступлением в эту новую должность. Вместе с ним — других наших славных «рабочих профессоров»...

Драга № 1

В 1922 году в Екатеринбурге под редакцией известного металлурга В. Е. Грум-Гржимайло вышел третий выпуск технико-экономического сборника «Урал». Он был целиком посвящен проблемам дражного дела на Урале. Теперь совсем иные драги добывают золото и, наверное, многое устарело в названной книге, но не могут устареть сведения о начале истории добывания драгоценного металла не вручную, а уже с помощью машин...

Впервые в мире многочерпаковая драга появилась в Новой Зеландии. Это случилось в середине 90-х годов прошлого века. Россия немалого отставала. Уже в 1896 году первая в нашей стране драга была поставлена на речке Уруши, притоке Амура. На Урале же первая драга появилась в 1900 году. На реке Ис, на прииске Неожиданном. Это была машина голландского производства. В действие ее пустили лишь на следующий год.

А в 1902 году была построена на Невьянском заводе первая отечественная драга. И за последующие годы этого знаменательного события в истории горнозаводской техники двадцать лет завод изготовил для Урала и Сибири тридцать многоковшовых машин. Котлы их и некоторые части были сделаны из особо прочной стали. Первая драга уральского производства плавала на заводском пруду и носила имя владельца Невьянского завода Петра Яковлева.

Летом следующего года на пруду этого же завода появились еще три драги.

Сохранились сведения, что отечественная драга № 1 была с деревянным понтоном, с паровой машиной... И вновь обнаруживаешь, что наши предки и в этом случае явили историческую неосмотрительность. Первая русская драга, как, например, и первый паровоз, и велосипед, не сохранена для потомков. Так, может быть, юнтехы или учащиеся какого-либо технического училища возьмутся за это благородное и интересное дело — сделать действующую модель первой драги отечественного производства?

А. КОПАЙСКИЙ

И ЭТО ВСЕ ДЛЯ НАС...

**Станислав
ЗИГУНЕНКО**

**Подготовить, посадить, вырастить,
убрать, сохранить.
Пожалуй, этими словами
можно коротко охарактеризовать
все те хлопоты,
которые сопровождают путь
к нашему обеденному столу
хлеба и картошки, капусты
и огурцов, яблок и винограда...
А хлопоты эти немалые.
Труд сотен тысяч людей
самых разных специальностей —
ученых, агрономов,
полеводов, механизаторов...
Обо всех сразу, конечно,
не расскажешь. Поговорим лишь о том,
какой вклад вносят
во всенародное дело —
претворение в жизнь
Продовольственной программы СССР —
люди науки.**

Пока сев еще не начал

— Давайте для начала проведем такой опыт...— Мой собеседник взял горсть семян, рассыпал их по металлической пластинке.— Это будет у нас отрицательная обкладка конденсатора. А теперь приближаем к ней положительно заряженную обкладку и...

И я увидел маленькое чудо: семена, как по команде, приподнялись и замерли в своеобразном строю!

Так началась наша беседа с заведующим одной из лабораторий Московского ордена Трудового Красного Знамени Института инженеров сельскохозяйственного производства, кандидатом технических наук В. И. Тарушкиным. А дальше я узнал вот что.

Владимир Иванович и его коллеги занимаются диэлектрическими сепараторами. Что такое сепаратор, вы, верно, знаете. Это устройство, отделяющее, например, сливки от обраты в молоке. В растениеводстве сепараторы отделяют зерна от шелухи, разделяют их по весу, размерам и т. д. Но при чем тут электричество? А вот при чем.

Вспомните-ка опыт, описанный в самом начале. Семена вовсе не случайно подчиняются командам электрического поля. Каждое зернышко — будь то семя пшеницы, ржи, другой полевой или огородной культуры — представляет собой как бы крошечный магнит. А каждый магнит, как известно, имеет два полюса — северный и южный. Если мы возьмем два магнита и подставим друг к другу одноименные полюса — магниты будут взаимно отталкиваться; если поднесем разноименные — станут притягиваться.

На свойстве наэлектризованных семян притягиваться и основаны диэлектрические сепараторы. Внутри каждого из них есть барабан, на котором уложена электрическая обмотка. Когда к обмотке подключают напряжение, вокруг барабана образуется электромагнитное поле. На барабан струйкой из бункера сыплются семена. Сыплются и под действием поля как бы приклеиваются к поверхности барабана, который вращается. Наиболее наэлектризованные и легкие семена держатся на поверхности барабана настолько прочно, что их приходится счищать специальной щеткой. Другие семена — покрупнее и потяжелее — сами отрываются. Причем отрыв происходит при разных углах поворота барабана — в зависимости от того, насколько тяжело данное семя, насколько сильно оно наэлектризовалось.

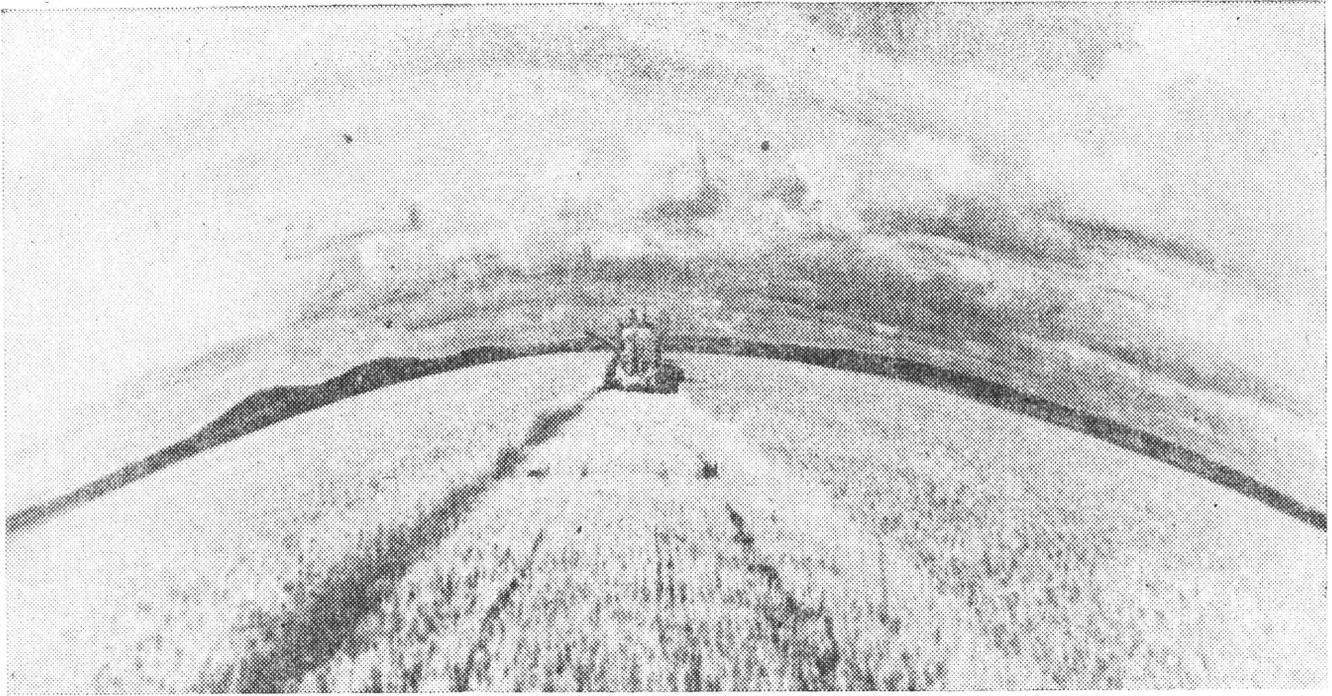
Таким образом и происходит разделение семян на отдельные фракции. Причем разделение это зависит от скорости вращения, силы приложенного электрического поля и может регулироваться по желанию оператора. Таким образом можно настроить диэлектрический сепаратор на отделение, скажем, «живых», всхожих семян от невсхожих. Как показала практика, такая сортировка перед началом сева увеличивает урожай на 15—20 процентов.

Диэлектрические сепараторы оказывают немалую помощь и в борьбе с сорняками. Многие из них хорошо приспособились к совместной жизни с полезными растениями. Например, крохотное семечко повилики не отличишь от семечка моркови, а амброзия искусно «маскируется» под редиску. Электрическое поле легко различает подделку, отделяет полезное от вредного.

Кроме того пребывание семян в электромагнитном поле повышает их всхожесть, а значит, также благотворно влияет на урожай.

К этому остается добавить, что новые сепараторы работают бесшумно. Их серийный выпуск уже начал в Ростове-на-Дону.

Автоматы выходят в поле

Итак, семена подготовлены. А тут и время сева подошло. И вот по полю движется трактор. Он тянет за собой несколько сеялок. Обычная картина весеннего сева, странная, пожалуй, лишь одним: ни на одной из сеялок нет сеяльщика. Кроме тракториста на поле вообще ни души.

— Как же так? — скажете вы. — За сеялками ведь нужен глаз да глаз. Сошники забьются или бункер опустеет, и борозды поле впустую...

Сеяльщики на поле все же есть. Только они — электронные. Вот что рассказал мне об их устройстве лауреат премии Ленинского комсомола, старший инженер Всесоюзного института механизации сельского хозяйства Владимир Семенов:

— Каждый год в нашей стране только яровыми и озимыми культурами засевают около 130 миллионов гектаров. Для проведения сева требуется 500 тысяч трактористов и вдвое большее количество сеяльщиков. Сами по себе цифры немалые. Но они — не главное. Механизаторы, а в особенности сеяльщики, трудятся в очень неблагоприятных условиях: пыль, жара, тряска, рев мотора... И так целый день. А сеяльщик должен работать — внимательно следить за исправностью высевających агрегатов, за уровнем зерна в бункерах...

Нельзя ли облегчить этот труд, а быть может, даже полностью избавить человека от такой работы? Вспомните хотя бы: несколько лет назад тракторист выезжал на пахоту обязательно с прицепщиком. Ныне он прекрасно справляется с плугом и сам.

И вот вместе с моими товарищами Михаилом Тамировым, Александром Евстратовым и Анатолием Клоковым, — продолжал Семенов, — нам удалось создать надежные и несложные автоматические системы, которые следят за качеством сева: они устанавливают, какое именно количество семян вносится в почву на данном гектаре, регулируют по ходу работы заглубление сошников, контролируют пробуксовку трактора.

Остановимся подробнее на электронном сеяльщике. В состав этого устройства входит пульт, устанавливаемый в кабине трактора, электронный блок и датчики. Эти датчики представляют собой пару «фотоэлемент — осветитель» и устанавливаются прямо на сошниках сеялки. Если семена идут нормально, фотоэлемент периодически затемняется, и электронный блок регистрирует прохождение примерно так же, как это делается во всем известных входных турникетах метро. Если же один из сошников забился, периодичность «свет — темнота» пропадает. Электронный блок тотчас вырабатывает аварийный сигнал. На пульте перед трактористом зажигается цифровая индикация. Одно число показывает номер сеялки, второе — номер сошника на этой сеялке.

Кроме того, в систему включен еще один фотоэлемент. Он определяет количество зерна в бункере, сигнализирует трактористу, как только запас семян подходит к концу.

Уже изготовлена опытно-промышленная партия таких устройств. Экономический эффект составляет около 1000 рублей в год на одну установку.

Дождь и электричество

— Все это хорошо, — возможно, скажете вы. — Электрические сепараторы помогли отобрать лучшие семена. Электронные сеяльщики помогли их посеять. И всходы уже появились. Но вот задул суховей — и урожаю не бывать?..

Действительно, засуха приносит огромный вред сельскому хозяйству. Не случайно на многих полях устанавливают системы принудительного орошения. Прошел дождик — хорошо, нет его — пусть работают дождевальные установки.

Казалось бы, растениям все равно, откуда получать воду — из облака или из водопроводной трубы.

Однако опыты свидетельствуют: дождь намного эффективнее поливки. В чем дело?

Вот что рассказал мне по этому поводу Игорь Алексеевич Остряков — изобретатель, работающий в проблемной межведомственной лаборатории при Всесоюзном производственном объединении «Союзводпроект».

— Когда мы стали разбираться, чем дождевая капля отличается от водопроводной, то выяснили: в грозовой туче капельки при трении о воздух приобретают электрический заряд. Вот этот-то заряд капли и служит дополнительным стимулятором роста растений. Вода в водопроводе такого заряда не имеет — трубы, проложенные в земле, принимают весь заряд на себя. Более того, чтобы водяной пар в облаке превратился в каплю, ему нужно ядро конденсации — какая-нибудь ничтожная пылинка, поднятая ветром с поверхности земли. Вокруг нее и начинают скапливаться молекулы воды, превращаясь из пара в жидкость. Исследования показали, что такие пылинки очень часто содержат в своем составе мельчайшие крупинки меди, молибдена, золота и многих других микроэлементов, благотворно влияющих на растения...

Ну, а раз все это так, почему бы искусственный дождик не сделать подобием естественного? Именно это и сделали Остряков и его коллеги. Им выдано авторское свидетельство на прибор, который создает электрический заряд на капельках воды, выбрасываемой дождевальной установкой.

Это устройство представляет собой электрический индуктор — обмотку из нескольких витков проволоки. Индуктор устанавливается на трубе разбрызгивателя дождевальной установки с таким расчетом, чтобы сквозь витки проволоки пролетала уже не струя воды, а рой отдельных капелек.

Сконструирован и дозатор, позволяющий добавлять в водный поток микроэлементы. Устроен он так. В рукав, подающий воду для дождевальной установки, врезан кусок трубы из диэлектрического материала. В трубе располагаются молибденовые, медные электроды... Словом, из того материала, какой микроэлемент нужен для подкормки растений.

Картошка растет в... чулке

В хлопотах и заботах незаметно прошло лето. Пора уж и урожай собирать. И снова на помощь людям приходит техника. Зерновые комбайны — «Нива», «Колос», «Сибиряк» — многие, наверное, видели. И потому дальнейший рассказ о машинах для уборки «второго хлеба» — картошки.

Комбайн на картофельном поле тоже не новость. Только вот беда, работают картофельные комбайны не очень хорошо. Зря перелопачивают огромное количество земли, да и вместе с картошкой зачастую попадают и комки почвы.

Нельзя ли сразу на поле производить и сортировку? Оказывается, это не такая уж простая задача. Даже человек не всегда может отличить покрытую мокрой землей картофелину от черного комка почвы. Что же тогда говорить о картофельных комбайнах?

Ученые ГДР как-то попробовали наделять машину «всевидящим» гамма-зрением: с одной стороны подборочного конвейера они поставили датчик гамма-лучей. Лучи пронизывали комья и клубни, а стоящий напротив датчика приемник определял «что есть что». Но гамма-лучи вредны для людей, приходится применять специальные меры защиты. Кроме того, для устойчивого детектирования оказалось необходимо, чтобы все клубни и комки земли были примерно одного размера.

По иному пути пошел студент-дипломник Рязанского радиотехнического института, а ныне уже инженер Сергей Решетников, работавший под руководством старшего преподавателя А. Д. Касаткина.

Известно, что емкость конденсатора зависит от диэлектрической проницаемости материала, заложенного между его обкладками. Изменяется диэлектрическая проницаемость, меняется и емкость. Этот физический принцип и был положен в основу детектирования; проницаемость картофеля оказалась в 4—5 раз выше, чем у земли.

Но найти правильный физический принцип — только начало дела. Нужно было еще выяснить, на каких частотах детектор работает в оптимальном режиме, разработать принципиальную схему устройства, проверить ее правильность на лабораторном макете...

— Наиболее трудной частью работы, — рассказал мне Сергей, — оказалось создание чувствительного емкостного датчика. Это — две пружинящие пластинки, расположенные друг относительно друга под некоторым углом. В эту своеобразную воронку и падают картофелины вперемешку с комьями земли. Как только они касаются обкладок конденсатора, система управления вырабатывает сигнал, значение которого зависит от диэлектрической проницаемости объекта, находящегося внутри датчика. И заслонка отклоняется в ту или иную сторону, производя сортировку...

Казалось бы, дело сделано. Изобретен датчик, который позволяет без особых хлопот узнать «что есть что». Но то, что хорошо сегодня, завтра может устареть. И вот недавно стало известно: изобретен принципиально новый способ уборки картошки! И помог делу... капроновый чулок.

Предоставим слово самому изобретателю, выпускнику ПТУ № 33 города Ленинграда Косте Уткину:

— Началось все, когда наша группа поехала на картошку, — вспоминал он. — Убирать картошку вручную, известно, дело нелегкое. Многие изобретатели пытались решить эту проблему, много придумано картофельных комбайнов. Но разве это дело, когда для того, чтобы с каждого квадратного метра поля извлечь в среднем полтора килограмма картошки, машина поднимает и просеивает около 300 килограммов земли?.. Да при этом часть картошки все-таки остается на поле...

Вот Костя и решил эту проблему по-своему. Для начала провел эксперимент на садовом участке. Каждую картофелину перед посадкой он вложил в старый, уже пришедший в негодность капроновый чулок. Туда же поместил питательную смесь из торфа, перегноя и удобрений. Чулок закопал в землю так, что только его горловина торчала из почвы. А осенью пришел на участок, потянул за конец чулка, и чистенькая картошка оказалась на поверхности.

Но то, что хорошо на маленьком участке, не годится на большом поле. Идею Кости подхватили и развили взрослые: инженер-конструктор из Казани Б. П. Липский и тульский изобретатель Л. Е. Панасюк.

Новая технология теперь выглядит так. В заранее проложенную борозду машина укладывает капровую сетку, одновременно засыпая в нее семенные клубни. Несложные приспособления заделывают ленту, присыпают ее с двух сторон землей. Получается как бы авоська на всю длину борозды. Только на концах поля из земли торчат «хвостики» — не присыпанные замлей участки сетки.

Осенью уборочная машина закрепляет конец сетки на барабане, проходит вдоль борозды и «тралит» картошку примерно так же, как рыбаки тралят рыбу. Вытащенные из земли клубни сыпаются на транспортер, а сетка наматывается на барабан до будущей весны.

Неподалеку от Тулы, в совхозе «Пришненский», был уже посажен и выращен урожай в сетках на площади 0,16 гектара. Все клубни были вытасканы из земли целенькими, неповрежденными.

— В будущем, — предполагает директор совхоза

«Пришненский», кандидат сельскохозяйственных наук В. М. Ландин,— мы думаем еще усовершенствовать технологию. Картофельное поле с «авоськами» мы даже не будем окучивать. Почву обрабатываем от сорняков гербицидами, гребень над клубнями сделаем заранее, при посадке, а нужные микроэлементы и удобрения нанесем на поверхность сетки...

Как дышит яблоко

Урожай собран, свезен в закрома, можно и передохнуть после трудов праведных. А как сохранить урожай? Ведь только так можно обеспечить рациональное питание населения круглый год.

Хранить несколько месяцев ту же картошку, капусту, яблоки, виноград — не простое дело. Послушаем, что говорят по этому поводу исследователи:

— Плоды, как и все живое на Земле, дышат: вбирают в себя кислород, выделяют углекислый газ. Причем дышат не только на ветке или грядке, но и в хранилище...

Более полувека назад русский ученый Ф. В. Цереветинов установил: если в камере хранилища много кислорода, плоды дышат активно и слишком быстро созревают, а потом гниют. Повышенная концентрация углекислого газа, напротив, задерживает дыхание. Но если углекислого газа чересчур много, это тоже плохо: плод поддерживает свою жизнедеятельность за счет внутренних запасов, теряет сочность.

Ученые лаборатории, носящей имя Цереветинова, нашли оптимальные концентрации газов, подходящих для длительного хранения овощей, фруктов, ягод. Но определить точную концентрацию — это еще не все. Нужно еще все время поддерживать данный состав атмосферы в хранилище. В этом специалистам помогает еще одна разработка сотрудников Института народного хозяйства — установка «Атмостат». Она открывает вентиляционные люки ровно настолько, чтобы кислород поступал в хранилище в оптимальном количестве — не больше и не меньше, чем нужно. Благодаря системе датчиков «Атмостат» поддерживает неизменность атмосферы в хранилище с точностью до десятых долей процента.

Впрочем, как показала практика, даже идеального поддержания атмосферы нужного состава мало. Необходимо еще бороться против разного рода болезней, и в первую очередь — против плесени.

Плесневый грибок — основная причина порчи винограда. Борются с ним так. Во-первых, холодом, который не дает развиваться плесени. Но даже самые устойчивые сорта винограда хранятся в холодильнике не более двух месяцев. Поэтому используют еще и второй способ — серный дым. Окуривают холодильники каждую неделю, а частая перемена газовой среды опять-таки губительна для ягод. Они темнеют, вкус их ухудшается. К тому же химически серный газ очень активный, и людям приходится работать в противогазах.

Но вот какой способ предложила кандидат технических наук А. И. Кочурова. Нестойкое химическое вещество — метабисульфит калия, — известное многим фотолюбителям как составная часть проявителей, она предложила использовать для сохранения винограда. Каким образом? Разлагаясь на воздухе, метабисульфит калия выделяет серный газ.

Опыты подтвердили первоначальное предположение: таблетки из смеси желатина и метабисульфита калия выделяют серный газ в течение семи месяцев. В холодильной камере постоянно поддерживается среда, губительная для грибка. Люди же серного газа просто не замечают — настолько мала его концентрация.

Однако плесневый грибок — это еще не самая большая неприятность. Например, на капусту очень часто нападает своего рода эпидемия. Называется эта напасть —

тумачность. Потери от нее достигают половины всей запасаемой капусты. Самое неприятное, что болезнь невозможно обнаружить сразу — капуста чернеет изнутри, в то время как верхние листья продолжают оставаться белыми и хрустящими.

Долгое время причина тумачности оставалась неизвестной. Поэтому не было и эффективного метода борьбы с ней. И вот несколько лет назад кандидат технических наук С. Н. Бруев получил авторское свидетельство на изобретение нового способа хранения капусты.

— Исследования показали, — рассказывал он, — что причина болезни заключается в нарушении газообмена внутри кочана. Капусту хранят в холоде, верхние листья промерзают и уже не дают воздуху проникнуть внутрь. Внутренние же листья продолжают дышать, расходуя остатки запасенного кислорода. Углекислый газ накапливается внутри кочана, создает благоприятную атмосферу для возникновения тумачности. Чтобы избавиться от этой болезни, капусте нужна операция. Кочан подрезают до середины, обеспечивая тем самым доступ воздуха к внутренним листьям. Можно и рассекать кочан на две половинки. Это даже предпочтительнее, например, при хранении капусты в холодильнике.

Вот ведь как получается: до сих пор считалось, что целые кочаны сохраняются лучше, а получилось как раз наоборот!

Великое дело — подготовить и посадить семена, вырастить и убрать урожай, сохранить его для нашего обеденного стола. Какой огромный труд стоит за короткими строчками Продовольственной программы:

«Обеспечить разработку и внедрение:

...индустриальных технологий возделывания сельскохозяйственных культур... новых технологий хранения сельскохозяйственной продукции с использованием активного вентилирования, искусственного охлаждения и в регулируемой газовой среде».

Фото А. Лыськова

ВЯЗЬ ВРЕМЕН

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

*Слайды
О. Капорейко*

Осмотрев выставку декоративно-прикладного искусства художников РСФСР, которая экспонировалась осенью прошлого года в Каменске-Уральском, я вдруг вспомнил о знакомом пушкинисте, просто-таки с вдохновением собирающем много лет все, что касается великого поэта. Однажды этому собирателю отдали в каком-то учреждении поврежденную гипсовую копию опекушинского памятника А. С. Пушкину. Мой знакомый — не скульптор. Однако любовь к Пушкину — сила великая, и он, вооружившись точными рисунками опекушинского памятника, гипсом и терпением, две летних отпускных недели провел на балконе, чтобы залечить травмы скульптуры. И все точнейшим образом восстановил. Спас прекрасную вещь!

Вот такое же душевное волнение нужно и художникам-прикладникам, воскрешающим полузабытые промыслы и художественные традиции. Наши предки во все времена «расшевеливали» привычный мир окружающих предметов. Веселили затейливым орнаментом обыкновенный коврик. Придавали сказочную форму самовару. Расцветчивали разнотравьем ткани. И нынешние мастера не хотят пускать в наш быт безликие предметы, а стараются продолжить отечественное искусство. Более ста произведений, представленных на передвижной выставке, показывают, что художники стремятся «утеплить» интерьер наших квартир, в коих, увы, главенствуют лакированные плоскости...

Искусствоведы Ирина Глазунова и Галина Фефелова, хозяйки выставочного зала в Каменске-Уральском, помогают понять то, что происходит в нынешнем декоративно-прикладном искусстве. Например, художественное стекло, занимающее на выставке немалое место, в последнее время завоевывает всеобщее признание. Много дипломов и премий получили советские художники, работающие со стеклом, на международных ярмарках. Стекланные вещи ныне и выдувают, и лепят, и гранят, и расписывают, и гравировывают. Вот хотя бы посмотрите на эти сосуды из оксидного стекла (см. слайды на вкладке), которые художница из Калининской области Иыге декорировала с такой фантазией.

Надо ли напоминать, что художественная обработка стекла в России — давнее дело, ему уже около трехсот лет, и достаточно красоты,

скажем, в изделиях из хрусталя продемонстрировали миру старинные мастера. А в наши дни Ленинградский завод художественного стекла готовит торжественный, с гранями и рисунками хрусталь.

И работы «фарфористов» России отличает внимание к национальному наследию. Они достойно длят ту вязь орнамента по фарфоровым изделиям, что начата давно. Как трогает своей искренней добротой женская фигура с самоваром. Заслуженный художник РСФСР Л. Азарова хотела преодолеть в этой работе сугубо практическое назначение предмета. Мы привыкли к более мелким фарфоровым вещам, а упомянутая фигура — высотой полметра. И ей стоять где-либо в кафе или в чайной, ей настраивать гостей на неторопливое чаепитие. Роспись тут по цвету традиционная — синее с фиолетовым оттенком.

Искусно сделанная из дерева утварь — тоже традиция. Погулял, порадовал людей резец или ножичек мастеров по липе, по березе, по осине. И теперь это искусство не угасло. Резьбу по дереву ценят и профессиональные художники. Автор из Кемерово Б. Заложных показывает на выставке сервиз из капа. Теплый цвет дерева, естественный рисунок и мягкость линий пленяют. Чашки и ложки просеяты в руки, их поверхность шелковая. Не серебро это и не золото, и даже не фарфор, а деревянная посуда — однако же праздничная.

На выставке видишь керамику, фарфор, металл, дерево. И вот — ткань. Привлекает и радует зрителей панно художницы из Ленинграда Л. Успенской «Хлеб-соль». Неожиданное решение — аппликация ситцем. Кажется поначалу, что это очень простая техника. Взял лоскутки ситца да ножницы — и дерзай. Однако тут нужен точный глаз художника. Автор даже сумела передать объем изображенных предметов, используя оттенки в окраске тканей. Но и уловив то, что такая аппликация — дело мудреное, все равно хочется самому попробовать. Так эффектна эта работа!

...Художники России работают у горячих печей, чтобы угадать красоту стекла. Они куют металл, чтобы сплести орнамент. Они расписывают ткани и лепят из глины посуду. Они дарят нам красоту. Поклон им.

МИР НАСТУПИЛ НЕ СРАЗУ

Владимир
ЗУЕВ

Рисунки
С. Сухова

Дорога домой

Успешный день сполна вымотал беженцев. Полдня томительного ожидания на дороге, потом долгая тряская езда по проселкам на военных грузовиках, потом, когда машины свернули на свои полевые склады, многокилометровый марш-бросок с тяжелыми ношами за плечами. И все это под немилосердными лучами июльского солнца. Лишь поздно вечером добрались они до Травно и без рук, без ног рухнули замертво.

Проснувшись утром, Велик долго лежал неподвижно.

Рядом тихо шмыргала носом Манюшка — тоже проснулась. В отличие от Велика ей не терпелось начать наступающий день.

— Вон добрые люди поднимаются завтрак варить с божьей помощью.

Велик усмехнулся: словечки, выражения, даже интонации девчонка переняла от покойной матери.

— Не лотони, — сказал он. — День велик, успеешь еще сто раз проголодаться после завтрака.

А кругом уже слышался гомон. На небольшом взгорке меж каменных двухэтажных домов под матерыми деревьями копошились беженцы: умывались, убирали постели.

— Стыдно так долго лежать, — опять пошла в атаку Манюшка. — Хороший хозяин не валяется так долго. Кто рано встает, тому бог дает.

Велик опять не отозвался... Вот ненасытная утроба! Только поддайся — за один день все за-

пасы смолотит. Тем более что там и запасов-то этих — глянуть не на что.

Рядом послышались вскрипы, затем жалобный голос Манюшки:

— Ох, мати наша царица небесная!.. Вель, я есть хочу.

— А, каб тебя раки съели! — воскликнул Велик и улыбнулся неожиданно подвернувшемуся на язык Варькиному ругательству.

Он встал, отряхнул приставшую к одежде солому.

— Пойду дровец пощу. А ты тут... Лежево в кучу и к столу — кто знает, сколько еще куковать придется под этим дубом. Почисти картошку.

— Сколько? — живо спросила Манюшка.

— Пять картошин. Сварим похлебку.

В поселке уже вовсю кипела жизнь нового дня. Над домами столбились думы, по улицам сновали люди, в большинстве военные — солдаты, партизаны.

Было много целиком или частично разбитых зданий, а местами ровный порядок улицы, по которой шел Велик, прерывался хорошо затравленным пустырем. Лишь по ржавым проплевшинам и закопченным осколкам кирпичика, рассыпанным по всей площади, можно было догадаться, что здесь когда-то стоял дом.

На одном из таких пустырей Велик увидел толпу мужиков с холщовыми сумками за плечами. Они теснились вокруг невысокого старшего лейтенанта, в котором, подойдя ближе, он узнал партизанского комиссара Андрея Ивановича. Велик обрадовался знакомому человеку и бросился было к нему, но тут же погасил свой порыв, вспомнив, как комиссар не узнал его в Комарах. Мужики между тем полукругом расселись на траве, и Андрей Иванович начал выступать перед ними. Из его слов Велик понял, что люди эти мобилизованы в Советскую Армию. Пристроившись за спинами, он послушал про дела на фронте, после чего отправился дальше.

Новости согрели душу. Немца лупили в хвост и гриву и гнали в три шен. Отец со своими усатыми товарищами-гвардейцами воевал, наверно, уже где-то в Литве, пробивался к германской границе. Теперь все, размышлял Велик,

---

Владимир Матвеевич Зуев родился в 1932 году в деревне Пластовое Навлинского района Брянской области. В 1951—1954 годах служил в Советской Армии. Затем учился на факультете журналистики Уральского государственного университета.

В 1972 году в журнале «Уральский следопыт» была опубликована его повесть «Течет Навля». Ей суждено было стать первой книгой трилогии. Вторая — «Здесь твой окоп» — опубликована в 1981 году в журнале «Юность». Ныне мы предлагаем нашим читателям заключительную повесть трилогии — «Мир наступил не сразу».

Владимир Зуев живет в Калининграде. Работает главным редактором телевидения. Он член Союза писателей.

назад фашисту ход заказан. У него, говорил Андрей Иванович, силенка еще есть, и немалая, он еще может и огрызаться, и кусаться, но вернуться — уже кишка тонка. Велик верил комиссару не только потому, что не имел причин не верить, но — и это главное — потому, что иначе не могло, ну вот никак не могло быть. Это будет против всяких законов, если фашист вернется — все равно как если бы лето повернуло вспять и наступила зима. Случись такое, весь мир сразу умер бы. Да и незачем стало бы жить.

Вдруг Велик вздрогнул и шатнулся назад: из-за угла наперерез ему вышел немец. Да, да, фашистский солдат, в полной форме. Уже в следующий миг бросился в глаза забинтованная рука на перевязи, грязная нательная рубаха под наполовину расстегнутым мундиром, полусорванный погон. Ясно — отвоевался. Но встреча была неожиданной, да еще в тот момент, когда он мысленно забивал осиновый кол в их могилу, и потому испуг ударил сильно и больно, оглушил и заморозил. Велик долго не мог стронуться с места — туло пиялился вслед удаляющемуся немцу.

— Что, дивно стало бачить германца?

Велик с досадой тряхнул головой (на всю жизнь настращали, гады!) и повернулся на голос. Рядом стоял горбоносый мальчик с овсяными перепутанными волосами. Он был на целую голову выше Велика и потому держался несколько покровительственно, хотя и дружелюбно.

— А и правда дивно, — продолжал он. — За три года в печенки нам вьелись, ушли — як дурной сон кончился. Теперь побачишь наяву — и здивуешься, нибы перед тобой черт с рогами.

— Откуда он взялся? — качнул Велик головой вслед немцу.

— Пленный. Их тут одиннадцать... Все пораненные. Свои бросили, драпаючи. А у нас в Травно власть только-только налаживается, до них еще руки не дошли. Ну и бродят целыми днями по улицам, пожрать шукאותь.

— Их что ж, не кормят?

— Говорю ж: пока не до них. От наших солдат, с кухни, штось перепадает, але не всегда. — Он скривился, будто кислого хватанул, и pokrutil головой. — И знаешь — из-за жратвы готовы друг другу глотки перегрызть. Я вчера бачив, як двое бились. Один принес пять бульбин откудато, другой стал отнимать. У этого рука раненая, у того — нога, но он хоть и хромает, и с палочкой ходит, але на земле твердо стоит. Двумя-то руками быстро обломал. Палкой по балбочей руке — гах! — этот и капитулировал. Долго потом скиглил, як щенок... А еще хотели мир завоевать! — Малец сплюнул.

Велику в душу заползала непрошенная жалость. Это было ему неприятно, и он поспешил забыть ее разговором.

— Да где им, таким! Чуть хвосты прищемили — начинают кусать друг друга.

Малец дружески хлопнул Велика по плечу.

— Вот и дали им прикурить братья-славяне... Я Василь. А ты из беженцев, да?

— Угу. Вот дровец надо где-нибудь, — «спереть» чуть не сорвалось с языка, — достать. Похлебку сварить.

— Пошли, я тебе колотых дам.

Не трогаясь с места, Велик смотрел на него удивленно и недоверчиво.

— За что такая милость?

— Двоюродную душу в тебе бачу, — Василь пихнул его кулаком в грудь. — Фашистов добре лаешь — раз. И сивизна в волосях — два. Пошли.

— А тебя не заругают?

Василь окинул его с ног до головы насмешливым взглядом.

— Мне, хлопчик, семнадцатый. Я три года сам, без батьки и матки, хозяйную. — И похвастался, что у него в хозяйстве даже лошадь есть — поймал в лесу еще в сорок первом и вот удержал всеми правдами и неправдами. — На завтра назначили везти в Богусевск беженцев. Ты где позицию-то занял — под деревьями коло больницы или у райисполкома на пустыре?

— Под деревьями.

— Добра. Значит, завтра уранку будь на месте.

От него словно накатывались волны доброты, дружелюбия и приязни. Велик чувствовал, что душа его распахивается перед этим странно открытым мальцом, и они оба становятся беззащитными друг перед другом, как родные братья. Когда, набрав оберемок сухих березовых поленьев, Велик собрался уходить, Василь сунул ему в карман краюху хлеба, и он не счел это подачкой и не почувствовал унижительной благодарности нищего.

«Интересно, — думал Велик, возвращаясь к своему дубу, — он святой или дурачок? Такой добрый и нараспашку. Как он мог выжить в оккупации?..»

Издали завидев Велика, Манюшка выбежала ему навстречу.

— А у меня все готово, — оживленно похвасталась она. — Картохи помыты, почищены и порезаны, дело за огнем... Ой, Велька, а где это ты с божьей помощью таких хороших дров украл?

Он горделиво ухмыльнулся: мол, знай наших.

У соседей уже вовсю полыхали костры и булькало варево. Скоро и Велик, отворачивая лицо от жара, снимал накипь, помешивал в чугушке. Когда уварилась картошка, он сыпанул в похлебку горсточку муки для большей сытости и кинул немного консервов для мясного вкуса и благородного запаха. У Манюшки, пристрастно следившей за его действиями, хищно раздвинулись ноздри.

Ела она нетерпеливо, обжигаясь и громко прихлебывая. Ложка сновала от чашки ко рту и снова к чашке со скоростью затвора в стреляющем пулемете.

— А, каб тебя раки съели! — не выдержал

Велик.— Ты что, боишься, что тебя обгоню? Ну, так давай отдельно, только ешь, как все люди, не показывай жадность.

Он снял с догоревшего костра чугунок и, поставив рядом с чашкой, принялся хлебать из него размеренно, напоказ, дую в ложку и неторопливо разжевывая хлеб. Однако на Манюшку этот примернисколько не подействовал — она не могла себя пересилить. Велик подлил ей в чашку варева и продолжал воспитывать девочку.

— Вот видишь, я разделил поровну. На твою долю никто рот не разевает. И ты на чужую не надейся.

Манюшка подняла на него свои черные про­долговатые глаза и грустно сказала:

— Ты, Вель, не злись. Я не виновата. У меня в животе, наверно, ужака завелась.

Велик удивленно уставился на нее.

— Что ты мелешь? Какая ужака?

— Да, вот ты не веришь,— продолжая быстро хлебать и не поднимая глаз от чашки, отозвалась Манюшка.— А это бывает. Мне Мишка наш, покойник, говорил: «Что ты, Манюшка, спишь с открытым ртом? Вот ужака заползет в тебя, тогда будешь знать». И рассказал, как один мужик заснул в лесу, а рот был открытый. Ужака взяла и заползла в него. А потом что? Они прожорливые, ужаки. Им все дай и дай. Вот она его там кусает и кусает, а он то и знай молотит... Ну, у него было что есть, это до войны еще случилось... Долго она его мучила, пока ему не посоветовали: «Ты наешься соленой селедки, а воды потом не пей, как бы ни хотелось. Ляжь и притворись, как будто ты заснул. А рядом поставь чашку с во-

дой». Он так и сделал. Ее там после селедки-то как припекло! Спасу нет! Вот она высунула голову из его рта, глядь — чашка с водой. Выползла — э к ней. А мужик, не будь дурак, скок на ноги — и в окно. Ужаса за ним, только где ж ей!

— Брехня! — отмахнулся Велик.

— Не, Вель, не брехня. Мишка-то не выдумал — от мужиков слыхал.

— Мужики тоже могут набрехать сорок бочек арестантов.

На это она не ответила. Глядя поверх Велика скорбно-задумчивыми глазами, она сказала со вздохом:

— Вот война кончится, вырасту, заработаю денег и накуплю селедки. И за один присест целый пуд съем! Сразу выскочит. А пока терпеть надо, что поделаешь. Господь терпел и нам велел... Глянь-ка, глянь! — вдруг вскрикнула Манюшка и показала ложкой на дорогу.

Там медленно двигалась группа немцев. У одних были забинтованы головы, у других руки висели на перевязи, третьи шкандыбали, опираясь на палки и костыли. Каждый держал в руке какую-нибудь посудину — котелок, миску, консервную банку.

Немцы втянулись под деревья и разбрелись между беженцами. Один приблизился к Велику с Манюшкой. Заросшее серой щетиной лицо, запавшие глаза и щеки. В одной руке он держал толстую неоструганную ольховую палку, на которую опирался при ходьбе, в другой — помятую алюминиевую миску. В дне ее торчал деревянный клинышек, затыкавший дырку. К миске были приделаны крест-накрест две дужки из жесткой проволоки.

Глядя умоляюще, немец протянул посудину и сказал слабым жалобным голосом:

— Киндер, гебен зи мир, битте... зуппе... не-большой зуппе... иссен.

Не поднимая глаз, боясь встретиться с немцем взглядом, Велик положил в миску две ложки гущи, плеснул из чугунка мучной жижки.

Вдруг вскочила на ноги Манюшка.

— Их кормить, да? Их кормить? — закричала она пронзительным, налитым слезами голосом.

Почувствовав, что она сейчас бросится на немца, Велик подскочил к ней и схватил в охапку. Немец вздрогнул от ее голоса, испуганно втянул голову в плечи, попытался, а затем повернулся и, глубоко припадая на большую ногу, затрусил прочь.

Мимо, по дороге, проходили солдат и партизан.

— В чем дело? — спросил партизан Велика и придержал немца.

— Ничего, это она так! — крикнул Велик, зажимая рот Манюшке.

Партизан повернул немца спиной к себе и дал ему пинка.

— Шляются тут, оглоеды, последнее вымаивают!

Раненый, сильно наклонившись вперед — вот вот запашет носом землю, — быстро-быстро заковылял по дороге, изо всех сил стараясь удержаться на ногах и не расплескать суп.

— За что ты его? — строго спросил солдат. — Не положено так с пленными.

Манюшка все вырывалась от Велика, а когда он отпустил ее, упала ничком на траву, закрыла лицо руками и зарыдала.

С чистого неба без передыху палило злое солнце. Встречные или обгоняющие машины обдавали обоз тучами пыли. Слышался людской кашель и фырканье лошадей. Пыль покрывала дорогу толстым бархатным слоем, босые ноги скользили в ней и обжигались.

Подвода Василя, нагруженная с верхом узлами, сумками и детьми, катилась второй. Широкозадый, грудастый военный увалень-битюг среди местных лошадок-замухрышек выглядел зажавшимся дякуюшкой среди бедных племянников. Василь отдал вожжи старику беженцу, а сам шел по обочине, болтая с Великом. Сзади шлепала Манюшка. Время от времени она подбегала к подводе и лезла на нее. Тогда старик кричал:

— Ку-уды?

— А мне хозяин дозволил, — задиристо отбивалась девочка и показывала на Василя. — Это его лошадь, он кому захочет, тому и дозволит.

— Он, ладно, дозволит, да ты сама-то ай не видишь, что лошади тяжело?

— Мати царица небесная, да что ей сделается, такой гладкой?

Василь посмеивался, а Велик недовольно хмурился. Ехали только большие и самая что ни на есть мелкая мелкота. Уже шести-семилетки топали пешком, лишь время от времени подсаживаясь на подводы, а Манюшкины ровесники даже и не просились. Одна она вела себя так нагло: хотела — ехала, хотела — шла. Велик, наконец, не выдержал:

— Ну-ка, слезай! — крикнул он, встретившись с нею взглядом.

В ее узких, широко расставленных глазах проблеснул какой-то непонятный всплеск — то ли испуг, то ли негодование, то ли горечь. Однако она беспрекословно прыгнула на пыльную дорогу.

— Ты ж видишь: вон такие, как ты, ножками, пожками работают.

— Ну и что? — хмуро огрызнулась Манюшка. — Если другие начнут помирать, мне тоже с ними?

Василь засмеялся и покрутил головой:

— Языкатая у тебя сестрица.

— Я, знаешь, даже бояться ее стал, — пожаловался Велик и рассказал о вчерашнем случае с немцем. — Такая она страшная была в тот момент...

Лицо у Василия сделалось печальным.

— Видать, богато накипело. Через край... Конечно, вымещать на раненых — не дело. Але она еще малая, подрастет — поймет.

— Да? Значит, забудет все, что они ей сделали? Может, и жалеть их станет?

Затаив дыхание, Велик ждал ответа. Он-то пожалел тогда этого немца, и все они, «травенские», больные и голодные, были ему жалки. Ему было стыдно перед самим собою за эту жалость, он чувствовал себя так, будто предает и погибшего Мишку, и сгинувших без вести мать с сестренкой, и начисто осиротевшую Манюшку.

— Ну, жалеть ей не доведется: подрастет — их у нас уже не будет, ни раненых, ни здоровых. А вообще — чаму не пожалеть живую людину, кали ей плохо? Ты так говоришь, вроде это зазорно.

— Человека пожалеть не зазорно. А этим мстить надо! Они нешто люди?

— Да, сволочи! Але ж и сволочь, бывает, людиной становится, кали страдает.

Велику приятно было, что Василь не осуждает его за жалость к немцам, но, честно говоря, сам Василь в его глазах сильно осел — его рассуждения шли вразрез с тем, что приходилось слышать вокруг и с чем Велик был согласен: народ досыта нахлебался фашистских порядков пополам с кровью и имел право проклинать немцев. И мстить. Да, да, и мстить, а как же?.. И потому рассуждения Василия показались ему не только странными, но и подозрительными. Может, самому ему не за что мстить, а вот жалеть есть за что?

Он начал прикидывать, как бы похитрее выведать у Василия, из каких он сам-то. Но ничего толкового на ум не приходило, а то, что лежало сверху, не годилось — не спросишь же вот так с бухты-барахты: «Слушай, кто из твоих родни был в полицах?» А тут еще Манюшка снова попыталась взобраться на подводу и отвлекла — пришлось на нее цыкнуть.

— Да не злишь ты на нее, — тряхнул его за плечо Василь. — При нормальной жизни хибя заставили б таких малых тащиться пешком по жаре и пыли целых пятьдесят километров? Да что поделаешь — коней мало, а уехать поскорее всем не терпится.

Велик промолчал. У него самого уже ломило поясницу, колело в боку и белели ноги, так что девочку можно было понять и дать ей послабление.

— Вот ты кажешь — месть, — вернулся Василь к старому разговору. — То такое поганое дело, як отрава, душу может раззеть... У меня было. Летось поселился у нас в Травно пришлый человек. Аккурат по соседству с нашим пустовал дом — семья советского командира, яка там жила, кудысь утекла в сорок первом. Вот он и занял. Было у него двое детей — девочка и маль-

чик. Она Манюшкиного возраста, он постарше на год... Ну вот. Новый наш сосед служил в полиции. И с самого начала положил глаз на моего коня. Отобрать ни с того ни с сего вроде неудобно, так он что? Вынюхал, что у нас в сорок первом раненый боец скрывался, ну, матку и арестовал. Кудысь ее отправили — не то в Лепель, не то в Оршу, и по сей день ни слуху ни духу, — Василь помолчал, справляясь с волнением. — Ну а коня забрал. Худо нам с сестренкой пришлось без матери и без коня. Подряжался я на разные работы, тем и кормились. Але это ладно, лишь бы не трогали. А полицией наш, як только на глаза попадешься, сощурится: «Вы еще живы, большевистское отродье?» И дети его проходу не дают. Наташку колотят почем зря, да и мне доставалось. Лезть-то на меня пацан побаивался, але каменюками угощал не раз, особенно кали батька его поблизости. Во дворе у нас хозяйничали, як у себя дома. Дровец запасу на зиму, приходят, берут открыто. Летом гонял меня сено заготавливать для коня. В общем, держал меня за батрака, только без всякой платы... И вдруг все повернулось. Один раз ночью на Травно напали партизаны. Гарнизон разгромили и остались в поселке. Целый месяц стояли. Сосед убит был в том ночном бою. Пришел на нашу улицу праздник. В первый же день я попрямовал к полицейским деткам. Сидят, прижавшись друг к другу, и глядят, як волченята. «Теперь ваша очередь помирать», — сказал я им, забрал коня и перевел в свой хлев. Жизнь пошла веселей — с конем-то я неплохо зарабатывал... А соседи мои совсем в нищету впали. Городские, ничего не умеют и просить стыдятся — вчера еще гоголями красовались у всех на виду. Да и бояться — батька-то многим насолил. Опаршивели, отощали. Особенно дзязча: до ветру выйдет — за стенки цепляется... Ну вот, и что было, кали б я мерью тешился? Да померли б ребятишки. Померли б рядом со мной от голода, а у меня еды с излишком. А я б потом всю жизнь совестью мучился. Забрал я их к себе, что ж поделаешь...

Велик пожал плечами — он не знал, что сказать. Но Василь все равно снова вырос в его глазах.

Дорога втянулась в лес. Стало легче идти в прохладе и легче дышать духовитым воздухом.

Разговоры в обозе смолкли. Солдаты и партизаны в Травно говорили, что по лесам бродят остатки разбитых гитлеровских частей. Голод — не тетка: наводя ужас почище привидений, по ночам являются в деревни, нападают на одиночные машины. Велик представил, как они выходят сейчас на дорогу — ненавистные знакомцы с черными автоматами на груди, — и у него холодом подудло в животе.

По обеим сторонам дороги виднелись окопы, воронки, расчищенные площадки, валялись снарядные ящики, хвостатые мины, гильзы разных

калибров, противогазы, пустые консервные банки, окровавленные бинты, газеты на немецком языке, обрывки бумаг. Местами лес был сильно покалечен — расщепленные и вывернутые с корнем стволы, срезанные кроны и сучья, закинутое на ветки казенное рванье форменного цвета... Видно, крепко им тут влупили!

В Богушевск притащились поздно вечером. Разгрузившись у какого-то сарая, замертво попадали на узлы.

Прощаясь, Василь сказал:

— Ну, ты гляди там. Кали уж совсем худо станет, давай назад. Потеснимся.— Опустив глаза, смущаясь, добавил нерешительно, с запинками: — Я, знаешь, вроде привык к вам, за этот день... вроде даже породнился. Смешно, верно?

Велик, пряча грустные глаза, кивнул: верно, смешно.

Сарай, возле которого ночевали, стоял шагах в пятидесяти от железнодорожных путей. Всю ночь грохотали, гудя, поезда, но шум их донельзя уставшим людям не мешал, наоборот, был как колыбельная музыка.

Встали с рассветом, хотя после вчерашней дороги спать бы и спать, тем более — куда было спешить? Но в группе как будто сама собой проявилась уже организованность, выдвинулся вожак. Понаблюдав и поразмыслив, Велик понял, почему и как в вожаки попал именно этот человек. Андрей Борисович (а называли его почему-то Борисевич) выделялся среди других стариков тем, что был гололиц, подтянут, немногословен и строг. Иначе говоря, имел военный облик и командирские замашки, знал, чего хочет народ. Он говорил: сделаем так-то — и, не ожидая возражений или одобрения, не оглядываясь на других, сам первый выполнял свою команду. Такой человек нужен был толпе, состоящей из женщин, ребятишек и трех стариков, уступающих Борисевичу и в крепости, и в выправке, и в решительности.

Борисевич встал чуть свет, разбудил свою семью, приказал готовить завтрак. Кто-то еще с вечера попросил его: «Ты нас не бросай» — и их разбудил Борисевич. Кого-то разбудили они, а кто-то сам проснулся и, испугавшись, как бы не отстать от других, влился в общую суетню. И никто не спросил Борисевича: а почему встаем в такую рань? Кто нас гонит? Старик поступил так, как хотели все. Ими владело одно чувство — скорее, скорее к своей земле, налаживать прерванную жизнь, скорее от фронта, где еще воюет вооруженный немец, и от этих мест, где довелось хлебнуть столько горя.

После завтрака беженцы перетащили вещи к путям и стали ждать. Шли составы на Витебск — к фронту. Почти все без остановки. Только один — с зачехленной военной техникой — постоял минут

пять на дальнем пути и снова ринулся вперед! Наконец пришел порожняк на Оршу. Начали грузиться на платформу.

Велик посадил Манюшку. Кое-как она вскарабкалась. С бараклом оказалось труднее. Он поднял сумку на голову и даже приподнял на руках, но Манюшка все равно не могла дотянуться до нее. После нескольких попыток она вцепилась наконец в хохол, но удержать не смогла, сумка рухнула на Велика и сбила его с ног. Обессиленный, он сидел на земле, переводя дух. А все уже погрузились, паровоз окутывался паром и уже дал гудок, и Манюшка, плача, кричала с платформы:

— Велька, ссади меня, все поедем, потом поедем!

Нужно было быстро решать — ссадить Манюшку или попытаться на себе втащить сумки (сперва одну, потом другую). По составу уже пробежала дрожь. А у Велика произошел какой-то затор в мыслях: надежды на то, что успеет втащить обе сумки, не было, бросить одну из них — об этом не могло быть и речи, но и отстать от людей страх как не хотелось.

В этот отчаянный момент рядом с Манюшкой появился Борисевич.

— Подавай! — скомандовал он.

Быстро приняв сумки и уже на ходу втащив на платформу Велика, он спросил:

— Далеко ль добираться-то?

— До станции Навля, а потом в деревню.

— Значит, до Рославля вместе. Держись меня.

Давай свой сидора сюда вот, поближе к нашим.

Поместив ребят среди своих домашних и усевшись тут же, у борта, Борисевич вдруг начал отчитывать Велика:

— Тебя что, гордость заела или унижение паче гордости? Не сдюжил — людей зови на подмогу. Хотя б вот меня — чего не кликнул?

Велик растерянно пожал плечами.

— Да... у каждого ж своего дела полно.

— Во-во! Потому и не глядим по сторонам. А если кто покличет — ай не подыдем голову? Не подадим руку? — Он помолчал, ожидая ответа, но его не последовало, и Борисевич продолжал раздраженно: — Да есть, есть и такие, что чужой нужды не замечают, чужого горя не понимают. Вот на чужой пирог — это они тут как тут! И много их, много. Из-за таких вот все беды в народе. Я разумею не личные беды или там семейные, а общественные, народные... Однако, я тебе скажу, и таким надо кричать: помогите! И кричать почаще, постоянно колупать ихнюю совесть, чтоб она ныла. А то у них и такая отговорка есть: меня не просят — я и не лезу.

Тщедушная старушка с лицом сморщенным и покрытым сетью лиловых ниточек, наверно, жена Борисевича, слушала его внимательно, но, как показалось Велику, с глубоко спрятым неодобрением. Несогласие таилось и в глазах молодой

беловолосой женщины, по-видимому, их дочери или снохи.

Наверно, сам Борисевич слишком часто протягивал руку помощи и, бывало, в ущерб семье. Велик знавал таких людей. Казалось бы, все должны уважать и любить их, но как ни странно, обычно им живется нелегко именно из-за их доброты и готовности в любой момент прийти на помощь посторонним. Их насмешливо кличут — к каждой бочке затычка. И у Борисевича насмешников, видно, немало, если даже родные слушают его с таким выражением.

— Ну, что молчишь? — неожиданно спросил Борисевич. — Я ведь заговариваться еще, слава богу, не начал — с тобой беседую.

— Я не люблю просить, — ответил Велик. — Если могу, справляюсь сам, а не могу... так не могу.

Некоторое время Борисевич сердито сопел, разглядывая мальчика твердыми темно-серыми, как железо, глазами.

— Во-во! — наконец сказал он. — Нынче я не прошу — боюсь, откажут, а как научусь обходиться без других, так и ко мне не лезь — откажу. Так оно и идет круговертью.

Окрест, насколько хватал глаз, виднелись землянки, блиндажи, доты, траншеи. И все это было разворочено, разбито, расщеплено и переломано. Вдвигались к небу покореженные железные балки, посеченные металлом бревна. Темными провалами зияли пробитые накаты сооружений.

Поезд все прибавлял и прибавлял ходу, будто хотел поскорее вырваться из этого убитого войной пространства, но оно не выпускало его — шло время, а слева и справа убегали назад, проплывали, медленно перемещались вдали разбитые землянки, разрушенные блиндажи, развороченные доты, полузасыпанные траншеи. Нигде не было видно живого пятнышка, ни кустика, ни лоскутка травы, только развалины, воронки, обломки, вывороченная из глубы глина.

Холодное отчаяние медленно заползало в душу. Казалось, не будет конца этому убитому царству. Отчаяние видел Велик и на лицах людей. Они не смотрели друг на друга и не разговаривали, окаменев в горе. Вдруг, протяжно всхлипнув, заголосила жена Борисевича.

— Да куды ж мы едем? Ды что ж это нас дожидает? Ды мертвая ж кругом земляца наша!

— Цыть! — сердито прикрикнул Борисевич и громко, чтобы слышали все наострившие в их сторону уши, сказал: — Вот ты не видала, а я видал: на порушенном блиндаже березка уцелела. Вся пораненная, без верхушки, одним корнем только и держится за землю, а зеленеет. И еще я видал: у одной землянки дымок курится и девушка куда-то шла. Далеко было, не разглядел, что несла в руке — плетушку или ведро. Живут, значит. И будут жить, раз уцелели. А мы — убитые, что ли?

В Рославле пришлось пересаживаться на другой поезд. А Борисевич уехал без пересадки. На прощанье он сказал Велику:

— Запомни мой адрес. Я понимаю: до меня далеко и я тебе человек бесполезный. Да мало ли что — жизнь нас дожидается, сам понимаешь, какая.

Рославль был набит беженцами, как мешок сухим горохом. Они усеяли берега речушки, протекавшей здесь, дымили кострами, толклись на улицах разрушенного города, бродили по железнодорожным путям.

Здесь у вагонов уже толпились оборванные беженцы разных возрастов, завязывали с солдатами разговоры, выясняли, нет ли среди них земляков. То и дело слышалось: «А брасовских нет?.. Может, карачевские? Клинецовские?..»

У одного вагона бушевала веселая пляска. Скуластый сержант с замысловато уложенным русым чубом наяривал на гармонке, сидя в дверях теплушки, а в кругу вертелись, бегали, ходили вприсядку четверо солдат. Это была бесконечная «барыня» — одни, устав, покидали круг, на смену выходили другие.

Вдруг в круг появилась девушка. Холщовые юбка и кофта на ней были заношены и застираны до дыр, мастерски заштопанных, на ногах неизвестно как держались туфли не туфли, босоножки не босоножки — резиновые подметки на веревочках. Но она была юная, веселая, смотрела независимо и дерзко и потому ветхость ее одежды и обуви в глаза не бросалась. Девушка трихнула короткими смолянными волосами, подбоченилась, изогнулась, топнула, повела плечами, и все увидели, что это цыганка. Гармонист сделал замысловатый перебор и заиграл «цыганочку», но она крикнула:

— Давай «барыню!» — и пошла выбивать своими подметками по утрамбованной земле и ладонями по себе так дробно и складно, так зажигательно, что вокруг задвигали в такт плечами, защелкали пальцами, застучали голыми пятками о землю. А девушка, подстегнутая этой всеобщей поддержкой, еще ловчее заработала телом и ногами, дробнее замолотила ладонями, закружилась вихрем. В круг выскочило сразу трое солдат и пошла выделывать кренделя.

Никто не слышал, как свистнул вдали паровоз. Раздалась команда: «По вагонам!» Солдаты хлынули в открытую дверь теплушки. Гармонь смолкла. Один из тех трех, что плясали с девушкой, взял ее за руку и потянул за собой, приговаривая:

— Минутку, минутку.

Но она вырвалась и убежала. Чудачка! Не видала, что ли, сверток, котрый протягивали из вагона этому солдату, ясно же, для нее?

Эшелон ушел, и Велик вернулся на берег к Манюшке.

— Ну что, скоро поедем? — встретила она его

вопросом.— А то все едем и едем, харчи едим и едим, а домой приедем — и зубы на поллицу.

— Не скоро еще. Иди, если хочешь, побегай.

Девочка ушла, а он, завалившись на траву возле своих отопавших сумок, развернул газету, что удалось добыть у воинского эшелона. Велик уж и забыл, когда в последний раз держал в руках книгу или газету. Поэтому читалось внимательно, прямо-таки с наслаждением. Начал он с самой верхней строчки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и постепенно, по буковке, по слогу, по слову впитывал текст, не пропуская ни одной заметки. И ему казалось, что с каждой новой фразой он все выше поднимается на какую-то гору и все шире виды открываются окрест. Где-то невообразимо далеко — на Урале — люди добывали руду, варили сталь и делали танки, еще дальше, в Сибири, убрали хлеба, и школьники собирали колоски в фонд победы. Наша армия громила фашистов уже поблизости от их границ. В Литве нашли место, где было расстреляно двадцать восемь тысяч мирных жителей. И, оказывается, американцы открыли, наконец, второй фронт в Европе. О нем Велик не раз слышал от власовцев — чаще всего с насмешкой: мол, большевики дождутся его, когда на горе рак свистнет. И вот — все-таки свистнул рак...

У Велика даже голова закружилась. Как будто из какой-то подземной норы на свет вылез. Мир живет, в нем творятся вон какие огромные дела. В сравнении с той большой жизнью его беженское житьишко кажется прозябанием, заботы и хлопоты — муравьиной суетней. И постоянно подавляемое нетерпение — скорее, скорее домой! — вспыхнуло с новой неудержимой силой.

На дороге, что вела к станции, Велик заметил Манюшку.

«Чего это она бежит?» — удивился он.

Странно было и то, что она прижимала руки к груди, как будто кого-то о чем-то умоляла. Когда девочка приблизилась, Велик увидел, что одна рука у нее за пазухой, а другая поверх платья поддерживает ее.

Манюшка с ходу рухнула на колени рядом с Великом и, протянув к нему руку, что-то вытаскивала из-за пазухи, нетерпеливо попросила:

— Швыдче раздели, а то моя ужака до смерти меня закусает!

У нее на ладони лежала скибка хлеба, а на ней розовый кружок колбасы. С одной стороны он был чуть-чуть надкусан — видно, борьба с ужаккой была нелегкой. От колбасы тянуло тонким ароматным умопомрачительно вкусным запахом, и у Велика засосало в животе и потекли слюны. Но глянув на страдающее Манюшкино лицо, он подумал, что двоим там только на зубок, только раздражить аппетит, а девочонка заслуживает награды — выдержала такое испытание, чтоб только поделиться с ним, это ж падо, при ее-то ненасытной ужакке. Все ж колбасный запах был

неотразим, и Велик откусил кусочек от розового кружка. Остальное протянул Манюшке.

— На, только не спеша глотать, а то и не узнаешь, что это за штука такая — колбаса.

Наконец дождались порожняка на Брянск. Грузились в вагон без крыши — в таких перевозят уголь. Пришлось бы помучиться: борта высокие, лезть по железным скобам неудобно, тяжело, с ношей за плечами — вдвойне. Помогла цыганка, та, что плясала у воинского эшелона. У нее барахла не было, только небольшой узелок.

В вагоне она устроилась рядом с ними.

— Я гляжу, вы одни, голуби, — сказала она певуче с чуть улавливаемым акцентом. — И я одна. Будем вместе, ладно?

Велик пожал плечами с притворным равнодушием.

— Места не купленные — где сидешь, там и твое.

На самом же деле ему было лестно, что вот такой интересный человек — взрослая красивая плясунья-цыганка попросилась к ним. Да и удобно — выяснилось, что она тоже едет до Навли, значит, и выгрузиться поможет, да и в дороге мало ли что может случиться — со взрослым надежнее.

К вечеру, уже в пути, пошел дождь. Толстые косые струи серебристо сверкали в лучах заходящего солнца.

— Как красиво, — сказала Милица — так звали цыганку.

Она спрятала свои густые черные волосы под жакетку, сняв ее с себя и накинув на голову. В темной глубине ее глаз как будто бушевала гроза — там время от времени вспыхивали молнии.

Велик тревожно отвел взгляд — эта бушующая глубина невольно засасывала.

— Красиво-то оно красиво, — озабоченно намурившись, откликнулся он, — только как бы нам без харчей не остаться. — И прикрыл собой сумку, где были хлеб и мука.

— Маня, подвигайся ко мне под жакетку, — позвала Милица.

Манюшка отчужденно отодвинулась.

— Не глиняная — не размоюсь.

Милица глянула на нее удивленно, но ничего не сказала.

Когда дождь кончился, сели ужинать. У Милицы в узелке нашлись четыре вареные картошкины, и она выложила их на общий стол. Взамен Велик дал ей кусочек свиной тушенки. Хлебужко у каждого был свой.

— Что ж ты у солдат не взяла? — спросил Велик. — Стеснительность напала? А там здоровый сверток был!

— Харчей я всегда добуду. Я ведь цыганка. Погадаю на ручке — дадут чего-нибудь. А солда-

взмок, голова мотаается, как пришитая нитками. Наконец он начал отставать. К нему подбежал конвоир. Василий порывался объяснить ему, что так, мол, и так, на костыле трудно угнаться за всеми, но солдат только засмеялся и вскинул автомат. Тогда Василий закричал: «Ах ты, подлый человек!» — и ударил немца костылем. Тот начал стрелять из автомата и долго расстреливал Василия, уже лежащего...

— Во мне все спеклось. Я поняла, что не выдержу, если еще кого-нибудь начнут убивать, брошусь на конвоира. Я бы и бросилась, но рядом со мной шли мать, брат и сестра. Удерживало, что они вот будут видеть, как меня убивают, и вдруг тоже бросятся под пули.

Вечером цыган пригнали в какую-то деревню, закрыли в коровнике. Коров там давно не было, а вот навоз остался. Он, правда, высох, стал трухлявым, но все равно воздух был спертый, вонючий.

Ночью Милица сказала матери, чтобы она помогла ей закопаться в навоз: она решила рискнуть.

«Что ты? — испугалась мать. — Ведь считали, когда загоняли в сарай».

«Пусть ищут. Найдут — их счастье, убьют. Все равно ведь смерть. Не завтра, так послезавтра. А может, и не найдут».

Мать заплакала, но отговаривать не стала: что она могла пообещать взамен? Вырыли глубокую яму у дальней стены, и мать засыпала Милицу навозом. Для дыхания оставили щелку.

— Всю ночь я пролежала без сна, стиснутая со всех сторон — ни повернуться, ни даже пошевелиться. Время от времени все же накатывала дрема, и тут же начинал сниться один и тот же сон: будто меня, живую, заколотили в гроб и закапывают. Вот сейчас кинут последнюю лопату и уйдут, и я останусь одна — в могиле, навсегда. Я вся напрягалась, чтобы крикнуть, и просыпалась. Так снова и снова.

Рано утром всех выгнали, наверно, пересчитали, потому что двое немцев вернулись в коровник, долго ходили, тыкали ножами в навоз и стреляли. Потом все стихло. Я еще долго лежала, полумертвая, боялась громко вздохнуть и пошевелиться: а вдруг они оставили кого-нибудь из своих?

Милица надолго замолчала. В разных местах в вагоне слышались разговоры, храп. Громко стучали колеса. Вверху мерцали неподвижные звезды, и оттого, что они были неподвижны, казалось, что и вагон стоит на месте и непонятно почему громыкает.

Манюшка уже спала, а может, просто затаилась, приткнувшись к Великому боку. Ему было неудобно от тяжести ее тела, и он осторожно отстранил ее и стал укладывать головой на сумку. Девочка вдруг проснулась, захныкала и стала цепляться за него.

— Ну, чего ты, чего? — пагнувшись к ее лицу, зашептал Велик.

Пришло на память, как он перед ужином на какой-то остановке бегал за кипятком. Воды он набрал, но к составу поспел, когда тот уже тронулся. Лезть на ходу на свою верхотуру было опасно, и Велик вскочил на тормозную площадку. Когда он на следующей остановке вернулся к своим, Милица встретила его просветленным: «Ох, ну слава богу!», Манюшка же отвернулась, чтобы скрыть слезы на глазах. Он заметил их мимолетным взглядом и не стал вдумываться, отчего они, да и вообще не собирался, но сейчас, вспомнив, вдруг понял ее боль и слезы.

— Тут я, тут, — прошептал он ей в ухо смущенно-сердито и погладил по волосам — благо, никто не мог видеть.

Под сырой одеждой становилось знобко. Велик ежился и начал уж постукивать зубами. Зябкая дрожь его прорвалась и в голосе, когда он спросил Милицу, что же было дальше.

— Да ты ж замерз! — воскликнула девушка, обняла его и прижала к себе.

У него кровь бросилась в лицо и защекотало в горле. Он хотел отстраниться и... не хотел. От нее потекло живое тепло. Чтобы отвлечь его от неловкости, она заговорила ему в ухо, быстро, без пауз:

— Эх, голубь, эти три года в моей жизни перетянут все остальные. Меня прятали по деревням. В чужих погребках и на чердаках я досыта нахлебалась одиночества и сиротства. Как-то полицаи дознались, что я хоронюсь в деревне, оценили ее и пошли по хатам с обыском. Хозяйка заскочила ко мне на чердак, трусится вся: «Прости, милая, только, сама понимаешь, — у меня трое маленьких, жалко их».

Ну что ей оставалось? Слезла и пошла огородом к коноплянику. Надежды никакой уже не было, поэтому шла открыто, да и схорониться-то негде было — начало лета, картошка еще только взошла. И вышла Милица на полицаю, он в коноплянике лежал в засаде. Наверно, из-за того, что она так свободно шла и одета была во все мужское, он и не встревожился. Ну, идет пацан, пугну, мол, и ладно. Показывает: садись сюда, передо мной. И тут ее как будто кто толкнул под бок: дескать, есть надежда, последняя, только не медли и не думай, что дальше. Милица подошла, села, где он показал, и сразу пальцы на его шее раз — и замкнула, винтовку — она лежала рядом — ногой подальше, а сама — всем телом на него. Хорошо — несильный мужик попался... Потом пробралась подальше от тех мест...

— А винтовку, — перебил Велик, — винтовку-то ты взяла?

— Ты что? Куда она мне?

— Как это куда?.. Ну, хоть бы затвор вытаскила. А то ж опять полицаям служить будет.

— Дурачок ты, голубь. Девчонка, шестнадцать лет, цыганка к тому же, на нее охотятся,

там я не за плату танцевала... Эх, голубь, — вздохнула она. — Как побываешь на самом краю жизни да заглянешь туда, за этот край, дорожить ею начинаешь в сто раз больше. Они мне жизнь вернули — неужто для них станцевать жалко?

— Ты... у немцев побывала?

— Где я только, голубь, не побывала... Нас — весь табор — захватили недалеко от Карачева. — Стало уже совсем темно, лица ее не было видно, и только по паузам, которые она делала иногда, пытаюсь справиться с волнением, и по вздрагивающему голосу можно было представить, что оно выражалось.

— Больных и старых постреляли сразу, — рассказывала Милица, — а остальных погнало... Взять с собой ничего не дали, идти было легко. Трудно досталось, у кого грудные и совсем ма-

ленькие дети были. Все помогали им нести, но основное все-таки выпало им. Нас торопили, подгоняли прикладами, и скоро мы еле тащили ноги. У Нонки мальчик двухлетний запросился до ветру, она кое-как объяснила конвоиру, и он разрешил, а когда Данилко присел, подошел и стукнул его по головке прикладом. Мальчик так и ткнулся носом в землю. Нонка закричала и кинулась к нему, а немец подоснул по ней из автомата. Она упала рядом с сыном и задергалась. Так и остались лежать на картофельном поле голова к голове.

Потом, когда уже солнце покатилося вниз, застрелили Василия. У него еще в детстве высохла нога, и ее отрезали, он ходил на костыле. Целый день он скакал среди своих, не отставая, но видно было все же, как ему трудно: весь скособочился,

как на лисицу,— до винтовок ли? Я ни про что больше не думала, как бы только поскорее подалее от того места.

— Да все равно...

Вдруг вспомнился Велику полузабытый уже эпизод из его жизни (хотя и прошло-то с того времени что-то с год или чуть больше). Велик стрелял по немцам из пулемета, а когда кончились патроны, задал такого стрекача, что только пятки засверкали, и даже мимолетно не мелькнуло в голове насчет затвора. Потом, правда, он казнился, но это потом, а в те минуты лишь одним было заряжено все его существо — скорее прочь от смерти. Он подумал, что а вот сейчас ни за что не оставил бы боевое оружие фашистам, в целости, но тут же по-честному признал, что только в деле можно проверить, оставил бы или

не оставил, а пока это одни слова: там, перед лицом смерти, думаешь и чувствуешь совсем по-другому. Ну и действуешь по-другому, конечно.

— В Навле приютила меня одна женщина, — продолжала Милица. — Муж в армии, двое маленьких детей. Сперва хоронилась на чердаке, потом стала жить под видом ее двоюродной сестры.

Они с нею так сдружились, что действительно стали как сестры. Настя была постарше на четыре года, рано вышла замуж и еще не успела забыть девичество. Жили они под постоянным страхом, впроголодь, ели несоленую похлебку, хотелось забыть все это, и вот Настя вечерами как начнет, бывало, рассказывать про свою незамужнюю жизнь: как на гулянках никто не мог ее переплясать, как из-за нее ребята дрались, и

все с подробностями да с примерами... Настя многому научила Милицу: всяким крестьянским премудростям — когда что сажать, поливать, полоть, как семена проверять и проращивать, всем домашним работам, а также плясать-танцевать по-русски.

Под мерный стук колес и тихое журчание Милициною речи усталость одолела Великов интерес к рассказу, и он не заметил, как заснул.

На второй день, когда он попросил Милицу досказать свою историю, она засмеялась.

— А я досказала. Спать, голубь, меньше надо — больше узнаешь... Сейчас из концлагеря я. К Насте. Если жива она...

Велик и Манюшка, взволнованно озираясь, медленно брели дорогами своего края. Когда подходили к Кречетову, родному Манюшкиному селу, она вдруг скинула с плеч ношу, вприпрыжку обогнала Велика и побежала вперед. С двумя сумками — одна за плечами, другая в руках — он тихонько побрел за нею. Какое-то незнакомое чувство владело им. Оно зародилось, когда они выгрузились в Навле, а потом, в пути, все усиливалось. Сперва от одного сознания, что каждый шаг приближает к родной деревне. Потом пошли знакомые места, где приходилось бывать, а в Кречетове начиналась уже совсем обжитая зона: здесь до войны жила матерна родня, и Велик часто ходил к ней — и с родителями, и один.

Впереди показалась Манюшка. Она шла, опустив голову. Когда приблизилась, Велик увидел, что лицо ее заревано. Взяв у него свою сумку и пристроив ее за плечами, девочка сказала тускло:

— А нашей улицы нет. Сожгли. — И помолчал: — У других хоть печки торчат, а где наша хата была, одни битые кирпичи валяются. Черные.

В голосе ее звучало тоскливое отчаяние. Велик легонько дотронулся до ее плеча и ускорил шаги. Говорить он не мог.

Они прошли по уцелевшим улицам Кречетова — та, мертвая, чернела в стороне, утыканная, как памятниками, печными трубами — и вышли на знакомую, много раз искоженную Великом дорогу на Журавкино. Она взбиралась в гору, достигала верхней точки у Красивого Подгорья и снова спускалась в низину, по которой протекала Журавка.

Отсюда, с этой верхней точки, открывался вид на родную деревню. Она лежала на дне низины. В мареве жаркого солнечного дня старые хаты казались посеребренными и словно плыли в сказочной туманной дымке. Будто деревня и правда была флотом, как придумал когда-то Велик, читая «Цусиму» Новикова-Прибоя.

Он смотрел на это видение и не мог сдвинуться с места. Все перемешалось в душе: радость — потому что он вернулся, и вот она, родимая, уце-

лела; горе и боль — потому что некому встречать его; жалость — рядом стояла одинокая и бесприютная, закаменевшая в отчаянии Манюшка; тревога за их общее будущее.

Станным образом объединились все разнообразные чувства в одно. Не смыслом, не словами, а всем своим щемящим ладом.

Дальше Велик шел, внимательно присматриваясь к кочкам, выбоинам и кустикам, и ему казалось, что он помнит их по отдельности. Вместе с тем, он все время поглядывал на приближавшуюся деревню, и стеснялось волнением сердце.

По шаткой, на живую нитку сметанной кладке (а был здесь раньше мост) перешли через Журавку и свернули на лужки, что граничили уже с приусадебными огородами.

Здесь, на лужках, женщины сгребали сено. Как и до войны, одеты они были по-праздничному, только победнее. И было их поменьше, и не шумели над покосом веселые песни, смех и гомон.

Велик поравнялся с крайней женщиной и остановился, и безмолвно стоял, пока она его не заметила и не подошла к нему. Это была Кулюшка Гусеева, мать погибшего Степки, Великова дружка.

— Велик! Ты! — всплеснула она руками. — А где же твой? А мой Степка?

Велику вдруг вспомнилось, что здесь обычно работала вторая бригада, а Кулюшка из первой, и это его удивило. И так как он не знал, что ответить, то, с великим трудом проглотив горький комок, мешавший говорить и дышать, спросил:

— Это какая бригада?

И заплакал.

Уроки воспитания

Велика, спавшего на конике, разбудило солнце. Оно стояло уже довольно высоко, и луч его, проникавший через окно и бивший спящему в лицо, был ярок и горяч.

— Эй, Манюшка, пора вставать! — открыв глаза, крикнул Велик.

На печи послышалось шевеление, показалась Манюшкина голова. Пожмурив на свет свои продолговатые узкие глаза, девочка сказала:

— А я давно не сплю. Это ты — бегаешь до полночи, а потом хранишь до обеда.

— Ладно, мала еще учить. Вот дорастешь до моего — и ты будешь бегать... Подымайся готовить завтрак. Сама нынче будешь, без моей помощи.

Манюшка скатилась с печи.

— Только ты подсказывай, если я что забуду, ладно? — Она прошлепала босыми ногами к загнетке, вытащила из-под лавки ветхую плетуху, села чистить молодую картошку.

— Где взяла? — строго спросил Велик.

— Тетка Кулюшка дозволила подкопать на

своем огороде,— не моргнув глазом, сбрехнула Манюшка.

Он знал, что сбрехнула — не раз слышал от ребят, что она самовольно подкапывает на чужих огородах, попросту говоря, ворует. Но каждое утро, задав свой строгий вопрос и выслушав в ответ брехню, принимал ее за правду. Его это мучило, но никакого выхода не виделось — есть было нечего.

Манюшка начистила картошки, помыла ее, затем перебрала щавель, сложила дрова колодцем в печи и разожгла огонь. Все это она делала старательно, бойко и весело, напоказ: мол, уроки усвоены на «пять». Велик, не вставая с коника, только передвинувшись от солнца, давал указания и учил. Обоим это нравилось.

— Ты еще научи меня пришивать заплатки, — сказала Манюшка воркующим голосом. У нее, он заметил, голос имел множество переливов и оттенков, и она любила играть им. — А то вон у тебя через портки ноги светятся, а у меня платье все худое.

В сенях звякнул железный чепок, придерживающий дверь, и в хате появилась Кулюшка. Велик обратил внимание: девочка сразу торопливо вытерла руки и, сунув голову в устье печи, принялась раздувать огонь.

За последний год мать его друга сильно постарела. Продолговатое лицо ее сморщилось, ссохлось и еще больше вытянулось, волосы поседели. А ведь по годам она была чуть постарше его матери, мать же он помнил молодой. Однако сказать, что Кулюшка стала старухой — не скажешь. Только лицом и волосами постарела, а так, высохшая, жилистая, она была по-молодому подвижной и сильной. Все та же злодейка-жизнь не давала ей сложить руки и уйти в нети: хоть и поменьше стало едоков на шее (дед умер за это время), а все ж достаточно — четверо. Да сама пятая. Нужно было крутиться.

— Ох, Веля,— сказала Кулюшка, садясь на лавку,— навоевалась я, натерпелась под самую завязку.

Она вытерла пальцем губы и скорбно уставилась на торчащие из печи Манюшкины ноги. Девочка, будто почувствовав этот взгляд, вылезла и, сделав на перепачканном сажей покрасневшем лице захлопотанное выражение, схватила ведро и выскочила из хаты. Что-то было тут не так: с самого начала установилось, что за водой ходить — обязанность Велика, и Манюшка ни разу еще не нарушила этот порядок, да и не рвалась. А сейчас, вишь, завертела хвостом и ускользнула.

— Мы ведь, когда деревня поехала спасаться в лес, разделились,— продолжала Кулюшка, проводив девочку неодобрительным взглядом,— я с детьми поехала, а отец с матерью остались. Никак не захотели ехать...

Кулюшка примолкла, горестно подперев щеку ладонью. Велику любопытно было узнать, что

сталось дальше, но он молчал, зная, пришла она не просто так — сидела, сидела и надумала: пойду-ка расскажу Велику, как мы в лесу спасались.

— Выехали в лес, а на второй день началась облава,— продолжала Кулюшка.— И вот что чудно: почти всех вычесали, и молодых, и одиноких, а я, баба с тремя малолетками, спаслась. Я, знаешь, Веля, когда все побегли в лес, подальше, подумала: нешто я убегу с ними далеко? Добрались до Навли и укрылись под ее крутым бережком. Она нас и спасла, родимая... Нас-то спасла...

Сейчас опять начнет про Стенку, с тоской подумал Велик. В первый же день его появления в деревне она пришла и устроила ему форменный допрос. Она приходила снова и снова и все выспрашивала, как, где, когда, почему они расстались, ввинчивалась взглядом, как будто хотела собственными глазами увидеть истинную правду.

— Я-то ведь что думала: раз вы вместе ушли, стало быть, и до конца были вместе.— Это она говорила ему уже не первый раз.

— Я уже рассказывал,— не глядя на нее, с тихим отчаянием перебил Велик.

— Да я нешто што... я просто... Когда Толика нашли на берегу... Самого-то уж не узнать было, только по рубашке и узнали — в синюю полосочку рубашка. Толик тоже с вами был, стало быть, и вас, подумала я себе, порешили проклятые... Уже и надеяться перестала. А потом вот тебя увидела и опять... Может, его тоже вот так спасли добрые люди. А?

— Да понятно, а что ж... — промямлил Велик.

— А ты не припомнишь, Веля, что он тебе тогда сказал? Ну, вот когда вы расходились? Может, он сказал, куда пойдет?

— Нет, ничего такого. Я сказал: вылезать пора из воды, а он: мол, ты мне не командир. Тогда я обозвал его, а он меня. Да я рассказывал.

— Веля, а может...

— Ну что ты, тетя, травмишь душу? — не выдержал наконец Велик.— Ты лучше доскажи, как сами спаслись.

Кулюшка покорно покивала головой.

— Я со своими детишками так и осталась под обрывом у Навли. Только место сменили. Нашла я такое местечко, недалеко от переезда. Там берега, поваленная к речке, а под ее корневищем — как шалаш. Через денек выползла я и сбегала в Зарянов городок, на стоянку, откуда мы разбежались от облавы. Кое-каких харчей натаскала оттуда в свое логово. Там ведь все брошенное осталось. Немцы покопались, что поценнее из барахла забрали. А остальное так и сгнило потом под дождями.

Просидели мы там целый месяц, коли не больше. И целый месяц тряслись, как в лихоманке — от холода, от сырости, от страха. Наверху то машины гудят, то гомон разносится, то только

лес шумит. И вот как-то на рассвете слышим — скрипят телеги, ржут лошади и плывет такой мат, что даже и лес перестал шуметь и река взбулькивать. У меня сердце так и подпрыгнуло, и я перекрестилась: «Ну, детки, слава господу, наши пришли, безбожники чертовы».

А сама плачу от радости.

Собрали мы по-швыдкому свои манатки — и домой. Заходим в деревню, а навстречу нам два красноармейца солдата германского ведут. А кругом с десятков старух — палками норовят того германца достать, а красноармейцы его обороняют: мол, товарищи женщины, нельзя пленных бить, это не наша постановка вопроса. А бабки им кричат: «Он, прод немой, деревню хотел сжечь, это что ж, наша постановка?»

Видишь, Веля, как крепко повезло нашему Журавкину. Не одному, правда, Журавкину — кругом тоже деревни целые, — тут они его гнали без передышку, не успевал пятки смазывать. Всем нам повезло. И тебе тоже: вернулся — своя крыша над головой... Ну вот, пришли мы домой, встречает мать: «А отец-то наш всего денька не дожид до освобождения — вчера богу душу отдал».

Так началась наша новая жизнь — с похорон... Немножко накопили картох с огорода, а из колхоза ничего не дали, — Кулюшка вдруг спросила: — А где ж это Манька?

— За водой пошла, да что-то вот долго ходит. Заигралась, наверно, с подружками.

— Ох, Веля, грех жаловаться на малое дите, да что поделаешь. Ить она, сынок, разбойничает.

— Как это?

— А вот как. Выманивает у своих подружек хлебушко ли, картохи, а коли выманить не удастся — отбирает. Моим девочкам чаще всех приходится терпеть от нее, потому как с ними она крепче дружит. Я, Веля, понимаю, я сама иной раз ей скибочку хлеба отрежу или пару картошин дам, да ведь не могу же ее на полное иждивение взять.

У Велика даже слезы выступили от стыда, как будто это его самого уличили. Разбирало зло на Манюшку и в то же время было жалко ее и хотелось защитить.

— Дали бы сдачи, — хмуро сказал он. — Праскутка-то твоя и по годам старше, и по силе ей ровня. К тому ж их двое.

Кулюшка с досадой махнула рукой.

— И-и, какая там сдача! Ты сам знаешь, Веля, дело не в годах и не в силе. Она, Манька-то твоя, бойкая, нахрапистая, задира — одним словом, оторва, а мои девки смиренные и к тому ж в рот ей заглядывают. И боятся ее, и вроде как почитают... Ты, Веля, приструнь ее малость, ладно? А то что ж это? Нищий у нищего...

Манюшка появилась сразу, едва за теткой закрылась дверь. Это наводило на мысль, что она

тут где-то неподалеку караулила. Поставив полушустое ведро на лавку, полезла ухватом в печь.

— О, тут уже всю кипит, а он и ухом не ведет.

Она, видно, хорошо уже усвоила, что лучший способ обороны — это нападение.

А Велик мучился: надо ее воспитывать, а как? Это ж целая наука — и держаться требуется по-особому, и беседу вести. Он никогда еще никого не воспитывал.

— Ты... это... — промямлил он, уже когда они сели завтракать.

— Нажаловалась тетка, я так и знала, — перехватила разговор Манюшка. Она возвела глаза к потолку. — Мати царица небесная! За что?.. И все это неправда, если хочешь знать.

— Что неправда?

— Все, что наговорила.

— Да откуда ты знаешь, что она говорила?

— Знаю: она меня стращала тобой.

— Значит, было за что?

— И совсем нет. Мне Катька отломила от скибочки, а она увидела и говорит: «Зачем отнимаешь?» А я говорю: «Я не отнимаю, она сама мне дала». А Катька, ябеда, сразу захныкала и сказала, что я у нее действительно отломила.

У нее не сходились концы с концами, и она изворачивалась, снова попадала впросак и снова начинала выкручиваться, как могла. Велик злился все сильнее и наконец взорвался.

— Ты мне бросай это! И воровать картохи на чужих огородах! Поняла?

Манюшка заплакала.

— Да, а что я могу поделать, если меня ужасно мучает? — Голосок у нее стал тоненький, жалобный. — У нас же ничего нет, мы ж помрем с голоду.

Возразить тут было нечего, и Велик, опустив голову, некоторое время молчал с убитым видом. Но оставить все как есть он не собирался: не хватало еще, чтобы Манюшка стала наказанием и посмешищем всей деревни.

— Ну, вот что, — сказал он тихо, — надо тебя в детдом. Сыта будешь, одета, обута. А тут и правда помереть недолго.

Манюшка даже плакать перестала. Она смотрела на него с ужасом и трясла головой.

— Не надо. Велик, миленький, — прошептала она, — я не хочу... У меня, может, отец придет с войны... Я все-все... как ты скажешь... Только не отдавай. Я там сразу помру.

Велик молча доел свою картошку.

— Ладно, — сказал хмуро. — Собирайся, пойдем в рощу за грибами. Попутно нарви шавелю. А я на Навлю — ловить рыбу. Каждый день будем ходить, засушим грибов, насолим рыбы.

Манюшка повеселела.

— Зимой только водичку попивать будем, ага?

— Ага. Но ты помни: детдом под боком, в Соколове.

Год прошел с той поры, как Велик расстался с Навлей. Все это время она жила в нем. В заветном уголке души таилась уверенность: что бы ни случилось, а где-то течет Навля. Это не могло заслонить от фашистских пуль, от голода и горя, но — помогало жить.

И вот она течет наяву, перед глазами, ласковая, чистая река его детства, его жизни. Над нешироким бойким ее течением по-прежнему гудят шмели и выютя стрекозы, и густой пвняк низко склоняется к бегущей воде и полощет в ней свои ветви.

Велик перебрался на лесную сторону и пошел по заросшей дороге вдоль берега. Вот и поваленная в реку береза, что когда-то укрывала их с Толиком Демоном, а потом спасла Степкиных мать и сестер. А вон там на его глазах погиб сам Степка, не дотянув до берега всего каких-то два-три шага. Давно сплыла Степкина кровь, и его тело, наверно, течение протащило по Навле, Десне, Днепру и выбросило в Черное море. Береза окончательно оторвалась от берега, сползла вниз, ее верхушка уже мокла в воде. Дерево умирало, но еще жило: мощное корневище подавало в ствол какую-то толику соков, и среди голых умерших сучьев еще зеленели кое-где живые ветки и лопотала на ветру листва.

Устроившись на березе, Велик забросил удочку. Сразу начали браться плотвички. Постепенно печальное чувство, навеянное встречей с вечной Навлей и умирающей березой, рассеялось.

«Ничего, Навля не даст пропасть, — думал Велик, сосредоточенно глядя на бегучие воды, в которых колыхался его поплавок. — Вон коровы — едят одну траву и не умирают. Так что летом можно продержаться на щавеле, чесноке, котиках, свиных, борще. А на зиму рыбы заготовим, грибов...»

Правда, насчет рыбы его светлые думы несколько потускнели, когда после долгого сидения (полдня, считай, провел у реки) он подсчитал свои трофеи — пяток плотвичек и два пескаря. И то хлеб, конечно, но на обильные рыбные запасы надеяться не приходилось. Он смотал удочку и пошел берегом назад, к поезду.

Занятый хозяйственными мыслями, Велик смотрел по сторонам, прикидывая, чем можно поживиться в лесу.

В одном месте лес отступал от дороги. Местность некруто шла на подъем, и по всему этому пространству к реке спускались молодые, сильные и стройные дубы. Их возглавлял приземистый матерый ветеран с огромной кроной. Он почти достиг уже дороги — не дошел всего несколько шагов. Трава под ним была густо усеяна желудями.

— Здорово, дядя! — подойдя к дубу, сказал Велик, похлопав по шершавому стволу и присло-

нился к нему плечом. — Я гляжу, у тебя урожай зря пропадает. А у нас с Манюшкой жевать нечего. Поделись.

Он снял с себя рубаху, завязал ивовым лыком рукава, ворот и привялся набивать эту самодельную сумку желудями. А что, желудь — неплохая пища. Жареный очень даже вкусный. И сытный: горсточку съешь — и уже пить хочется. Если высушить, а потом смолоть или потолочь, получится мука. Никто в деревне, правда, не печет хлеб из желудевой муки, ну так что? Просто никто не додумался. А он вот додумался... Желудей в лесу полно... Ясно, надо и другое заготавливать. Например, орехи. Дички — груши и яблоки. Насушить, и зимой знай попивай взвары. Правда, кисло, зато полезно...

От встречи с Навлей, от удачного многообещающего открытия у Велика было хорошее настроение, и все предстоящие житейские трудности казались преодолимыми.

В таком настроении он пришел домой. Хата была изнутри заперта на щеколду.

«Наверно, еще не вернулась из рощи, — подумал Велик про Манюшку и усмехнулся. — Никак грибы не дотащит».

Он прошел к задней двери, тоже запертой изнутри, и специально припрятанной рогулькой через щелку отодвинул щеколду и вошел в хату. Немешкая, затащил свою пошу на печь, высыпал желуди на теплые кирпичи. Облегченно вздохнул и занялся рыбой. «По парочке сварим нынче, попразднуем, остальных засушу про запас».

Но не успел он очистить первую рыбку, как прибежала Кулюшкина дочь Праскутка. Рыженькая, круглолицая, она напоминала своего покойного брата Степку. Прижав руки к груди, девочка затараторила испуганно-возбужденно:

— Вель, там твою Маньку привязали. Она полезла в Антонихин огород, а Антониха подкралась и — цап! Теперь сидит привязанная, как теленок.

Этого только не хватало! Не дав себе времени на раздумья (начнешь раздумывать — потеряешь решимость), Велик с ножом в руке выскочил из хаты и помчался на тот конец. Праскутка не успевала за ним и умоляюще кричала:

— Вель, не беги так, я тоже хочу поглядеть, как ты ее будешь отвязывать!

Манюшка сидела под грушей со связанными за спиной руками. Конец веревки был обмотан вокруг нижнего сука. К удивлению Велика, она была спокойна, как будто пришла сюда понежиться в холодке. Но когда девочка зыркнула на него исподлобья, он заметил притаившуюся в глубине ее глаз бесприсветную усталость, какая бывает у человека на пределе сил. Вдали на лужке за огородом виднелась кучка ребятишек. Время от времени они принимались выкрикивать разные советы потерпевшей, ругать Антониху, которая неподалеку от Манюшки полдела грядки. Заметив

Велика, она с тяпкой в руке побежала ему навстречу. Он загородил девочку, поднял нож и хрипло, срывающимся голосом сказал:

— Вот подойди только.

Антониха будто наткнулась на острие — резко остановилась в трех шагах и, опершись на тяпку, закричала:

— Фулюганы! Залезли в чужой огород да еще страшат! Воры! Оглоеды! Чтоб вам подавиться чужобиной!

— Мы ничего не украли, — сказал Велик, чувствуя, что вот-вот заплачет. — А за ее вину, — он качнул головой в сторону Манюшки, — ты ее уже вдосталь помучила. Еще чуть — и повиснет на твоей веревке. — Он вспомнил, что Антониха при немцах ходила в баптистский кружок. — Святые называются — за картоху готовы замучить дитенка до смерти.

Антониха высморкалась, вытерла нос подолом юбки и ответила миролюбиво, даже вроде сконфуженно:

— И-и, милый, куды нам в святые! Распалась наша община... А дитенку твоему, если еще раз уловлю, ноги попереломаю, так и знай. Ить она, заразенок, похозяйничала тут, как у себя, — и груш насбивала, и картох нарыла, и луку надергала, и огурцов нарвала. А у меня своя орава каждый день есть просит. — Она повернулась было, чтоб вернуться к работе, но потом вспомнила еще одно и через плечо добавила: — Веревку-то развяжи аккуратно, не вздумай ножом.

Освободив девочку, Велик взял ее за руку и молча повел с огорода к лужкам. То, что он не одустил ее сразу и что шел молча, и лицо у него было угрюмое и злое, нагнало на Манюшку страху: видно, расправа будет жестокой. Может, вот

так за руку приведет прямо в сельсовет и скажет: «Все, терпение мое лопнуло, забирайте в детдом». И когда Велик, выйдя на лужок, закатил ей такую увесистую оплеуху, что у нее зазвенело в голове и она запахла носом, а сам, ни слова не говоря, зашагал прочь, Манюшка встрепенулась и как ни в чем не бывало побежала к подругам, которые встретили ее сочувственно-восторженными криками.

Все-таки Велик был доволен собой: действовал решительно, без раздумий, и победил. Конечно, ни при каком повороте дела ножом бы он Антонику не пырнул, но она-то этого не знала.

Ладно, а вот как отучить Манюшку лазить по чужим огородам? Правда, была тут одна закавыка. Набеги на чужие сады и огороды в компании с ребятами совершал и он сам, и на это как на воровство не смотрели. А вот ее за то же самое считали воровкой. Почему? Ребята отправлялись в набег, чтобы проверить свою смелость, ловкость, смекалку. И это плохо, конечно. А Манюшка? У нее был хозяйственный корыстный интерес. Значит, все яснее ясного: ребята хулиганили, а она воровала.

Однако, разглядев это тонкое различие, Велик не мог понять справедливость, на какой оно держалось: красть яблоки — геройство, а красть картошку — воровство. Такая справедливость казалась ему странной.

Поэтому дома он не стал допекать Манюшку воспитательными беседами, а просто слегка поколотил. И девочка, с замиранием сердца ожидавшая мучительной словесной казни и грозного заключения «в детдом!», была довольна, что отделалась несколькими затрецинами. Вскрикнув разок:

— А Велик, а миленький, не буду больше, вот те крест святой! — и повсхлипывая для вида, она хозяйственно захолопотала у печки. При этом восторгалась Великовым уловом и тем, что нынче у них будет такой богатый ужин, и все это вроде бы сама с собой, но так, чтобы он слышал.

— Хватит тебе, подхалимка, — сказал Велик. Ее наивная лесть была ему неприятна и вместе с тем тронула его.

После ужина, дождаввшись, когда стемнело, Велик отправился на улицу.

Летними вечерами деревня жила полнокровной молодой жизнью. Насколько безлюдна и тиха была она днем, когда все расходилось на работы и раздобытки, настолько оживленной и шумной становилась спустя час-два после захода солнца, когда тонула во тьме.

Вначале темнота была непроглядной и глухой, потом на небо выплыла луна, в хатах зажглись огни, и на улице посветлело, стало уютнее и просторней. По середине пыльной улицы мимо Велика степенно прошествовала стая девок.

Дайте лодочку-моторочку
Мотор, мотор, мотор —
Переехать на ту сторону,
Где милый ухажер, —

голосисто выпевали они.

Потом встретила компания ребят-допризывников. Слышался звон балалайки, наигрывавшей «страданье», время от времени то один, то другой выкрикивал молодым баском:

Девки, пойте, девки, пойте,
Девки, веселитесь!
Три копейки вам цена,
Ни к черту не годитесь!

За этой компанией шли ребята поменьше. Великовы сверстники, дальше — еще поменьше, а за ними — совсем уж мелкота. Этих строгие матери одного за другим загоняли по домам.

Велик влился в свою кучку. Сразу с ним рядом оказался Иван Жареный. Сунул в руку пару морковок.

— Грызи. Сладкая. Скажешь — нет?

Хрумкая морковку, Велик мельком подумал, что она наверняка добыта на чужой грядке.

«Ну и какое тебе дело? — одернул он себя. — Угощают — скажи спасибо».

С Иваном они учились в одном классе, случалось в одной компании ходили к Навле, при немцах вместе ишачили на старосту. Но у Велика были свои друзья-приятели, у Ивана — свои. После возвращения Велика они незаметно сблизились, стали держаться друг друга, ненароком обнаруживая взаимную симпатию.

Иван был повыше Велика ростом, тонкий, сутуловатый. Сейчас, в темноте, продолговатое лицо его вырисовывалось общим пятном, но Велико казалось, что он отчетливо видит розовые рубцы, толстыми жгутами лежавшие на его щеках, лбу и подбородке, тонкими рисками — на верхней губе и под глазами. Этой несъемной уздечкой обрамляла его война.

В деревне стояли немцы. На одной из их автомашин загорелся мотор. По проклятой случайности Иван оказался рядом. Солдаты сунули ему в руки пустой мешок и заставили лезть в огонь — тушить. Сами они держались в отдалении — боялись взрыва, а мальчика из огня не выпускали, припугивая автоматом. Судьба помиловала Ивана — взрыва не произошло, и ему удалось сбить пламя. Но он сильно обгорел и без сознания был доставлен сельчанами в родную хату. Как его лечили, Велик не знал, но все ж вылечили. Вечной памятью о том событии остались искалеченное лицо, заикание и приклеенная позднее беспощадными сверстниками кличка Жареный.

— Опять на Песке играца заведут, — возбужденно произнес Иван. — А нас в круг не примут.

— А мы свои откроем, — поразмыслив, ответил Велик. — Девки наших покличем...

— Во, правильно! А то гляди, как большие веселятся, да губы облизывают. Скажешь — нет?

У крайней хаты на завалинке и на бревнах сидели девки. Красиво, с подголосками, пели:

Над озером чаечка вьется,
Ей негде, бедняжечке, сесть...

Подошли допризывники, перемешались с девками, послышался смех, визг. Песня брызгами рассыпалась в воздухе.

Скоро образовался большой круг. Девки и ребята стояли в нем попарно, в затылок друг другу. Водящий бегал за спинами, догоняя кого-нибудь из игроков. Если догонял, салил, то есть дотрагивался до него рукой. Тогда тот становился водящим. Убегающий в любой момент мог спастись от преследования, вбежав вовнутрь круга и став впереди какой-нибудь пары. Тогда убежать от водящего должен был задний в паре. Вокруг игрища роилась, визжала, смеялась, плакала мелко-та. Шум стоял до самого неба.

Великовы сверстники и сверстницы вели себя посOLIDнее — они просто наблюдали за игрой старших. Подбадривая криками тех, за кого болели, завидуя им в душе.

Велик подошел к Тане Чурковой.

— Иди зови подруг — свою игру наладим.

Таня легонько ткнула его пальцем в плечо и засмеялась.

— Ладно хоть один нашелся толковый, а то бы так и околачивались по чужим задворкам.

Скоро он стоял в кругу в паре с нею. Полуобернувшись к нему, Таня через плечо приглушенно сказала:

— Если придется убежать, беги круг и обратно становись ко мне.

У него часто-часто заколотилось сердце.

— А что? — встревоженно и словно бы испугавшись, прошептал он.

— А то, — голос ее был строгим и вместе обиженным.

По Велику вдруг побежали мурашки, стало радостно и больно и почему-то стыдно до слез. Он слегка отступил от нее и стоял, боясь лишний раз шмурыгнуть носом и даже громко дышать.

Занятый своими переживаниями, Велик проворонил момент, когда впереди Тани стал, спасаясь, Шурка Исаев и когда, значит, надо было, не мешкая, бросаться в бега. Пришлось водить. Он долго безуспешно гонялся то за одним, то за другим, совсем пристал и уж пал духом. И в это время спасающейся оказалась Таня. Она подпустила его близко-близко, потом дала понять, к какой паре пристанет, и Велику удалось засалить Ивана. Обежав круг, он стал впереди Тани.

— Ну, тебе ж и досталось, — сказала она и дотронулась пальцами до его шеи. — Весь в мыле, как Гитлер.

Велик фыркнул, и она залилась своим глухаватым смехом. Гитлером кликали колхозного мерина, старого, грузного, неповоротливого, брошенного немцами при отступлении с тяжелой раной в боку. Его выходили, но, видно, что-то у него

было задето внутри, потому что Гитлер задыхался от ходьбы и постоянно потел, даже когда щипал траву или, понутив голову, дожидался возницу у какой-нибудь хаты.

— Сравнила! Если б Гитлеру столько побегать, давно копыта откинул.

— Знамо дело.

Они перебрасывались незначущими словами. Таня то и дело дотрагивалась до него. И Велику было это приятно и интересно вести вроде по-рожный, а на самом деле наполненный загадочной силой и скрытым смыслом, а потому волнующий разговор.

Неизведанное ранее острое щемящее чувство владело им, волновало, тревожило. Он был переполнен им, ему хотелось остаться одному, и, когда начались танцы, Велик встал, собираясь идти домой.

Но в это время рядом с гармонистом появился новый человек. Что-то знакомое было в его фигуре, и моментально вспыхнувшее любопытство заставило Велика сесть. Да, были знакомы и посадка головы, и разворот плеч, и какие-то неуловимые движения, жесты. Неужто Зарян? Велик давно мечтал о встрече с ним. Еще в Белоруссии, часто представляя возвращение в свое Журавкино, он каждый раз начинал с первой встречи — с Заряном. Наконец вернулся — один из самых первых вопросов был о старшем друге. Ему рассказали: Зарян жив-здоров, был в команде минеров в Навле, разминировал поля, здания в разных концах района, месяца три назад вернулся домой, заведует избой-читальней и секретарит в комсомольской организации. Время от времени минеров вызывают в Навлю и посылают на разминирование, и вот сейчас он где-то работает по такому вызову... Может, вернулся?

Кончился «краковяк». Когда все расселись по местам, так заинтересовавшийся Велика пришелец громко сказал:

— Нынче в Навле мы похоронили нашего товарища Федю Ефимцева. Он подорвался при разминировании школы в Лесках. Мы сочинили песню в его память.

Гармонист, с которым он, видимо, сговорился заранее, начал играть мотив «Раскинулось море широко».

Сегодня, товарищи, в песне своей

Споем про покойного друга.

Зовут его Федя, а Варю свою

Частенько зывал он подругой.

Голос показался Велику незнакомым. У Заряна он был неустоявшийся, ломкий, а у этого — густой, вполне мужицкий. Сидевшие рядом сдвинулись плотнее, подхватили повтор. Остальные подошли ближе и обступили их. Велик протолкался вперед, остановился напротив этого знакомого незнакомца, близко от него, и еще больше убедился, что это, наверно, все-таки Зарян, но окончательно не узнал. А тот вел песню дальше:

Он плакать как будто совсем не умел,
А жалиться некому было.
Своих и чужих стариков и детей
Немало о нем говорило.

Перед повтором певец призывно взмахивал руками, и Велик увидел, что они у него обе целые. А ведь у Заряна нет левой кисти. Перед глазами встал тот хмурый летний день, злая серая Навля, береза с выступом, пожилой немец с топориком (хэх!) — рубанул он по Заряновой руке) и скрюченные, набухавшие мертвой синевой пальцы, что шевелились, как живые, на притоптанной траве... Не могла же вырасти новая ладонь!

Это еще больше разожгло любопытство: если не Зарян, то кто же такой знакомый?

И вот он угас, как звезда на заре,

Салют получив напоследок.

И весть пронеслась по салютной волне:

Погиб уважаемый Федя.

Отплакала песня. Гармонист задумчиво перебирал лады. Все молча стали расходиться по своим местам. Велик тоже вернулся на свое бревно. И сразу к нему подошел тот, неугаданный.

— Ну, здорово, геноссе! — Зарян! Зарян! Все-таки Зарян! — А я думаю: что за пацан все приглядывается ко мне? А потом узнал. Плохо тебя, видать, кормили, там — и на волосок не подрос.

— А совсем не кормили, — радостно осматривая Заряна, отозвался Велик. — Некому было кормить и нечем... Ну, а ты как спасся?

— Да как?.. Отлежался в чащобе, пока облава. А потом в кустах прятался на нашей стороне Навли. Места топкие, непроезжие. Там многие спаслись... А мать угнали. До самого Рославля протопала. Вернулась все же.

— А мой вот... Что с ними могло быть, Коль?

Зарян помолчал в нерешительности.

— Все, что угодно, — наконец ответил как бы через силу. — Мать рассказывала: немцы пошли в атаку, а их, беженцев, перед собой погнали. Спаслась чудом...

Зарян все-таки здорово изменился: раздался в плечах, оmaterел. Совсем другой стал человек. И все же как будто прежний. Как если бы вырос в своего старшего брата.

Разговаривая с Заряном, Велик нет-нет и взглядывал на его левую руку. Она, целенькая, спокойно лежала на коленях. Наконец он не выдержал:

— Коль, а... я гляжу, рука у тебя...

— Что? Отросла? Да нет, геноссе. Чудес не бывает. Это прозек. Резина. — Он поднял руку и покрутил перед Великовым лицом. — Все вроде покрасивше, чем култышка... Ничего, привык. И в команде не хуже других работаю. Вот даже знаком «Отличный минер» наградили. А сперва и зачислять не хотели. Еле упробил. Вообще-то если бы не Иван Михайлович... Он был командиром у партизан, а сейчас у нас секретарем райкома... Помог своему связному... Ну, брат, расхва-

стался я. — Он помолчал, потом неожиданно спросил: — Тебе сколько лет?

— В декабре будет четырнадцать.

— Значит, в декабре примем в комсомол. Ты ведь, я думаю, другим путем не пойдешь? — Он шутливо подтолкнул его локтем.

— Я — за тобой. Какой еще путь?

— Ну вот и гут.

Толпа начала редеть. Девки по одной, по две «незаметно» покидали танцы. Вслед за ними так же «незаметно» испарялись ребята. Зарян все чаще стал поглядывать на сидящих — проверял, наверно, кого-то, тут ли.

— У нас в колхозе трудно, — сказал Зарян. — Техники никакой, всего пять лошадей, да и то... — он горестно махнул рукой. — Ты ведь умеешь пахать и боронить, верно? Так не помог бы? А Пращутку Долматову перевели бы копать... Да, геноссе, ковыряем землю лопатами. Вернул нас фашист почти к первобытному состоянию... Ну, ничего. Все у нас впереди... Так как?

— Да что — ладно, — сказал Велик.

Эхо над полями

Колхозный двор представлял собой большой квадрат, по сторонам которого были расположены конюшня, коровник, овчарня, склад, амбар, кузница, дом правления. Когда-то здесь было оживленно и шумно, особенно по утрам, в начале рабочего дня. Одни запрягали лошадей, другие шли с какими-то бумагами, кто-то гнал на пастбище дезертировавшего из стада теленка, кто-то нес на плечах остриженную овцу. Звучали речь и перебранка, голоса скотины, стучали молоты, урчал мотор, из окон правления лилась музыка и слышался завлекательный голосок певицы Ковалевой:

На окошке два цветочка —

Голубой да синенький.

Никто любви нашей не знает,

Только я да миленький.

Теперь тут жизнь текла тоненькой тихой струйкой. Низко опустив голову, удрученно пофыркивая, прошли от колодца к конюшне пять доходяг-лошадей — вся колхозная живность. Прижав уши, вытянувшись, от амбара к правлению огненной стрелой пронесся ничейный кот Илюхан.

У конюшни собрались пахари: Тонька Дарьина, дочь Антонины Наталья, Алеша Ерохин и Велик. Тонька была из невест еще довоенного образца, пересидевшая в девках и потерявшая всякую надежду на замужество. Видать, от этого она стала развязной и отчаянной, ей ничего не стоило схлестнуться в сваре хоть с самым уважаемым стариком, при случае и словечком непотребным пукнуть. Наталья же только вступила в пору невест, часто охорашивалась, сверкала зубами и поигрывала карими веселыми глазками.

Алешка был Зарянов одногодок. Как и Зарян, он вымахал за год в здорового детину. Велик, встретив его впервые по приезде, сразу и не узнал. Он был старшой в группе пахарей и держался соответственно.

Велика все трое встретили как ровню — девня еще год назад узнала его как старательного, толкового мужичка-пахаря. И он сразу почувствовал себя спокойно и прочно.

— Эх, Велик, Велик, — вздохнув, сказала Тонька. Она сидела рядом с Натальей на телеге. — По всем статьям ты мужик, кроме одной, — мал годами. Годков бы хоть на шесть постарше.

— Зачем ему? — засмеялась Наталья. — Да и тебе все равно не достался б — уже и сгнил бы где-нибудь на чужбине с пулей в груди. А вот кабы годика на три... — Она лукаво повела на Велика бесстыжими глазами.

Алешка, прислонившись к колесу этой же телеги, обстругивал самодельным ножом кнутовище.

— А вот кабы взять ваши языки, — в гов Наталье подхватил он, — да смазать бы ими горячую сковородку, так и блины можно было печь. Все польза.

— Сковородак на том свете налижемся, — отрезала Тонька, — а на этом будем грешить, сколько влезет, никто нам не указ.

Из ворот конюшни вышел дед Евтей, ведя за веревочные поводки двух лошадей. Велик увидел его после возвращения впервые. Евтей нисколько не изменился — был все такой же сухопарый и подвижный и все так же приплясывал на месте. Передав лошадей девкам, он подбежал к Великому, начал обнимать, трясти руку и хлопать по плечам.

— Николаич! — кричал он радостно высоким тонким голосом. — Вывернулся, зныч, из-под смерти! Ну, молодец! Ну, хват! Знай наших, журавкинских! А мы ить уже похоронили было тебя, брат. А ты вот... Ах ты, зныч, господи! Завострился весь, клок волос седой...

— Ладно, дед, давай веди наших коней, — прервал его Алешка. — Пора и на поле. Бабы на коровах и то, небось, уже выехали.

— Счас, счас, — даже не повернув голову в его сторону, сказал, как отмахнулся, Евтей и присел рядом с Великом на оглоблю. — Ах ты, ну... Молодец, молодец!.. У нас тут, брат, тоже все вроде ничего обошлось. Живем. Не так, конечно, как до войны, ну все-таки, зныч... Пять лошадок. Гитлер-мерин, правда, в плуг не годится, а и он по малости кой-какую работенку работает. Две кобылки — наши, колхозные. Да ты их должон помнить: Жердина и Лихая. Пережили лихолетье, не старые еще, послужат. Два меринка армия наша оставила. Малость поранены были, ну не шибко, выходили. Мальчик, правда, прихрамывает... Коровенки у людей сохранились.

— Одиннадцать на девяносто дворов, — сказал Алешка и сплюнул. — По твоему рассказу, дед, жизнь наша лучше некуда получается, только вон в заплатках весь почему-то ходишь.

Дед Евтей с досадой махнул рукой и побежал в конюшню.

Через некоторое время он вывел еще двух лошадей. Одну передал Алешке, повод другой протянул Великому.

— Держи, Николаич. Лихая. Только ей больше подошла бы другая кличка — Хитрая или, скажем, Ушлая. Ну, сам увидишь... Бог в помощь, работник, — последние слова он произнес торжественно, приосанившись, и поднял руку (наверно, хотел благословить, догадался Велик), но спохватившись, что ли, болезненно сморщился и потряс кистью, будто бы сбрасывая боль.

Пахари повели лошадей к кузнице. Там прицепили к постромкам плуги, сели верхом и поехали по верхней дороге в поле.

Велика немного обеспокоили слова деда Евтея о Лихой. Он начал присматриваться к кобыле, и беспокойство его усилилось. Она была гнедая со светлыми пятнами у задних ног. Когда Велик подошел к ней с хомутом, Лихая вздернула голову и вызывающе, как ему показалось, уставилась на него. Его поразил именно вот этот осмысленный взгляд. Привстав на цыпочки, он все же дотянулся до ее головы и охомутил.

Из-за Евтея и — рикшетом — из-за Велика пахари действительно прибыли в поле позже всех. Они проехали мимо большой группы женщин, вскапывающих землю лопатами, потом мимо тех, что пахали на коровах. Это было непривычно для глаз: опутанные веревочной сбруей, выгнувшиеся от напряжения коровы; дети, положив поводка на плечо, тянут животных, как будто несут их на себе; согнувшиеся за плугом бабы. В одном из поводырей Велик узнал Таню Чуркову. Она приближалась к дороге, была уже недалеко, отчетливо было видно красное от натуги, потное лицо, склоненное над землей. За плугом шла ее мать.

Немного дальше, уже слева от дороги, Велик увидел еще более непривычную картину: бабы, по четверо в упряжке, тащили по вспаханному полю бороны. Двигались они медленно, натужно, веревки, переброшенные на грудь, глубоко врезались в тело. Завидев подъезжавших по дороге пахарей, одна из женщин сбросила с себя сбрую и, замавав руками, направилась к ним. Это была Антониха. Лицо ее было залито потом.

— Эй, Алешка, миленький, дай закурить! — еще издали крикнула она.

Подойдя и вытирая одной рукой лицо, другую протянула к парню. Пахари окружили ее. Густо покрасневшая Наталья сказала:

— Постыдилась б, да и нас не позорила. Где это видано, чтоб баба курила? Это ж твоим внукам и правнукам поминать будут.

— Ладно, правнукам, — отмахнувшись Антониха. — Ты сперва замуж выйди. — Свертывая цигарку, продолжала, обращаясь к Алешке: — Бабы не курят, истинно так. Да мы-то нешто бабы? Мне вон благоверный в письмах с фронта соловьем разливается: милая, дорогая... Я ему как-то возьми и напиши: я, мол, теперь не милая и не дорогая, а в колхозе кобыла вороная. Что, неправда? Пускай знает, какой ценой хлебушко наш ему достается. Чтоб, как придет с войны, не выкатывал передо мной грудь колесом: я, дескать, фронтовик, а ты тыловая крыса. Мы тут тоже жизни свои кладем.

Сложное неизведанное чувство затопило душу, когда плуг врезался в землю и, потрескивая рвущимися корнями, пополз по лемеху бесконечный пласт земли. Честно сказать, Велик побаивался, что он уж и забыл, как пашут. Но вот плуг пошел выводить борозду, руки привычно заелозили на рукоятках, то приподымая их, то подталкивая из стороны в сторону — и старая радость ослепила, толкнулась в сердце. Потом острота сгладилась, размылась, но радость осталась — легкая, светлая, необременительная. Постепенно к ней примешивалось чувство спокойной отрешенности. Идешь за плугом, смотришь на движущуюся ленту земли, покрикиваешь на лошадь: «Ближе!» (если она далеко отошла от борозды и плуг начинает делать огрех) и «Вон лезь!» (если сошла в борозду) — и ничего больше для тебя не существует: ты не думаешь об этом, но всем существом своим знаешь, что делаешь сейчас самое главное в жизни, все остальное приложится само...

Вдруг Лихая сошла в борозду, а когда Велик крикнул: «Вон лезь!» — остановилась. Он понукал ее, подергал вожжой, но она даже ухом не шевельнула. Вспомнив, что лошади останавливаются, когда хотят облегчиться, Велик посвистел, как это принято в таких случаях, но кобыла не проявила никакого интереса к его приглашению.

Что за фокусы? Он подошел к лошадиной морде.

— Ну, что стряслось? — спросил миролюбиво.

Лихая передернула ушами, оглядела пахаря с ног до головы и, как показалось ему, насмешливо прищурилась. Он взялся за обороть и потянул. Кобыла переступила передними ногами — видать, устраивалась поудобнее.

— Ну, ладно, — обиженно сказал Велик.

Вернувшись к плугу, он подергал вожжами и справа огрел Лихую кнутом. Она махнула хвостом вправо. Он полоснул по левому боку — она махнула хвостом влево.

Такого в его крестьянской практике не бывало. Кобыла Кувшинка, что была у них во время оккупации, признавала его власть и слушалась. Он не помнит случая, чтобы она вынудила его пустить в дело кнут. Та понимала его с полу-

слова, с полужеста. Они, можно сказать, дружили. А эта... Ну, ясно — видит пацан, плевать, мол, я на него хотела, что он мне может сделать. Ладно, поглядим, змея такая-сякая, немазаная!

Крича во все горло: «Н-но! Пошла!» — Велик принялся охаживать лошадь кнутом по ногам, бокам, животу. Лихая переступала, вздрагивала, прjala ушами, но с места не трогалась.

Обойдя круг, возвратились остальные пахаря. Подошли к Велику.

— Что, бунтует? — сказал Алешка, обходя Лихую со всех сторон. — Такая ленивая, стерва, зла не хватает. У Праскутки она тоже бунтовала, но та ей живо дурь выбила.

— Праскутка сама здоровая, как кобыла, — сказала Тонька. — Один раз так ткнула кулаком в грудь, что Лихая села. Вот и боялась ее. А тут, видит, бояться некого.

— Что ж бы с ей, заразой, сделать, чтоб не капризничала? — подала голос Наталья. — Ведь измучается мальй.

Алешка сплюнул.

— Ну, начинается базар! Ладно, девки, нечего нам всем тут толпиться. Пашите дальше. Ну-ка, берись за плуг, — приказал он Велику.

Алешка взялся за обороть и потянул. Кобыла сперва уперлась, но когда он грозно крикнул и взмахнул кнутом, пошла за ним — видать, не забыла прежних уроков.

— Пошел! — крикнул Алешка шагов через двадцать, отпустив обороть и отступив в сторону. — Может, образумится.

Он обогнал Велика и ушел вперед. Некоторое время Лихая шла следом, все сбавляя шаг, а когда отстала порядком, снова остановилась. И — вправду стерва! — повернув голову, посмотрела на Велика: мол, вот тебе, голубчик, что-то ты теперь будешь делать?

Еще раз все повторилось. Разъярясь, Велик хлестал кобылу, она отмахивалась хвостом, перебирала ногами, вздрагивала, время от времени поворачивала голову и глядела на пахаря не то злым, не то молящим глазом, но вперед не шла. Выведенный из себя этими взглядами и этим гупым упорством, Велик дрожащим голосом крикнул:

— Ну что ты зыркаешь, змея, чего ты от меня добиваешься?

Снова Алешка заставил кобылу тянуть плуг. Уходя вперед, сказал:

— Если опять станет, поезжай домой. А то получится — ты не пашешь и я теряю время. Пускай обратно Праскутку наряжают.

У Велика от обиды задрожали губы, но он смолчал: что тут скажешь, Алешка прав. И когда вскоре лошадь остановилась, он сел на край борозды, не зная, что делать. Может, и правда, махнуть на все рукой и уехать? Упрекнуть его не за что, пахаря подтвердят... Проклятая животиная! Растоптала своими грязными копытами его ра-

дость и общую их с Заряном надежду на то, что в колхозе станет работником больше. И вообще — что это такое?..

Его душила ненависть. Сцепив зубы, сжав в кулаке кнутовище, Велик подошел к лошади, взялся за обороть и, хрипло выдыхая: — Ах ты змея! Ах ты сволочь! Ах ты фашистка! — принялся колотить ее кнутовищем по шее, по морде, по ушам, по губам, по чем попало, без разбору.

Она пятилась, отворачивала голову, скалила зубы, но он бил и бил ее в каком-то бешеном ослеплении. Тогда она рванулась вперед, чуть не сбив его. Велик отскочил в сторону, взялся за ручки, вонзил плуг в землю. Он еще не верил, что победил, но уже понял, что на пути к победе и надо бороться с этой симулянткой до последнего. Нельзя уступать!

Как-то неестественно выгнувшись, боком, Лихая тянула плуг торопливо и натужно, как будто из последних сил. Чего это она так? — с беспокойством подумал Велик, остывая. Злитесь, наверно, психует. Ну да, а как же, ведь он бил со всей руки, не жалея, по самым больным местам. Может, глаз выбил, оттого и скособочилась? Надо бы глянуть, а что, если и вправду глаз?.. Но он боялся остановить ее. Нет уж, пускай тянет, пока тянет.

А как я ее бил! — вдруг накатила жалость. Как фашист, даже не подумал ни разу, что ей больно. А может вот, даже покалечил. Нельзя же свою злость срывать на живом. Больно же!.. Но ведь если бы я ее не бил, она не стронулась с места, пришлось бы ехать домой. Колхозу нужна моя работа, мне она нравится, но вот, видите ли, какой-то кляче вздумалось меня подмять, чтоб самой поговять лодыря. Нет, уступать нельзя, иначе ничего не добьешься.

Вдруг лошадь опять остановилась. У Велика екнуло сердце: снова здорово! Ни вожжи, ни кнут никакого действия не оказывали. Закипая, он пошел к кобыле. Едва очутился перед нею, еще и руку не успел поднять, Лихая попятилась, беспокойно и виновато заморгала.

— Ага, битой быть неохота. Так чего ж заставляешь? Мне, думаешь, радость большая — лютовать над тобою? Ну, давай по-хорошему, полюдски, — он погладил ее по храпу. — Я от тебя не отступлюсь, так и знай. Прислушайся к моему совету: не отлынивай от работы, до добра это не доведет.

Велик оглаживал ее шею, морду, увещающе приговаривал. Кобыла шевелила ушами, прикрывала глаза, переминалась. Весь ее вид говорил о внимании и согласии. Он пошел к плугу, но едва сделал один шаг, она тронулась с места и пошла боком, так неестественно и при этом так смотрела на него, как будто подсказывала. Велик подошел и приподнял хомут. Так и есть: у Лихой было сбито плечо. Круглая ранка величиной с пятак

сочилась кровью. На хомуте виднелось такой же величины кровавое пятно.

Вот, брат, как. Не торопись пускать в ход кулаки. Сперва погляди — может, помощь требуется.

Велик нарвал травы, отодрал от порток две заплатки — ничего, можно посверкать голыми коленками, в поле — не в деревне. Смастерил две подушечки, с помощью лемеха отпилил от вожжей кусок веревки, расплел и свил тонкие оборки, которыми привязал подушечки к хомуту так, что ранка оказалась между ними. Дело знакомое.

— Ну вот и ладно, — сказал он, закончив. — Через недельку и следа не останется, увидишь.

Лихая ткнулась ему храпом в плечо. Что ни говори, а лошади — народ умный, соображают что к чему.

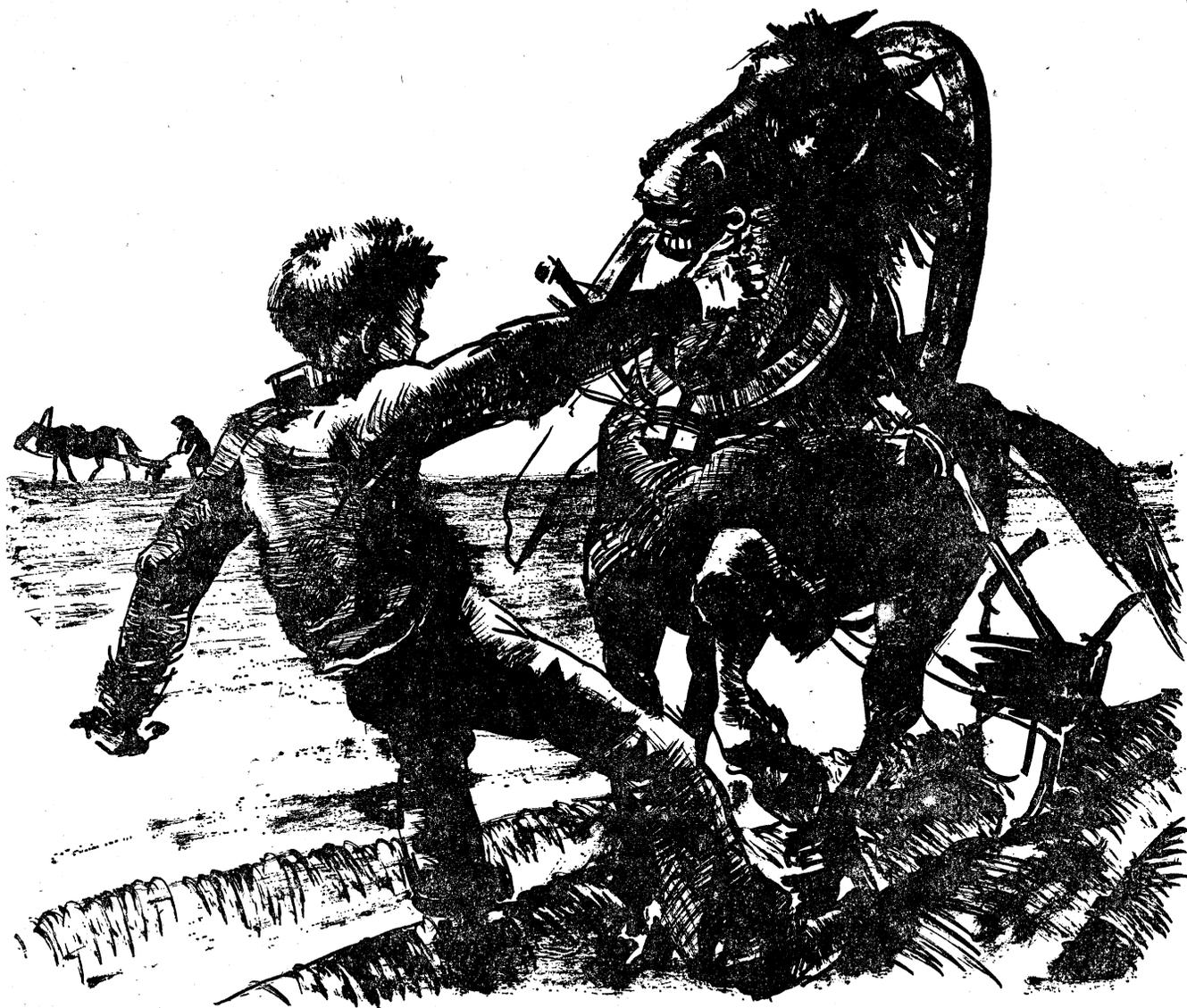
На обед расположились в котловине, примерно в полукилометре от места работы. На дне котловины плескалось небольшое озерко. На пологих затравенелых склонах кое-где росли одиночные кусты.

Лошадей пустили пастись, а сами разбрелись по разным кустам. Велика это не удивило: он и сам, еще когда ехали сюда, решил в компанию не соваться, чтоб не краснеть за свой обед. Видно, и другим не хотелось выставлять напоказ нищету.

Велик прилег под кустом, достал из кармана кусок черной, как уголь, и твердой, как камень, лепешки и пучок дикого чеснока. Лепешка была испечена из желудевой муки. Они с Манюшкой перепробовали желуди в самых разных видах: жарили их прямо в скорлупе на куске жести, пекли блины и лепешки, варили болтушку. Эти «разносолы» давали сытость, но сильно горчили. Правда, к жареным желудям это не относилось, они были даже вкусны. Велик понял: с такой едой с голоду не помрешь, однако все время будешь тосковать по настоящему харчу, по той же картошке. Понял и смирился, поскольку ничего другого пока не предвиделось.

Увидев приближавшуюся к нему Наталью, он торопливо спрятал в карман недоеденную лепешку и продолжал лениво похрустывать чесноком, показывая, что пообедал, а теперь вот жует травку так, от нечего делать. Наталья положила перед ним лист конского щавеля, а на нем — две крупные картошины и, ни слова не сказав, удалилась. Когда она наклонилась, Велик искоса мельком глянул в ее лицо и уловил, как пробежала по нему какая-то скорбно-виноватая тень — то ли усмешка, то ли гримаса. И в удаляющейся фигуре ее было что-то неловкое, стесненное, неуклюжее, как будто она чувствовала на себе чужие пристальные взгляды.

От молодой картошки исходил такой сладкий аромат, что у Велика все внутри содрогнулось и

застыло в ожидании. Он откусывал маленькие кусочки и не ел, а сосал, как конфетку-леденец в райские довоенные времена. Это действительно была настоящая живая еда, после которой, кажется, кровь быстрее побежала по жилам и тело налилось бодрой силой. А после желудевой еды он всегда чувствовал себя вялым и подавленным.

Закончив обед, пахари собрались вместе у Алешкиного куста. Алешка лежал вверх лицом, подложив руки под голову и раскинув ноги. Тонька сидела возле, время от времени щекоча травинкой его лицо. Наталья плела венки.

— Ну что, проучил свою кобылицу? — Алешка повернул голову к Велику.

— Да что там проучил, — замялся мальчик. Ему хотелось покрасоваться в облике укротителя, но было стыдно говорить неправду. — У нее плечо стерто, вот она и не шла.

— Такие пахари, — Алешка кивнул на девок. — Запрячь как следует не умеют, проверить, все ли ладно — тоже соображения не хватает. Хозяева, одним словом.

— Да, Алешечка, миленок, бабье ль это дело — пахать? — Тонька сунула травинку ему в ноздрю, и он чихнул — весело, закрыв от удовольствия глаза.

— Мало ль что не бабье. Война!

Наталья тоненьким жалобным голоском замурлыкала:

Ах, война, война, война,
Во что меня поставила:
Полюбить сопливого
Она меня заставила.

— Алеш, взял бы ты меня замуж, — без всякой связи с прежним разговором сказала Тонька.

— Не выходит, — лениво ответил Алешка, гля-

дя в небо.— Осенью в армию. Война не кончилась, значит... все может быть. А во-вторых, я для тебя сопляк. А кто наших невест будет брать?

— Эх! — Тонька стукнула кулаком по траве.— До чего дожили: девка сама навязывается малому, а он нос воротит. На всю деревню — четыре мужика: двое безногих да двое безруких. И то считаем — повезло ихним бабам.

Разговор пошел кругами — о том, о сем, но не отдаваясь от войны и связанных с нею напастей.

— Вот прямо диву даешься, на чем народ держится? — сказала Тонька.— По всему — давно пора передохнуть, а вот гляди ж ты...

— Все травка-матушка,— откликнулась Наталья.— Много всякой травы едим, вот и держимся.

— Точно,— подтвердил Алешка.— В траве есть все нужное для жизни. Возьми скотину — тех же лошадей или коров. Они ведь весь свой век одну траву едят и живут припеваючи.— Покусывая травинку, мечтательно сказал: — У меня иной раз такая картина перед глазами рисуется: иду я деревней, а она вся новая, хаты смолой сочатся, светлые, молодой соломой крытые, а иные и дранкой. А на задворках десятипудовые свиньи роются, куры бегают, на лужках белым-бело от гусей. И идет мне навстречу... ну, хотя бы вот Наталья... сытая, веселая, рядом мужик ее — в плечах косая сажень, морда просит кирпичка, вся грудь в орденах. А кругом ихние дети — сопливые, понятно, но все в сатиновых рубашках и в штанах из мягкой материи, а не в портках из небеленой холстины, и ни одной дырочки, ни одной заплаточки на них.

Велик при этих словах лег на живот, спрятав ноги в куст, чтоб не видели его порток в дырках и заплатках. Алешка продолжал рассказывать свою басню:

« — Ах, здравствуйте, Алексей Андреевич, что то давно не виделись». — «Здравствуйте, здравствуйте. В Брянске на курсах учился электрическому делу. Чтоб в деревне электричество горело, радио в каждой хате играло». — «Ну, заходите, Алексей Андреевич, для дорогого гостя курицу зарежем и бутылку «Московской» поставим». — «Одну минуточку, я только за супругой сбегаю, галстук перемену и в шевиотовый костюм переоденусь. И подарки захвачу».

— Какие еще подарки? — перебила Наталья. Она смотрела на Алешку затуманенными благодарными глазами.— Отродясь без подарков...

— Не, нельзя. Люди стали культурные, все с образованием не ниже семилетнего, друг с другом только на «вы», в гости без подарков никто себе не позволит. Понятно, подарок не для подпоры в хозяйстве — у всех все есть, а как знак чуткого внимания. Носовой платочек, книжечка какая-нибудь со стихами... «Буря мглою небо кроет...»

Тонька захохотала.

— Ах ты, чтоб тебя... Это ж как надо жить, чтобы для каждого встречного-поперечного оборота курицу резать?

— Извините, не встречный-поперечный, а близкая родня, поскольку намерен жениться на Натальиной младшей сестре. И не обормот, а уважаемый в окрестности человек — механик Алексей Андреевич Ерохин. Имеет жену, троих детей, корову, пяток овец, двух поросят, пятнадцать гусей, тридцать курей, пять ульев, хатку-пятистенку, садик. Мотоцикл.

— Вот ты, оказывается, об чем мечтаешь,— об кулацком хозяйстве,— сказала Тонька и насмешливо фыркнула.— Мотоцикл захотел! Зачем он тебе? В лес по котики ездить?

— Извиняю вашу темноту и неграмотность,— вежливо отозвался Алешка.— Кулацкое хозяйство — это когда батраки на тебя горбачат, значит, когда хозяйство твое на чужом труде и поте выросло. А мы своими мозолистыми все добудем. В десять рук как возьмемся...

— Какие такие десять рук?

— Мои, супружницы моей и троих наших деток. С малолетства в труде ребятишки будут... Ну, это во-первых. А во-вторых, все так справно жить будут, кто в работе сил не жалеет. Просто все будем жить лучше всяких кулаков. И не только богаче — культурнее, чище, честнее. Вот ты зубы скалишь: зачем, мол, мне в деревне мотоцикл. А я в кино буду жену возить, понятно? — Он помолчал, усмехнулся.— Ну, ладно, черт с тобой! С мотоциклом я, наверно, подзагнул. Пускай не мотоцикл — велосипед.

— Счастливая Нюрка,— вздохнула Тонька. В голосе ее была насмешка, но прослушивалась и искренняя зависть.— Она хоть знает, какие ее радости ждут?

— Откуда? — рассмеялась Наталья.— Ей и четырнадцати нет. Об ребятах еще не думает. И близко к себе не подпустит.

— Это дело поправимое,— сказал Алешка.— Пока отслужу в армии, она подрастет до законного размера... Только вот не крепко уверен, что пойдет за меня. Там Антониха агитацию за другого ведет. Все Заряна нахваливает. «Вот, говорит, мужик, всем мужикам нос утрет. Не гляди, что начальник, а хозяйственный. Затемно выйдешь корове корм задать, а он уже на дворе — тюк-тюк, тюк-тюк. Что-то ладит». Я как узнал, сразу решил пойти наперебой. Встал пораньше, вышел на двор и наблюдаю, когда Антониха мимо пойдет на работу. Только она показалась, я давай молотком по колоде долбить. Орудовал второпях, а было темновато, я и вlepил себе по коленке. Ну, понятно, взвыл благим матом. А Антониха как раз поравнялась. «Эх,— слышу,— горемычный. Гвоздь толком забить не умеет — обязательно по пальцам лупанет». Ну что ты будешь делать? Окончательно испортил себе характеристику. Небось, хаяла меня перед вами, а, Наташ?

— Не тужи, — подстраиваясь под его балагурный тон, ответила Наталья, у нас еще Аленька подрастает, так что без жены не останешься.

— Да уж этого добра нынче невпроворот, — заметила Тонька. — Если не выгорит у Антонихи, не горюй. Иди тогда к Единому, сразу всех пятерых отдаст. А какие девки! Прямо диву даешься: хлеба он им отмеряет спичечным коробком — по одному такому кусочку в день, а глянь-ка на них — кофты трещат по всем швам... А лучше всего — плюнь на всех молоденьких, бери меня.

Алешка перевалился на бок.

— Вздремну-ка я минут шестьсот. Прощу не тревожить мой трудовой сон.

Наступила дремотная тишина. Наталья и Тонька тоже прилегли.

В котловине было жарко и душновато: ветерок, дувший наверху, сюда не залетал. Велик сходил к озерку, искупался. Сон его не брал. Стояла перед глазами картина, нарисованная Алешкой, — новая, отстроенная, ухоженная деревня, населенная здоровыми и культурными людьми, что много работают и вволю едят, ездят на мотоциклах в кино... ну, пускай на велосипедах... И ходят друг к другу в гости с подарками. Как это все Алешка хорошо обсказал! Вот никогда бы не подумал, что у него в душе таятся такие мечты! В деревне его знали как балагура, не очень-то серьезного и не очень-то падкого на работу человека. Истинно: не гляди, что снаружи.

И еще задумался Велик вот над чем: откуда у его односельчан берутся силы? Ведь живут впроголодь, при этом работают тяжело и от зари до зари. А лица румяные, сами крепкие, бодрые, веселые. Кажется, за день так умолотятся, что ни рукой, ни ногой не пошевелить, а вечером вернулись домой, напихались травой — и вареной, и пареной, и сырой на закуску — и на улице, веселиться до первых петухов.

Ну, правда, это только молодняк, а кто постарше, совсем вроде бы другие. Вообще он успел заметить, что люди слишком быстро проходят по жизни. Когда годами живешь рядом с ними, этого не видно. А вот на год всего отлучился — и как все изменилось! Вчерашние пацаны — тот же Алешка — стали женихами, невесты, вроде Тоньки, превратились в перестарков, и им, видно, уготована горькая судьба безмужних вековух. Она еще кровь с молоком, еще ходит вечерами на улицу, но уже редко участвует в играх, почти совсем не выходит в круг танцевать. Больше сидит на бревнах или стоит в табуне ровесниц, завистливо глядя на кипящее вокруг чужое веселье, отпуская насмешливые и с течением времени все более злые замечания. Тонька еще пышет молодостью, но глаза ее, случайно подглядел Велик, стали как будто слегка размытыми, в них появилось постоянное выражение отчаяния и терпеливости. И от этого на лицо словно легла тень увядания.

А Антониха? Он помнил ее молодой и цветущей, а сейчас лицо ее подсохло, потускнело и вроде бы потрескалось, как дно высохшей лужи. Дети целы, и муж живой, воюет. Но, видно, заботы, тревоги, волнения, тяжелый труд, недоедание — вся деревенская жизнь военной поры быстро убивает силы.

Велика будто кто толкнул в сердце. Неужели и мать стала такой же, как Антониха, увядающей и некрасивой? У нее тоже есть от чего состариться. Да ладно, лишь бы жива осталась. Тут уж не до красоты.

Незаметно духота все же сморила его. Сквозь дремоту он слышал птичье пение, фырганье лошадей, пссапывание товарищей. Потом появился какой-то незнакомый странный звук — не то поскрипывание щенка, не то поскрипывание двери. Он-то и разбудил именно своей непривычностью. Велик открыл глаза и повернул голову. Слева от него у куста сидел белобрысый мальчик примерно его лет. На нем были рубаха и портки из небеленой холстины, грубо пошитые, местами нелепо топорщившиеся, местами обвисшие. Осунувшееся круглое лицо было сосредоточенным и строгим. Из вербных лык он плел крошечный лапоток и напевал тоненько и немного скрипуче:

А дилим, дилим, дилим,
Не гонитесь за ним.
Немец, немец, не гонись,
От браточка отцепись.

И слова, и напев тоже были странными. Иногда он запинался и несколько мгновений молча морщил лоб. Похоже, мальчик сочинял свою песню по ходу пения.

У сестрички у моей
Кудри вьются до бровей.
Ее немцы не сожгли —
Не сумели, не смогли.

Своим пением он разбудил всех. Тонька, облокотившись на землю, приподнялась и, окинув мальчика жалостливым взглядом, спросила:

— Что это ты плетешь, Митя?

— Это лапоточки сестричке моей Катеньке. Она как из огня убегла, так босая и ходит. Мне бы вот только найти ее. Как ты думаешь, она не могла в Гремячинской роще схорониться?

Он поднял на нее серые глаза и посмотрел как-то чересчур пристально, так что Тонька не выдержала его взгляда.

— Ты, Митя, это... Ты, Митя, хорошо лапти плетешь. Кто это тебя научил?

— А дед Авдей. Это еще до того, как сестричку немцы сожгли. Ну, они ее не сожгли, они ее кинули в огонь, а она пожарилась-пожарилась, а потом убегла. Как они отвернулись, так она сразу и убегла. Как ты думаешь, она могла в Гремячинской роще схорониться? — И опять тот невыносимо пристальный взгляд.

В разговор вступила Наталья. Повернувшись на бок, чтобы видеть его, она сказала:

— Митя, а чего ваша Валя на улицу не ходит? Может, ее мать не пускает?

— Валя — это моя старшая сестра, — ответил он, не прекращая работы. — А младшая — Катенька. Знаешь, когда ее кинули в огонь, у нее волосы сразу вспыхнули, а лицо почернело и лопнуло. Тут мать и Валя сразу повалились на землю и больше ничего не видели. Потому и думают, что ее сожгли совсем. А я и дальше все видел. Как она выскочила из огня и убегла. Она была босиком, а кругом снег, попробуй-ка босиком, да еще если из огня. Подошвы-то, небось, тоже полопались. Вот я и плету ей лапти. Дай только найти. Я уже всюду искал: в кустах, на Сером лугу. Следы вроде ее, а куда ведут, не разберешь. Как ты думаешь, она не могла в Гремичинской роще схорониться?

— Митя, миленький...

— Ну ладно! — грубо перебил Алешка. — Обед кончился, хватит пузы греть. — Когда они шли к лошадям, он объяснил Велику: — Они в правлении живут. Прибились откуда-то. Младшую сестру немцы сожгли на его глазах. Про отца хотели что-то допытаться. Ну, он и свихнулся... Проклятая война не одним железом нас убивала. Мы еще долго убитыми будем ходить.

Наверху тянул несильный западный ветерок, приятно полоскал лицо и, забираясь через дыры под одежду, обдувал тело. Отдохнувшая подкормившаяся кобыла шла в упряжке ходко, беспрекословно слушалась. Чего еще можно желать?

Настроение у Велика было бы совсем солнечное, если бы не встреча с Митей. Она не могла совсем затушить Великово хорошее настроение, но изрядно окрасила его печалью. Он напевал себе под нос, но напевал траурную зарянову песню про погибшего минера Федю.

Работа спорилась, мысли шли в голову светлые, добрые. Ничего, все наладится, дай срок. Так ведь не бывает, что жизнь все тяжелая и тяжелая. Жалко, что не бывает она постоянно и счастливой. Она, как убедился Велик, полосатая, жизнь-то. Полоса светлая, полоса темная, полоса посветлей, полоса потемней. Взять, допустим...

Додумать до конца ему не удалось — впереди раздался взрыв. Велика оторвало от ручек плуга и бросило на землю. Первым его порывом — неосознанным, инстинктивным — было вскочить и бежать, но у самого уха резко просвистело что-то и, чмокнув, врезалось в пашню рядом. В мозгу мгновенно сработало, что это осколок, значит, стреляют, значит, надо прижаться к земле, а там видно будет.

Шуршала падающая земля, пахло сладковато-горьким дымом. Потом наступила тишина, и стало слышно жаворонка в небе. Ветер унес чужой запах войны, дым и пыль, и снова засияло солнце. Велик поднял голову и осмотрелся. Шагах в де-

сяти лежала на брюхе Лихая, вытянув шею в его сторону, как будто что-то пыталась высмотреть в нем. Увидев, что хозяин зашевелился, она тревожно и, как показалось Велико, радостно заржала. Впереди, там, где до взрыва вел борозду Алешка, виднелся полукруг свежeverнутой из глубин желтовато-серой земли. Ни Алешки, ни Мальчика нигде не было видно.

Еще не веря в то, что случилось, еще надеясь, что Алешка и Мальчик там, в воронке, живые и невредимые, Велик вскочил и бросился туда.

Но воронка была пуста. Велик растерянно оглянулся. По полю спешили к нему Тонька и Наталья, а вдали, там, где борошили на себе бабы, виднелось скопление народа и какое-то шевеление.

— Ну? Что? Где? Он? — отрывисто рублила подбежавшая Тонька, а Наталья заглянула в воронку и, взмахнув руками, закричала:

— А ма-а-мынька, а ро-одная! — И бросилась бежать прочь, навстречу пылившей по дороге толпе.

Сердце у Велика сжалось. Он обошел вокруг воронки, внимательно обшаривая глазами ее глинистое дно... Это как же так? Неужто ничего, ну, вот ровно ничего не осталось ни от Алешки, ни от Мальчика? Куда же они делись? Нет, этого не может быть!.. Он пошел бродить кругами, все удаляясь от воронки. Нагибался, приглядывался к каждой грудке земли. Нигде ничего. Отказавшись от поисков, снова плелся к яме. И тут случайно набрел на присыпанный грунтом серый клоч материи. Боязливо осмотрев, он осторожно взял его в руки. Это был Алешкин карман. Чей же еще? Внутри обнаружился табак — немного, заветки на три-четыре. А бумагу — сложенный гармошкой газетный лист — Алешка носил в другом кармане. Это Велик заметил утром, когда сидели у конюшни.

Вскоре набежала толпа баб. Еще одна — те, что пахали на коровах, — виднелась на подходе, а подальше за ними пылили «лопатники».

Отдельно, раньше всех прибежал Зарян. Он заглянул в воронку и замахал руками навстречу бабам.

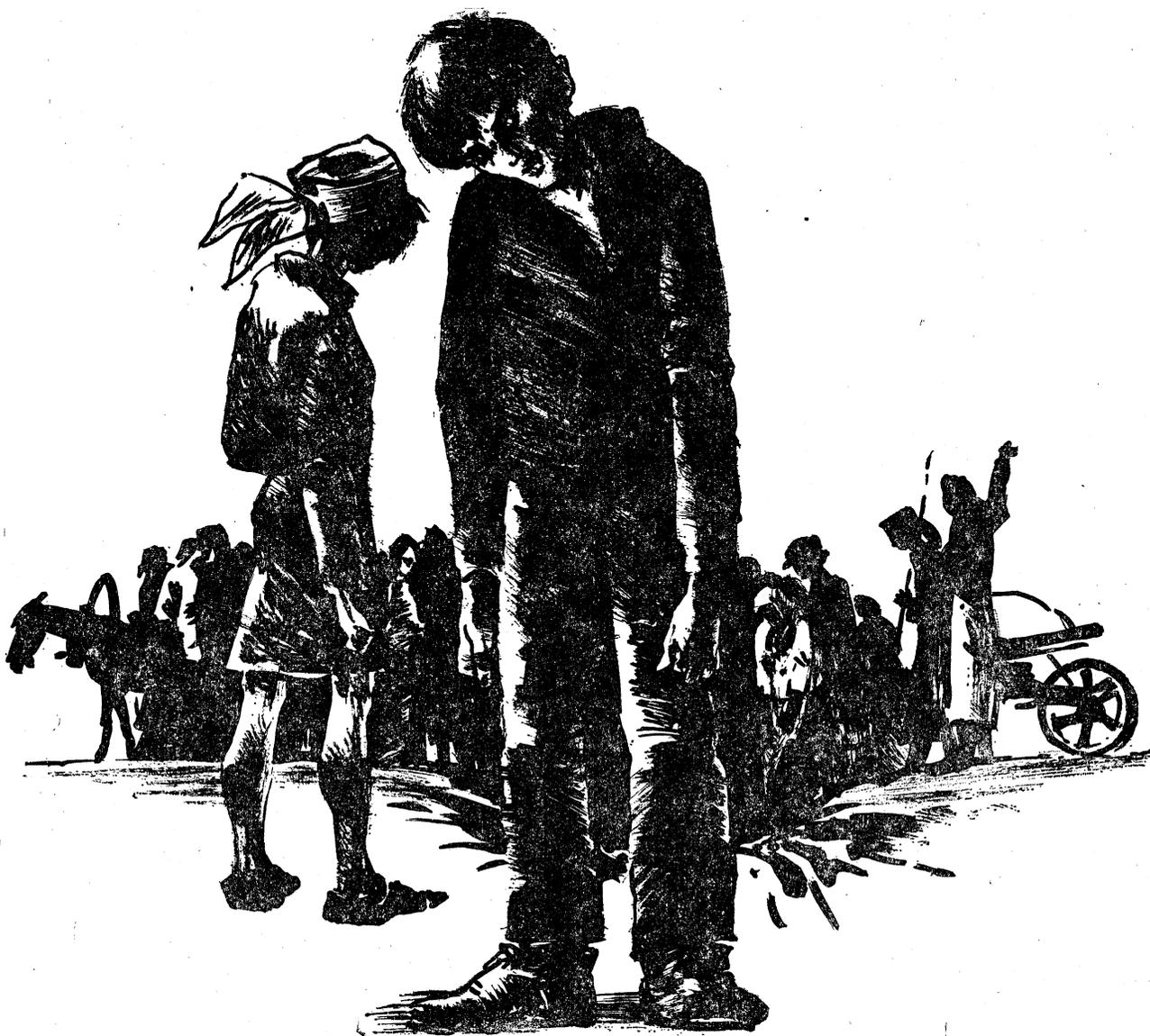
— На паханое поле не заходить! Не заходить на паханое поле! Опасно! — Повернувшись к Тоньке и Велико, сказал: — И пахать здесь пока не надо. Нынче проверю, тогда...

— Раньше надо было проверять! — зло сказала пришедшая наконец в себя Тонька. До этого она окаменело стояла у самого обреза воронки.

Хотя упрек был несправедливый, Зарян стал оправдываться:

— Так черт же его знал... Бои тут не шли, минам и снарядам взяться неоткуда... А вот видишь... Может, самолет бомбу посеял, а может... да мало ли... В войну оружие само ищет, кого бы убить.

Вокруг воронки стоял плач. Алешкина мать Лукерья, еще довоенная вдова, причитала, пова-

лившись грудью на бруствер и свесив растрепавшиеся тронутые сединой волосы в воронку:

— Ды один же ты у меня был, одна радость, одна надежда. Ды лучше ж бы ты сложил свою голову в честном бою, ды и не знала б я, не видела, что с тобою случилось...

К Велику подошла Таня Чуркова. Круглое курносое лицо ее с приподнятыми подушечками щек выражало скорбь, а глаза... не светились, а как бы подсвечивались из глубины затаенной радостью. Велику даже не по себе стало: что она, не понимает, что случилось или, может, сошла с ума? Нарочно коснувшись плечом его плеча, Таня вполголоса, будто секретничая, начала рассказывать:

— Как грякнет — мы аж сели! Повернули головы, глядим, а там такой большой куст вырос — снизу огневой, а вверх черный. Мы так сразу

и догадались: беда. И побегли. — Она наклонилась к нему и добавила шепотом: — У меня сердце так и оторвалось. Ноги стали, как тряпками набитые, еле добегла. А ты вот... стоишь...

Велик почувствовал, что и у него начинают светиться глаза — жив! Пересилив себя, набылчился, дернул щекой и, слегка оттолкнув Таню, сказал громко и насколько мог сердито:

— Стою, а что ж мне — лежать, что ли?

Друзья и подруги

«Здравствуй, Амеля! Во первых строках своего письма сообщаю, что мы с Манюшкой живы и здоровы, того и вам всем желаем. Амеля! У нас жизнь ничего, в общем-то неплохая. Пошли в школу с первого сентября. Сейчас во всю ива-

новскую учимся. Я пошел в четвертый класс. По-хорошему-то мне бы в седьмой уже надо, а из-за войны вот потерял три года. Да если б только это потерял. Мать-то с сестрой Танькой так и не вернулась. Я все ж надеюсь, но пока их нет.

Амеля! Живем мы с Манюшкой в нашей хате. Есть у нас кой-какие запасы. Колхоз выписал пуд муки и пять пудов картошки. Я работал в колхозе — пахал и боронил, но за это мне трудодни поставили. На трудодни же никто ничего не получил. Ну и мне, значит, пиш. А дали нам как сиротам, детям солдат (у Манюшки-то отец тоже на фронте, это через военкомат узнали). Ну, Зарян дал картох две плетухи. А мы у него за это на огороде копались. Теперь так: насыпили грибов немного, завялили десять рыбинок. Так что потихоньку перезимуем. Радоваться, понятно, не с чего, будем подголаживать, и на одних желудях придется насидеться. Может, и опухнем, но не помрем.

Амеля! Передай привет всей нашей белорусской родне. А особый привет-поклон тетке Варьке и Каролине (может, она вернулась из неволи?), и Светлане. И ребятам из нашей бригады. В общем, всем по поклону, даже этому блавному. Хоть он и попортил мне много крови, змей Грак.

До свиданья. Жду ответа, как соловей зерен.

С приветом. Велик».

Еще написал письмо Василию в Травно. Короткое и деловое. А хотелось так много рассказать!

О том, например, как было непривычно опять сесть за парту. Поднявшись на крыльцо школы, а потом войдя в коридор, Велик чуть не заревел. Столько всего накатило! Глянул на окно в конце коридора и припомнил, как стояли там с Демоном и Степкой, когда, бывало, опаздывали на урок либо учитель из класса вытурит. Стоят, бывало, и глядят во двор, где роется Настюхина свинья и бродят куры. И сама Настюха вспомнилась. При немцах она учила, что Россия граничит с Кабардой и под видом уроков труда заставляла ребят горбачить на своем огороде и пилить дрова, которые потом делила со старостой. Сейчас ее нет в деревне, побоялась, небось, вернуться, стыдно...

А в классе Велик и вообще расклеился. Поднял крышку парты, где со Степкой сидели когда-то, а там рукой друга написано чернилами из сажи: «Не звени подвисься змей Колпак все равно по-твоему не будет». (Это Велика Колпаком дразнили). А ниже гвоздем нацарапано: «Смерть фашистам и Чесопузу!» (Чесопузом дразнили Степку). Когда Велик прочел это, с ним сделалось так, будто Степка пришел из тех дней и сел рядом за их парту. И вроде бы он сидел рядом, а Велик боялся повернуть голову — ведь он понимал, что из прошлых дней, а тем более с того света не приходят.

Хотелось написать и о том, что в школу он ходит, как на праздник. Месяц уже прошел учебы, а он до сих пор не привык. Все в новинку, как в первый раз. И все как-то не верится, что это взаправду.

Но ничего этого выразить на бумаге Велик не смог, получилось беглое перечисление будничных забот и примет их скудной жизни.

В своих письмах Велик умолчал еще об одном — неожиданном пополнении припасов, плетухе картошки, что как-то вечером принесла Таня Чуркова.

Ребята кончали ужин. Велик дохлебывал суп, выливая его остатки через край миски в ложку. Кончился у него и хлеб: он всегда съедал свою норму равномерно, откусывая после каждых пяти ложек варева. Манюшка не оставляла хлеб на закуску и долго смаковала, высасывая каждую крошку, даже если это был хлеб со шкурками, выывавший у Велика тошноту.

Сняв перекинутую через плечо веревку и поставив плетуху у порога, Таня села на коник и как ни в чем не бывало приказала Велико:

— Опорожни-ка мне плетушку.

Велик сразу набылчился.

— А чего это? Зачем?

— Картох вам принесла.

— А мы просили?

— При чем тут просили — не просили? — скрывая смущение, сердито сказала Таня. — У вас же нет, а у нас есть. Вот на тот год посадите огород, тогда другое дело.

— А, каб тебя раки съели! Мы что, нищие? Приходили к вам побираться? Я не приходил. Может, ты, Манюш, приходила?

Та отрицательно помотала головой. На лице ее была растерянность. Она ничего не понимала. Почему эта совсем чужая им девочка принесла им картошку — целую плетуху? Почему Велик не берет? И та, и другой поступали, по ее разумению, глупо и необъяснимо. Манюшка твердо усвоила: дают — бери, а бьют — беги. И отбросив гадания насчет Тани — почему принесла, — она хотела сказать Велико: ну да, это я просила. Однако какое-то неясное неприязненное чувство заставило ее насторожиться, настроило против Тани.

— Она думает, мы побирушки какие, — сказала Манюшка, с сожалением поглядывая на ядренные белые клубни (эх, какие рассыпчатые уплывают!). — Забирай свои картохи и чтоб ноги твоей больше у нас не было, правда, Велик?

Но это уж было чересчур. Одно дело — отказаться от подачки и совсем другое — обидеть человека.

— Ну, а это ерунда. Когда хочешь, тогда и приходи, — обратился он к Тани. — А картохи забирай.

— И все равно, — подала голос Манюшка. Вид у нее был насупленный, глаза злые. — Пускай к нам больше не ходит. Тут ей подруг нетути.

Таня ушла, а на второй день в сенцах на видном месте Велик обнаружил кучку картошки. Высыпала, значит, когда вышла.

Встретившись с Таней вечером, он сказал:

— Ты что, хочешь, чтобы я выбросил твою подачку?

— Что ты, что ты! — замахала она руками. — По нынешним временам расстреливать надо, кто еду выбрасывает.

— Верно. Поэтому картохи твои мы съедем. Но больше ты меня не позорь, ладно? На иждивении быть ни у кого не собираюсь.

Таня рассуждала по-своему: надо делиться. Рассудив таким образом, она придумала хитроумный план. По утрам, собравшись в школу, ждала, пока на улице покажется Манюшка в своей застиранной и латаной, потерявшей цвет жакетке с пегой, сшитой из разноцветных лоскутов сумкой через плечо. Таня выходила чуть раньше или чуть позже, а через минуту «случайно» оказывалась рядом.

— Гляди-ка! — удивлялась она. — Прямо как по часам — в одно время выходим. Что значит симпатия!

У Манюшки никакой симпатии к Тане не было, поэтому, неприязненно скосив на нее свои продолговатые зеленые глаза, она только сердито пыхтела. Девочка невзлюбила ее с того посещения, догадавшись в конце концов, что картошку Таня принесла неспроста. Она устроила слезку и убедилась, что Велик относится к Тане не так, как к другим девочкам, и почувствовала опасность для себя. Вот сдружится Велик с Таней, она, Манюшка, станет ему не нужна, и он отдаст ее в детдом.

Но устоять перед угощениями, — скибкой хлеба, печеной картошкой, а изредка даже кусочком яйца — было выше ее сил. Ужаса, которая сидела у нее в животе, все время требовала еды. Девочки стали ходить друг к другу. Всякий раз, приходя к Манюшке (обязательно в отсутствие Велика), Таня что-нибудь приносила — бутылку молока, краюшку хлеба, пару драчеников. При этом она, чутьем безошибочно нащупав причину былой Манюшкиной неприязни, всякий раз приговаривала:

— Только ты не вздумай Велику правду сказать, откуда молоко. Я бы тебе вообще посоветовала все самой съесть. Что мне Велик? Но я ведь тебя знаю — ты лучше сама не съешь, такая у тебя честная натура.

— Я ему даже больше оставлю, — подогретая похвалой, в порыве великодушия обещала Манюшка.

Велику потом она плела всякие небылицы, такие, что проверить было невозможно. Он смотрел на нее с подозрением, пытался всякими хит-

рыми подходами выведать правду, но безуспешно — Манюшка и сама была хитроумка еще та.

Дружбе девочек не суждено было стать вечной или хотя бы долгой. Однажды Таня проговорилась, что собирается в воскресенье за грибами. Она тут же спохватилась, начала заминать разговор и уводить в сторону. Вид у нее при этом был испуганный. Все это насторожило Манюшку, и она тоже начала хитрить.

— Свеженьких грибков хочется, — сказала она. — Рано пойдем или как выспимся?

Таня, покраснев, начала мяться и отнекиваться: дескать, она не одна, ее «один человек» зовет с собой, он место знает, но требует, чтоб никому ни гу-гу.

Манюшка смотрела на подружку колко и недобро-насмешливо, ну-ну, мол, плети, плети.

Но когда Таня ушла, она, поостыв и раздумавшись, все ж рассудила по справедливости. Конечно, подружка что-то темнила, но почему и не может такого быть: кто-то позвал ее на грибные места, взяв слово никого больше не брать и никому потом не показывать их? Она успокоилась до конца недели.

А в субботу поздно вечером Велик наказал Манюшке разбудить его завтра пораньше. Это так у них было заведено: по утрам его поднимала Манюшка — он поздно приходил с улицы, да и вообще любил поспать. В воскресенье он обычно отсыпался за всю неделю, а тут на-ко! Манюшка сразу наострила уши.

Разбудив Велика рано утром, она сделала вид, что сама еще поваляется ради воскресенья. Но как только за ним закрылась дверь, слезла с печи, оделась и вышла на улицу.

Белесо-голубое небо казалось выцветшим. На нем не виделось ни перышка. Солнце еще не взошло. Воздух был по-осеннему тусклым и знобким. Передернув плечами, Манюшка утешила себя: хорошо, что ей не надо тащиться по такой зябкой погоде, сейчас юркнет на печь и будет лежать, сколько ей вздумается. Она пристально посмотрела в спину удалявшемуся по песку Велику, и ранее зародившееся подозрение начало быстро разгораться в ней. Нет, не станет она вальтаться на печи!

Она заперла хату и пошла влево, в заросли красных верб. Кусты широкой полосой тянулись параллельно дороге, по которой шел Велик. Манюшка перебежала от куста к кусту, не спуская глаз с Велика. Он дошел до Ключа, где из деревни было уже его не видать, и остановился. Огляделся по сторонам, побегал по кругу, согреваясь, присел, но скоро поднялся — трава была мокрая, земля холодная. Он часто поглядывал в сторону Журавкина — кого-то ждал. Наконец на дороге выросла маленькая фигурка, стала увеличиваться. Сперва стало видно, что это девочка, немного погодя — что Таня Чуркова. Велик призывно замахал рукой, и она побежала. Манюшка

вытянула шею, вся превратилась в зрение. Таня подбежала к Великому, и они пошли рядом, касаясь плечами.

Манюшка заплакала. В лес пошли, за Навлю. Вроде за грибами, а сами, может, под ручку будут гулять, как жених с невестой. Иначе чего же не взяли ее? Чего секретно от всей деревни скрылись? Ну, ладно...

Когда на второй день перед вечерком Таня заглянула к ней и выложила на стол завернутые в тряпочку драченики, Манюшка, ни слова не говоря, взяла их, подошла к бывшей подруге и записала блины ей за пазуху.

— Чтоб и духу твоего не слышно было за версту от нашей хаты! — заявила она. — Мы с Великом не хотим тебя видеть!

А Великому за ужином сказала:

— Приходила Чуркова, милостыню тебе приносила — драченик надкусанный. Я ее прогнала. Мати царица небесная, что мы, нищие? Правда, Велик?

Велик не на шутку разозлился на непрощеную благотворительность. В рассказе Манюшки она выглядела унижительной и позорной. Не выходил из головы этот «надкусанный драченик». Ему вспомнились прежние дары неизвестного происхождения, стало ясно теперь, откуда они брались.

После уроков они обычно выходили из школы с Иваном Жареным, но шли вместе недолго: Иван жил поблизости. После того, как он сворачивал на свой огород, Велик некоторое время шагал один, а потом рядом с ним оказывалась Таня.

До нынешнего дня он принимал это как должное и даже не любопытствовал, откуда она бралась — кралась ли поодаль незамеченной или, опередив их с Иваном, ждала за поворотом дороги. А сегодня все, что было связано с Таней, злило его, и, когда она выросла из-под земли и пошла рядом, он косо глянул на ее курносый нос и криво усмехнулся.

— Чего это ты засады на меня устраиваешь? Я тебе что, фашист?

Не заметив ни косога взгляда, ни кривой усмешки, Таня игриво засмеялась.

— Ага, хочю тебя в плен взять.

Этот тон еще больше разжег его.

— Чего ты из себя невесту строишь? — набывчившись, грубо сказал он. — Самой еще, небось, мать нос чистит, а она уже хиханьки продает!

Танино лицо покраснело, а потом взялось белыми перьями. Она повернулась к нему и тихо, умоляюще сказала:

— Ты что, Велик, ты что?

Он уж и пожалел о своей грубости, и Таню стало жалко, но какое-то знакомое чувство, стеснившее грудь, подталкивало его дальше и дальше.

— А то! — отдельно, с нажимом говорил он, как будто отвечивал пощечины. — Что ты из меня кусочника делаешь? Вот когда я пойду побираться и приду к тебе, и попрошу, тогда ты мне подашь, а пока я не прошу, сиди и жри свои драченики, а ко мне не лезь!

— Ох, да что ж это...

И голос и лицо у нее были страдающие, и вся она как-то обвяла, съезжилась. Ему все больше становилось жаль ее, но жалость подавлялась тем незнакомым чувством, в котором были перемешаны злорадство, и горечь, и острое постыдное наслаждение... Ага, тебе больно, ну, вот так тебе и надо, помучайся! — кричал в нем какой-то мстительный голос, и было сладко сознавать, что она мучается. И он все добавлял ей:

— Чтоб я тебя не видел больше! И не бегай за мной!

— А я за тобой и не бегаю, — срывающимся голосом сказала Таня. — Подумаешь! Ты сам за мной бегаешь.

— Я?! Иди от меня, змея ломоносая! — крикнул он и замахнулся.

Таня отбежала, остановилась и, тяжело дыша, глядя на него беспомощными и покорными глазами, сказала надтреснуто, через силу:

— Подумаешь, гордый... с битой мордой... — И зарыдала.

Не сделав и десятка шагов, Велик почувствовал, что и сам готов зареветь — от жалости к ней, а больше от стыда. Стыд был нестерпимый, едкий, пекущий. За каждое свое слово, сказанное ей, за каждый жест (а особенно, что замахнулся) и за все свое нынешнее поведение. Ну чего, спрашивается, взбеленился? Унижительно, конечно, что носила милостыню, но ведь и то надо учесть: не унижить хотела, а подкормить тебя, дурака. Отчитал бы — и хватит с нее, а то ведь чуть в ухо не заехал. Герой!

А больше всего было стыдно за то незнакомое, удивлявшее его, чувство злорадства и сладостного удовлетворения, которое владело им все время, пока он видел, что она страдает, и толкавшее его причинять ей все новые страдания.

«Это уже во мне что-то фашистское проснулось, — думал Велик с затаенным страхом. — Мне радостно оттого, что человеку больно. Вот она — плачет, украдкой оглядывается, а мне, как кошачьей лапкой по сердцу».

Встречаясь с Таней на переменах в школьном коридоре, во дворе, по дороге в школу или из школы, Велик делал каменное лицо, скользил по ней невидящим глазом и проходил нарочито неспешно, как будто она была не человек, а засохший куст у плетня. И, видя, как Таня начинает краснеть и бледнеть, часто-часто моргать и втягивать голову в плечи, он со стыдом чувствовал, что это ему приятно.

И вдруг... На большой перемене Велик вышел во двор. Третий и четвертый классы играли

в кошки-мышки. В кругу стояла и Таня. Он тоже вошел в игру, став неподалеку от нее, чтобы можно было исподтишка наблюдать за нею. Она, конечно, видела его, но, странное дело, даже бровью не повела, а стоило ему на миг отвернуться — вообще исчезла. И ему сделалось досадно, скучно и пусто.

Теперь Велик стал видеть ее только издали. Если он шел ей навстречу, она сворачивала или показывала ему спину. Если на переменке сталкивались нос к носу, Таня, отведя глаза и пригнув голову, ступала в сторону и стремительно уходила прочь. Ему стало ясно: Таня не хотела его видеть. И это убивало наповал.

Настрадавшись по уши, Велик решил помириться. Но теперь это было не так просто. Еще неделю назад он мог в любое время подойти к ней, сказать два слова и увидеть в ответ радость на ее лице. А теперь даже не знал, подпустит ли она его к себе, если подпустит, станет ли говорить с ним, если станет, согласится ли на примирение, если согласится, не будет ли это сделано унижительным манером: мол, ну ладно уж, куда денешься.

Это его удерживало. Подойдешь — и окажется действительно: «гордый с битой мордой». Нет уж, пускай лучше она думает про него, что он просто гордый.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ТРИСТА ЖУРНАЛЬНЫХ КНИЖЕК

«УРАЛУ» — 25

Четверть века назад в Свердловске увидел свет первый номер «Урала» — литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей РСФСР и писательских организаций, входящих в зону Большого Урала. За короткий срок новое издание обрело силу, свой голос, своих подписчиков, по числу которых — сто тысяч — занимает одно из ведущих мест в стране.

«Урал» может по праву гордиться тем, что многие писатели нашего края, ныне возведенные в ранг маститых и известных, начинали свой путь с его журнальных страниц. И сейчас редакция щедро предоставляет место публикациям творческой молодежи. Стремясь полнее отразить жизнь края, журнал охотно привлекает к сотрудничеству ученых, рабочих, инженеров, журналистов, краеведов.

Триста журнальных книжек легло за эти 25 лет на стол читателя. В них биение пульса Большого Урала, прозорливый взгляд в его прошлое, настоящее и будущее. Своими прозаическими и поэтическими произведениями, партийной публицистикой и критическими статьями журнал воспитывает в своем читателе чувство ответственности и гордости за свою страну, за наш край.

С юбилейным номером Вас, дорогие соотечественники! С праздником Вас, авторы и читатели «Урала»!

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

ЧУМАЗЫЙ

Лев
ДАВЫДЫЧЕВ

Если бы вы только знали, как трудно и плохо быть маленьким! Если тебе давно уже пять-шестой, то какой-нибудь воображала, которому всего-то шесть-седьмой, с тобой и знаться не хочет!

Никто и не играл с Федотиком, а те карапузы, которым и пяти не исполнилось, его не интересовали. Ничего эти малявки толком не понимают, даже разговаривать с ними не о чем.

Вообще-то Федотик жил хорошо, а вел себя и того лучше. Ел он замечательно, спал великолепно. Не дрался он, не дразнился, не обзывался. Не с кем было драться, некого было дразнить и обзывать.

Лишь одно обстоятельство очень угнетало Федотика: временами он ужасно скучал, а все чаще ужасно страдал оттого, что на него мало обращали внимания. Страшно подумать, что его и ругали-то редко, почти совсем не наказывали. Не за что было.

В таких случаях приходилось ревя реветь, чтобы обратить на себя внимание. Тут его начинали бранить, смеялись над ним, дразнили и немного обзывали. Федотик в ответ ревел изо всех сил. Тут его начинали утешать, и, усталый, довольный, он крепко засыпал, спрятавшись на сеновале.

Выспавшись и восстановив силы, затраченные на рев, Федотик обнаруживал, что жизнь интересна и жить можно, даже если тебе всего пять-шестой. Можно на худой конец и с малявками поиграть, а самое главное — набраться терпения подождать, когда тебе будет шесть-седьмой.

На краю деревни, у тракта, была автобусная остановка, и четыре раза в день сюда прибывал автобус. В него садились люди, приезжавшие к родственникам и знакомым погостить, а выходили из него те, кто приехал погостить.

Но никто, ни один человек ни разу не обратил внимания на Федотика, когда он приходил на автобусную остановку. Все прощались или здоровались, обнимались, целовались, махали руками.

Федотик стоял в сторонке, завидуя и тем, кто приезжает, и тем, кто уезжает. Особенно он завидовал тем, кому махали руками и кричали:

— До свиданья! До свиданья!

И не передать, как он завидовал тем, кому кричали:

— Приезжайте еще! Приезжайте еще!

Грустным, обиженным на судьбу, возвращался Федотик домой, до того обиженным и грустным, что уже и реветь не мог, а просто очень сильно страдал и с горя ел горох в огороде. Горох он ел для того, чтобы живст у него заболел. Вот тогда на Федотика были вынуждены обращать внимание, ухаживали за ним. Сестра — семь-восьмой — сказки рассказывала, брат — восемь-девятый — книжки читал, а бабушка не отходила от внука.

Но иногда, увы, получалось так, что живет у Федотика становился, как барабан, но болеть отказывался.

Бедный Федотик, ну не болел у него животик!

Однажды он разыскал за баней в огороде в густой высокой траве горку битых закопченных кирпичей и задумал построить из них дом.

Дом Федотик построил хороший, но и вымазался здорово.

Руки он кое-как обтер о траву, а лицо так и осталось чумазым, чего он, конечно, не мог заметить.

К этому времени подошла пора идти на автобусную остановку и там грустно смотреть на чужую радость, страдать, глядя, как встречаются и прощаются счастливые люди.

По привычке Федотик встал в сторонке, приготовился завидовать всем, но вдруг услышал веселый звонкий голос:

— Смотрите, смотрите, какой чумазый мальчик!

А другой голос прозвучал еще веселее и еще звонче:

— Вон, вон он! Чумазый, чумазый какой!

И пораженный Федотик обнаружил, что все смотрят на него и ему, ему, ему, именно ему кричат:

— Чумазик, чумазик, как тебя зовут?

— Где ты так вымазался, чумазик?

— До свиданья, чумазик!

— Чумазик, поехали с нами!

Прямо-таки ослепленный радостью, Федотик стоял не шевелясь, даже не помахав в ответ. Он стоял не шевелясь до тех пор, пока из проезжавшей мимо машины не услышал восторженный голос:

Федотик

Рассказ

— Смотрите, смотрите, какой чумазый мальчик!

— Меня Федотиком зовут! — наконец-то крикнул он вслед автомашине и махал руками так долго, что руки заболели.

Он уже собрался уходить, потому что очень устал от радости, как мимо прокатил грузовик, в кузове которого было много людей.

И опять Федотик услышал:

— Смотрите, смотрите, какой чумазый мальчик!

— Привет, чумазик!

— Чумазик, приветик!

Люди в кузове показывали на него руками, хохотали, махали ему, что-то кричали.

— Федотик я! — крикнул он вдогонку, немного помахал усталыми руками и чуть-чуть попрыгал.

Сил радоваться больше не было ни капельки, и он отправился домой, совершенно утомленный ведомыми доселе переживаниями.

Кроме всего прочего, он испытывал еще чувство необыкновенной гордости, но не представлял, как рассказать о случившемся бабушке, сестре — семь-восьмой и брату — восемь-девятый. Вдруг они не поверят, и это будет ужасно несправедливо.

Но что произошло дома, явилось для Федотика полнейшей и обиднейшей несправедливостью: его здорово отбралили, а бабушка больно мыла ему лицо и шею мочалкой да приговаривала:

— Грязнуля! Грязнуля! Грязнуля!

Вволю отревевшись на сеновале, Федотик очень крепко призадумался над тем, что же произошло. Многие и многие люди заметили его, обрадовались ему, развеселились даже, что он чумазый, много и много людей махали ему руками, кричали ему «До свиданья!», а дома ему попало... Сестра — семь-восьмой — обозвала его поросенком, брат — восемь-девятый — припугнул, что чумазые не расгут, а бабушка сильно вымыла его мочалкой...

Кто тут прав?

Как тут быть?

Чистенький-пречистенький Федотик пришел на автобусную остановку и в нетерпении ожидал, что же будет.

А ничего и не было.

То есть все было как раньше, как всегда — никто не обращал на

Федотика внимания. Он сначала растерялся, потом горько обиделся. Из глаз его готовы были брызнуть слезы, когда он видел, как люди здоровались, прощались, обнимались, целовались, махали руками.

Федотик стоял в сторонке, завидую и тем, кто уезжает, и тем, кто приезжает.

Укатил автобус, ушли приехавшие и встречавшие, и у дороги остался одинокий Федотик. Был он чистенький-пречистенький, никого не собирався ни дразнить, ни обзывать. И никому он был не нужен, никто и не взглянул в его сторону.

Пришел Федотик домой, думал, что и там ничего хорошего. А дома его встретили восторженно:

— Какой же ты у нас чистенький! — обрадованно сказала сестра — семь-восьмой.

— Будешь всегда такой, — сказала бабушка ласково, — всегда буду кормить тебя пирожками и блинами.

И хотя брат — восемь-девятый — промолчал, на душе у Федотика потеплело.

Но ненадолго потеплело на душе у Федотика. Уже через несколько минут он вспоминал, как был чумазым, как это было замечательно, и едва не заплакал.

Целую неделю Федотик прожил будто сам не свой, даже пирожки и блины ел плохо, спал неважно, потому что видел один и тот же сон: много-много людей машут ему руками, зовут его куда-то, смеются...

Не вынес однажды Федотик светлых воспоминаний и тяжелых переживаний, пошел в огород, нашел в траве закопченные кирпичи, с отчаянием вымазал себе лицо и бегом, вприпрыжку примчался на автобусную остановку и от вслепнения долго не мог перевести дух.

Подкатил автобус, и он, не выдержав нервного напряжения, крикнул:

— Меня Федотиком зовут!

— Здравствуй, Федотик! — отозвалось несколько голосов сразу, а вслед за этим раздалось:

— Посмотрите, посмотрите, какой чумазый мальчик!

— Эй, чумазик, поехали с нами!

— Его зовут Федотик!

— До свиданья, Федотик!

Он видел махавшие ему руки, улыбавшиеся ему лица и кричал:

— До свиданья! До свиданья! Приезжайте еще!

Из отъезжавшего автобуса несло:

— До свиданья, Федотик!

— Приезжай к нам, чумазик!

Уже давно все разошлись, а он стоял, словно ослепленный счастьем. Его, счастья, было в нем так много, что больше и быть не могло. И Федотик отправился домой.

На сей раз, увы, никакой радости, тем более никакой гордости он не испытывал. Ему было все равно. Федотик не думал даже о том, что дома за чумазость ему попадет.

Пять-шестой, а понимал, что и сестре — семь-восьмой, и брату — восемь-девятый, и бабушке поведение его не понравится. Бранить его будет и больно мыть.

Вечером брат — восемь-девятый — сказал:

— Вымойся-ка сам. Не такой уж ты маленький, чтобы самому не умыться.

Когда Федотик смыл с себя всю чумазость, бабушка накормила его любимыми пирожками — с малиной.

А сестра — семь-восьмой — сказала ему перед сном любимую сказку, про колобок.

Не ходил больше Федотик на автобусную остановку чумазым. Никто, ни один человек не обращал на него внимания. Все прощались или здоровались, обнимались, целовались, махали руками.

Федотик стоял в сторонке, завидую и тем, кто приезжает, и тем, кто уезжает.

Грустным, обиженным на судьбу, возвращался он домой, до того обиженным и грустным, что ни реветь с горя не мог, ни горюх в огороде есть не мог, чтобы живот заболел, просто залезал на сеновал и спал с горя крепко-крепко.

Выспавшись и восстановив силы, потраченные на тяжелые переживания, Федотик обнаруживал, что жить можно, даже если тебе всего пять-шестой. Можно на худой конец и с малявками — четыре-пятый или даже три-четвертый поиграть.

А самое главное — надо набраться терпения подождать, когда тебе будет шесть-сестьмой...

НЛО на опознании

Руслан
ЛЫНЕВ

Рисунки
А. Копырина

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

В журнале «Библиотека для чтения» за 1861 год есть интересная серия статей И. Железнова «Сказания уральских казаков». Конечно, фольклор сам по себе заслуживает внимания, но первая из этих статей, «Змий и комета», особенно примечательна. Дело в том, что это не фольклор в чистом виде, а запись со слов очевидцев события, происшедшего в середине прошлого века.

«В конце лета 1858 года в киргизской букеевской орде случилось дивное, чудо-чудное, подобного которому и старики старожилые не запомнят. В степи, неподалеку от Ханской ставки, среди белого дня упал с неба на землю огромной величины змий, толщиной в самого большого верблюда, а длиной сажени в двадцать. С минуту змий лежал неподвижно, а потом, свернувшись в кольцо, поднял голову сажени на две от земли и сильно, пронзительно, подобно буре, зашипел. Люди, скот и все живое в страхе ниц попадали. Думали, что настало светопреставление. Вдруг с неба же спустилось облако, подошло к змию сажени на пять и остановилось над ним. Змий прыгнул на облако, облако одело собой змия, за клубилось и ушло под небеса. На земле после змия остался только чад и смрад. Но через несколько минут потянул с востока свежий ветерок, и воздух очистился. Все пришло в прежнее нормальное состояние».

А. ЕЛАНСКАЯ
г. Ленинград

Знакомясь с такими письмами читателей, в которых рассказывается о различных наблюдениях за якобы инопланетными кораблями или НЛО, мы решили узнать мнение ученых, изучающих неопознанные летающие объекты.

Что же достоверно известно об НЛО! Какие пути изучения их четко намечились в последние годы! На эти и другие вопросы отвечает доктор химических наук из Москвы М. Дмитриев.

Сенсаций не будет — в этом я был уверен, идя на беседу с доктором химических наук, профессором М. Дмитриевым в НИИ общей и коммунальной гигиены имени А. Н. Сысина. Но наш разговор ученый предпочел начать именно с сенсации, касающейся все тех же НЛО — неопознанных летающих объектов. Он достал иностранный журнал, выходящий на русском языке, и показал в нем такое сообщение:

«По рассказу крестьянина... рано утром, когда он ехал на телеге по лесу, он увидел фигуры двух идущих... Ростом они были не выше полутора метров, одеты были в узкие черные облегающие комбинезоны, напоминающие костюмы акванавтов, а лицо и руки у них были зелеными. Обращали на себя внимание продолговатые глаза, расположенные на лицах несколько сбоку, и острые скулы. Они вскочили на телегу, а проехав несколько десятков метров, жестами приказали крестьянину остановиться непо-

далеку от висевшей над землей машины и велели (опять же с помощью жестов) раздеться. Когда он это сделал, они «обследовали» или «сфотографировали» его с помощью какого-то аппарата, похожего на две тарелки. После этого они показали ему, что он может идти.

Вернувшись домой, крестьянин сообщил обо всем родным, но когда жители деревни прибежали на поляну... они увидели только истоптанную траву, следы странной обуви и другие следы, которые, казалось, подтверждали, что кто-то здесь действительно был. Примерно в то же время на расстоянии около 700 метров от лесной поляны шестилетний мальчуган, игравший во дворе, увидел, как он рассказывал, летевший над землей странный «самолет», а в нем летчика с зеленым лицом».

Автор этого сообщения — ученый. Он пишет, что очевидцев подвергли медицинским обследованиям, был применен даже психогаль-

ванометр, представляющий самую чувствительную часть детектора лжи. Выводы? «...Возможность встреч с НЛО, какими бы странными они ни казались, нельзя признать неприемлемой».

— Что вы об этом думаете? — спросил меня профессор.

Я пожал плечами. Читателю-то наверняка интересней знать, что на этот счет думает он, специалист, а не я. Но раз уж вопрос ко мне, то отвечу: никогда не считал и не считаю проблему «летающих тарелок» важнее всех прочих. Страсти по их поводу и ажиотаж вокруг ходящих по рукам «лекций» считаю любопытными прежде всего как феномен чисто психологический. И в общем понятный: раньше верили в лешего, теперь же научная фантастика да и сами ученые породили столько «модерновых» гипотез, что сравнивать с ними сказки про лешего — все равно что мотыгу с реактивным лайнером.

Этот научно-фантастический бум процарапал заметный след в сознании некоторых людей. Он же дал немало любопытных идей, раздвинул внутренний мир человека, освежил мысли о мире окружающем. Но, увы, в научной фантастике тоже есть свои спады, тупики и повторы. На литературу они не тянут, наука их тоже не принимает. И они, эти мифы эпохи НТР, застревают в сознании вместо прежних леших, домовых, святых — свято место пусто не бывает. Иные из нас с тем большей доверчивостью пускают к себе «новых квартирантов», что придумавшие их действуют, так сказать, в духе века — выступают от имени науки и пытаются давать свои толкования тайнам, наукой пока что не вполне изученным.

Струю здорового скептицизма как раз и внес в «тарелочную» проблематику профессор М. Дмитриев. О его теории я узнал два года назад. Суть теории в том, что ряд необычных явлений, включая шаровые молнии, «летающие тарелки», петрозаводский феномен, загадку бермудского треугольника, тайну тунгусского взрыва и другие, вызваны не визитами на Землю инопланетян, а действиями природных сил. В различных зонах атмосферы накапли-

ваются вещества, способные вступать друг с другом в реакции, на начало и ход которых могут влиять солнечные лучи, жесткое космическое излучение, обычные молнии, аэрозоли, выделяемые в результате деятельности человека.

В зависимости от характера процесса, протекающего в них, эти природные образования (так и хочется назвать их «реакторы») могут вести себя по-разному: то неподвижно зависать, то «преследовать» самолет, точно повторяя все его движения, то, подобно фугасам, совершать резкие скачки. При этом обычно наблюдается и известный всем эффект свечения веществ, вступивших в реакцию, — хемилюминесценция. Если энергия в таких скоплениях невелика, человек может их и не заметить — лишь на экранах радаров появятся неожиданные всплески. Но сгустки энергии могут быть колоссальными. И тогда это чревато катастрофами, вроде тунгусской.

Такова теория. Она во многом подтверждена экспериментами, расчетами. И вот на тебе — снова публикация о зеленоликих инопланетянах. Профессор решил меня разыграть?

— Нет, — сказал он, — показать пример того, как люди уходят от проблем актуальных в псевдопроблематику, в уфологию. (УФО — начальные буквы английского эквивалента нашему НЛО).

— А в чем, на ваш взгляд, актуальность проблемы аномальных атмосферных явлений?

— Во-первых, изучение механизма этих явлений имеет большое научное значение. Во-вторых, мы, ученые, обязаны дать рекомендации по созданию средств защиты...

— Защиты?..

— А как же? Несколько лет назад, например, шаровая молния попала в нафталинохранилище на Макеевском коксохимическом производстве, причинив немалый ущерб. В печати был описан специально обследованный нами случай, когда шаровой молнией поразило группу альпинистов. Известны и случаи поражения животных. Обычные средства защиты от молний тут не спасают. Наконец, накопленных нами данных

уже достаточно, чтобы ставить вопрос о практическом использовании этого явления в народном хозяйстве.

— Даже так?

— Да. Энергия, которую концентрируют в себе некоторые аномальные образования, нередко достигает десяти в десятой степени джоулей. Ее можно применить с немалым эффектом, скажем, для прокладки тоннелей в горах. Перспективным представляется и получение азотистых соединений, столь нужных для производства ценных удобрений.

— Словом, проблема и впрямь актуальная. Ну а как же контакты с другими мирами? Реально это или нет?

— Я, видите ли, не сторонник гипотезы, что жизнь на нашей Земле единична. Но контакты с другими мирами... Из десяти тысяч (!) случаев, изученных нами за двадцать лет, ни один из них не дал нам оснований утверждать, что нашу планету кто-то посещал.

— Ну а как же быть с зеленолихими существами, о которых вы мне дали почитать? Ведь даже детектор лжи был пущен в ход...

— Выбор инструмента зависит от того, что собираются исследовать, — улыбнулся профессор. — Мы, например, в нашей лаборатории исследуем материальные следы, которые аномальные явления оставляют на почве, в воде, в воздухе, на негативах. Для подобных исследований у нас есть комплекс приборов как созданных нами — на них есть авторские свидетельства, так и широко известных, например, сцинтилляционный масс-спектрометр. По цвету, интенсивности, характеру све-

чений мы умеем определять, какие вещества участвуют в реакции. Некоторые явления мы научились если не «подкарауливать» в природе, то воссоздавать и исследовать в лаборатории. Мы исходим из того, что визит, даже мимолетный, из иных миров непременно дал бы нам хоть ничтожную, но материальную «улику» — хоть пылинку, хоть короткий радиосигнал. Но пока, повторяю, таких «улик» нет. А те, что есть, совсем иного свойства. Их мы и исследуем...

Примером того, как это здесь делают, служит еще одна публикация, которую профессор мне предложил прочитать. Это его (в соавторстве с другими специалистами) статья в «Журнале технической физики». Вот что там написано:

«24 августа 1978 года в 23 часа 20 минут в Хабаровске в районе Хасановской улицы во время сильного дождя... внезапно возник резкий свист, напоминавший работу реактивного двигателя и сопровождавшийся сильным треском. Стало светло, как днем. Затем над зданием кинотеатра «Заря» появилась шаровая молния ярко-оранжевого цвета. Из нее сыпались искры. Затем молния начала снижаться, прошла к поверхности земли через ветви деревьев, на мгновение вспыхнула над участком почвы и внезапно поднялась вверх. Раздался сильный взрыв, стало темно и тихо. Всего молния существовала около одной минуты. Шаровую молнию наблюдали многие очевидцы, в том числе и один из авторов этой статьи...

На расстоянии до 100 метров электропроводка была выведена из строя. Несмотря на большое коли-

чество воды на почве и проливной дождь, в зоне диаметром 1,5 метра и глубиной 20—25 сантиметров почва обуглилась и расплавилась. Общий объем зоны, заполненной шлаком, составил 0,4 кубометра...»

Дальше — тщательно зафиксированные технические подробности: описание шлака, размеры его комков, снимки их, данные радиометрии, проверенные в НИИ ядерной физики МГУ. Но и это не все. Описано, что явление было повторено уже искусственно в лаборатории, вычислена энергия вспышки, оценена температура — ее хватит, чтобы расплавить кварц.

Заметим: в зарубежной публикации об инопланетянах о материальных подробностях нет ни слова. Допущение об НЛО целиком основано лишь на рассказах! И еще отличие. В хабаровском варианте хоть и есть масса точнейших подробностей, но выводы на их основании сделаны весьма сдержанные: можно считать, что наиболее вероятный механизм шаровой молнии связан с мощным высокочастотным магнитным излучением в таком-то диапазоне частот при такой-то длине волны. И никаких тебе зеленолицых!..

— А как же иначе? — говорит профессор. — Обсуждение проблемы, лишенное материальных подтверждений, походило бы на религиозный сход, где все вертится вокруг вопроса — верить или нет. Предоставим подобные споры уфологам. Один из них, кстати, меня упрекал в открытой печати за приземленность моих научных интересов, за неверие в скорую встречу с братьями по разуму...

Профессор вздохнул.

— Гораздо больше меня беспокоит подход к проблеме иных наших ученых. По мнению одних, мы изучаем не реальные явления, а непонятно что. Это — прямое отрицание проблемы. Есть и косвенное — попытки свести ее к отдельным, случайным, разрозненным казусам вроде скопления насекомых, оптических обманов, шаров-зондов. Казусы, разумеется, случаются. Но едва ли можно объяснить только казусами несколько тысяч изученных нами случаев. Да нужно ли замалчивать широко известные факты? Ведь бы-

ло же: французская Академия наук в свое время налагала запрет на всякое упоминание о метеоритах, объявив их несуществующими. Но от этого они не перестали падать на Землю. А с другой стороны, замалчивание проблемы с целью уменьшить количество нездоровых спекуляций вокруг нее обычно достигает обратного эффекта. Люди рассуждают: раз от нас что-то скрывают, значит, неспроста. Значит, есть что скрывать. Появляется еще один импульс для увлечения уфологией. Досадно, что в некоторых наших изданиях неосторожно относятся не только к ней, но и к попыткам дать ей отпор с научных, материалистических позиций.

Не везет проблеме НЛО и в другом. Возникла она на стыке наук. А вот как они при этом стыкуются, взаимодействуют — тоже вопрос.

Известно, скажем, что наряду с хемиллюминесцентной теорией не так давно возникла другая, выдвинутая профессором Института океанологии Г. Баренблатом и директором института членом-корреспондентом АН СССР А. Мониним. О ней некоторое время назад рассказывалось в «Известиях». Суть ее в том, что «тарелкообразные образования» — это своего рода воздушные волчки, которые могут служить ловушкой для аэрозолей.

Профессор М. Дмитриев, тщательно следящий за всем, что относится к проблеме, знает и об этой — турбулентной теории. Почему не предположить, что океанологи рассматривают не электрическую и химическую, как он, а аэродинамическую сторону одного явления? Как знать, может быть, воздушный волчок и есть тот «котел, где природа готовит смеси токсичного действия, что могло стать причиной несчастий в «бермудском треугольнике»? А может быть, в таком волчке рождается угроза взрыва вроде тунгусского (результатом которого, как уверен М. Дмитриев, было выпадение на землю биологически активных азотистых соединений, удобривших почву и потому вызвавших «акселерацию сосен»)?

Приготовив эти и другие вопро-

сы, обращаюсь в Институт океанологии к Г. Баренблату. Что же узнаю? Ни о Дмитриеве, ни о его теории здесь и не слышали. Очень это странно: ведь его работы известны не только у нас в стране. Вот, например, недавно вышедшая в Нью-Йорке солидная монография Д. Барри «Шаровые и точечные молнии» («Об экстремальных проявлениях атмосферного электричества»). В библиографическом списке к ней более ста восьмидесяти названий. Больше других названо работ академика П. Капицы и профессора М. Дмитриева. А ссылок на труды океанологов нет ни одной. Говорю это вовсе не в упрек им. Но все же хочу спросить: как можно заниматься проблемой, не узнав, что и кем в ней сделано до тебя?

Известно еще одно направление исследований. Оно представлено в брошюре Института космических исследований АН СССР «Наблюдения аномальных атмосферных явлений в СССР». В этой работе отражена не сама проблема, а скорее подступы к ней: сделан статистический анализ нескольких сот свидетельств очевидцев. Только свидетельств — без каких-либо ссылок на материальные «кулики». Не делают авторы и попытки объяснить природу явлений. Следовательно, каждый, читающий брошюру, волен давать написанному в ней собственную трактовку. Словом, разные взгляды на проблему разрабатываются изолированно друг от друга, без контактов и обсуждений, столь необходимых научному знанию. Думаю, что это — не лучший подход.

И вот еще что. Почти ежедневно по адресу: «Москва, Институт общей и коммунальной гигиены» приходят письма со всех концов страны. Добровольные помощники сообщают ученым о том, где, когда, при каких обстоятельствах были свидетелями аномальных атмосферных явлений. Читаю: «...Светящаяся полусфера быстро перемещалась по небу в восточном направлении на высоте 3,5 тыс метров». «...После взрыва шара так пахло серой, будто сожгли целый ящик спичек». Этими свидетельствами постоянно пополняется картотека руководимой профессором лабора-

тории. Конечно, не все письма равноценны. В ряде их — повторы, общие места, сведения, которые трудно проверить. Ценность же представляют те свидетельства, которые можно подтвердить, «пощупать» приборами.

Это — неперемное условие. Ибо еще в древности сказано: «Не все видимое есть суть». А позднее: «Не верь глазам своим». И это правдливо. Ведь именно глаза убеждали нас, что Земля плоская, что мир неделим на какие-то там молекулы и атомы. Приборы нас в этом разубедили. Но случилось, что и они, приборы, поражали исследователей жутким открытием: «Материя исчезла!» Но оказывалось, вовсе нет. Просто нужны приборы поточнее. А к ним — это непременно — голова. Таков уж тернистый путь познания.

Читаю три, пять, десять писем из разных концов страны и — странное дело — не встречаю в них ни одного упоминания о «зеленолицих». Почему бы это?

Профессор улыбается.

— Многое тут зависит от того, на что направлен интерес людей. Отрадно, что интересы большинства наших корреспондентов, их пытливость, наблюдательность направлены на постижение реальных тайн реального мира. Свидетельства этих людей помогают нам, ученым, и мы благодарны за эту помощь.

ГРОМООТВОД — СОЛОМА,

ИЛИ

Из истории научных заблуждений

Это — не шутка. Такие громоотводы (правильнее было бы сказать — молниеотводы) испытывали на юге Франции в начале прошлого века. Под влиянием теории Вольты об электрической природе облаков французы, как писали старинные журналы, «поставили во множестве на домах, ветряных мельницах, холмах самые простые отводы, состоящие из соломенных веревок, поддерживаемых высокими шестами». Вскоре и один русский ученый, горячо ратуя за распространение сих молниеотводов в России, писал, что официальные сообщения из Франции не оставляют никакого сомнения в новинке. И, дескать, французским ученым вполне можно верить, потому что они участвовали в испытаниях тех отводов, сделанных из ржаной соломы. Он утверждал: «Летом в 1822 году французам стало ясно, что все те деревни, коих поля уставлены были достаточным количеством отводов, или совсем ничего не потеряли от града, или потеряли очень мало».

«Итак, последуем примеру юной Франции» — призывал русский ученый. Однако, кажется, никто не последовал примеру французов. Соломенные веревки, даже и намоченные, не могли стать надежными молниеотводами. По крайней мере теперь град «вытряхивают» из облаков, чтобы спасти виноградники, совсем не так: стреляют в небо из орудий или рассеивают над облаками с самолетов специальные порошки.

Г. ЛЮСИНОВ

О ФОРМАХ

**Александр
ЧУМАНОВ**

Рисунок
Е. Стерлиговой

КОНСТРУКТОР ЭЛЬЧЕН

После второго курса Эльчен вынужден был покинуть по профнепригодности Академию Изыщных Искусств, ошастливленный дипломом Конструктора — обычной компенсацией для неудачников. Конструкторам, в общем-то, жилось неплохо. Они прилично зарабатывали, нередко вдвое больше, чем Композиторы, они долго жили, от них не требовалось оригинальности. Конструкторы обживали космос, добывали энергию и вещество. Уделом Композиторов было творчество, они жили на Земле и покидали ее лишь затем, чтобы пополнить запас впечатлений.

Вот уже много лет Эльчен занимал скромный пост учетчика «черных дыр» одной из галактик. После того, как энергия очередной «черной дыры» иссякала, Эльчен составлял акт о списании в четырех экземплярах и отправлял его начальству. Начальство думало, как одолеть надвигающийся энергетический кризис, а Эльчен получал законный отпуск на Землю. «Домой», как принято было говорить.

Экономный Эльчен трансформировался в пучок нейтрино и отправлялся в путешествие со скоростью света. Конечно, добираться приходилось очень долго, но спешить было некуда: отпуск предоставлялся на месяц, не считая дороги.

На Земле Эльчен бывал на концертах биомузыки, на выставках биоживописи, смотрел новые биоспектакли. Искусство, как и во все времена, далеко опережая строгую науку, решало глобальную и неразрешимую, как абсолютная истина, задачу — искало Первичную Форму.

В древнюю эпоху один мыслитель заявил, что знает доказательство существования Первичной Формы человека и даже самое Форму. Но обнародовать свое открытие не успел: внезапно рекомбинировался, оставив человечество в неведении.

И ФОРМУЛАХ

Скептики утверждали, что никакой Первичной Формы не было, что во все времена человек имел квантово-корпускулярную природу. Многие Композиторы в душе соглашались с этим, но вслух не признавались и продолжали творить на основе кремния и углерода, электромагнитных волн и атомной радиации. Они создавали диковинные подвижные объекты из органики и неорганики, причудливо вращающиеся вихри радиоволн и нейтронов, представляя это на суд попидавшей всякое публике. Сами они верили, что создают «нетленку», однако проходило время, их творения блекли, казались наивными, дилетантскими, примитивными. Первичная Форма ускользала, и в принципе это всех устраивало, потому что создание Первичной Формы означало бы, что создавать больше нечего.

У Эльчена было хобби. Внутренне он так и не согласился со строгой академической комиссией и в свободное время часами просиживал в своей домашней биомастерской, терпеливо складывая атомы водорода и углерода, скручивая молекулы ДНК. Эльчен радовался каждой живой клетке, если она получалась, и горевал, когда некоторые клетки гибли. Он не знал, каков будет результат, боялся окончания работы, и все же настал день, когда Эльчен решил: «Пора!».

Эльчен еще никогда не спешил так в отпуск. Он даже отважился на искривление пространства, что стоило ужасно дорого, — так хотелось поскорее попасть домой.

Его произведение было почти готово, оставалось включить автономный режим, что на жаргоне Композиторов называлось «вдохнуть жизнь». На всякий случай Эльчен приготовил аннигилятор, чтобы, если понадобится, сразу уничтожить созданное, распахнул мастерскую и... почувствовал себя плохо.

Созданный им материальный объект интенсивно излучал низкочастотные волны мощностью в восемьдесят децибел. «Не получилось!» — с невыразимой горечью подумал Эльчен и навел аннигилятор. Но понял, что не в силах сделать это.

Эльчен быстренько сконструировал питательный раствор из остатков строительного мате-

риала и ввел его в организм живого существа. Стало тихо. И Эльчен задумался. «Старый дурак!» — ругал он себя, видя, насколько плохо все получилось. Создание оказалось слабым и совершенно непригодным к самостоятельной жизни. Первичная Форма если и существовала когда-нибудь, то было это в трудные времена жесточайшей борьбы за само существование. Конечно же, даже отдаленно она не могла походить на его произведение.

Отпуск пролетел незаметно. Эльчен принял облик созданного им уродца и ни на минуту не отходил от него. А уродливое существо пачкалось и мочилось, постоянно требовало белков, жиров, углеводов, микроэлементов. Оно не могло самостоятельно передвигаться.

Эльчен боялся насмешек, несколько раз брался за аннигилятор и снова откладывал ору-

жие. Он взял отпуск за свой счет, потом и вообще подал в отставку, отгородился от мира непрозрачной снаружи сферой. Скромная пенсия — миллиард киловатт-часов в год — почти целиком уходила на поддержание этой защитной сферы, но им двоим хватало и того, что оставалось.

А существо росло, оно уже тихонько передвигалось на четырех слабых конечностях. Эльчен быстро привык к частым всплескам звуковых волн, он даже беспокоился, когда их долго не было.

И однажды, проснувшись на рассвете, оно потянулось к Эльчену и произнесло совсем тихо: «Ма-ма...» И Эльчен понял все, и мир перед ним заструился, стал неконтрастным.

И он подумал: «Вот то, что погибнет без меня и без чего я не хочу существовать».

«Бог с ней, с Первичной Формой; — подумал тысячелетний Эльчен, — может, ее и не найдут никогда...»

ГОРЫНЯ

Старый Федул отродясь не зорил птичьих гнезд. Но тут врожденная страсть к исследованиям оказалась сильнее. Незвестная птица, вспорхнув из зарослей, затаилась где-то, а единственное яйцо удивительного голубого цвета осталось лежать под ногами. Оно было какое-то невероятно тяжелое и угловатое.

Чуть не бегом возвратился Федул домой с яйцом за пазухой. Он торопливо согнал с гнезда испуганную наседку. Ни секунды не колеблясь, выкинул несколько куриных яиц, освобождая место, и вышел из курятника.

Дни ожидания тянулись невыносимо. По несколько раз на дню, проклиная себя за нетерпение, старик пробирался в курятник, осматривал яйцо через мутную исцарапанную лупу, острожно скоблил желтым ногтем скорлупу, обнюхивал. А потом мучился от мысли, что частым вмешательством своим мог повредить будущему птенцу.

Однажды ночью его разбудил истощный куриный крик и лай забившегося под избу Полкана. «Неужели лиса?» — с тревогой подумал старик, с грохотом врываясь в курятник и волоча по земле белые вязки от кальсон. В воздухе плавали перья.

Федул осветил фонариком гнездо и оторопел. Шесть желтых глаз смотрели на него, не мигая. В гнезде что-то шевелилось, поблескивая в свете фонаря. Федул перекрестился и потянулся за топором.

— Уа! — голосами человеческих младенцев запищали три пасти, усеянные мелкими зубами.

Топор остался на месте. Страх исчез, и старик заметил, что вылупившееся только что существо мокрое и дрожит от холода. Заметил, как оно неумело замахало голыми прозрачными крылышками и доверчиво потянулось к нему всеми тремя головами.

Федул взял корзину с гнездом под мышку и пошел в дом. Тщательно завесив окна, включил свет. В корзине, опираясь на две когтистые лапы и толстый покрытый чешуей хвост, стоял Змей-Горыныч. Вернее, совсем маленький беспомощный змееныш. Три склоненные набок головки смотрели на старика доверчиво и по-детски.

— Ах ты, сердешные! — изумленно сказал сроду не имевший детей Федул.

Он оторвал кусок белого, приготовленного на смерть полотна, согрел воды в тазике и просто, как будто ничего удивительного не происходит, позвал: «Горыня, иди сюда!». Чуть посомневавшись, добавил: «Цып-цып!».

Птенец неуверенно вышагнул из корзины и, переваливаясь, падая на крашеном полу, пошел на зов.

Манная каша пришлась Горыне по вкусу.

Старый Федул повадился ходить за двенадцать верст в лавку сельпо. Он уже давно получал маленькую колхозную пенсию, был последним жителем опустевшей деревни, ему выстроили на центральной усадьбе маленький домики, куда Федул собирался переселиться осенью.

Набрав кучу продуктов, он зашел в правление, молча подал секретарше мятую бумажку и поспешно вышел. На бумажке было нацарапано: «Переезжать отказуюсь». Председатель удивился и рассердился, хотел тотчас же ехать узнавать, в чем дело, да заела текучка.

...Через две недели Горыне стало тесно во дворе. Просунув хвост в подворотню, он клал головы на конек крыши и терпеливо глядел вдаль, поджидая Федула. Вечерами старик выгуливал своего питомца. Горыня любил лакомиться верхушками деревьев, но при этом не опустошал окрестные леса, щипал деревья понемножку, чтобы они не погибли. С оглушительным ревом, так что дрожали стекла в доме, он разбегался, пытаясь взлететь. Из пастей вылетали языки пламени, из ноздрей валил густой черный дым.

— Не балуй с огнем, выпорю! — кричал Федул и часами бегал по поляне, рыча и маша руками, показывая, как, по его мнению, следует летать. Обзывал Горыню «олухом царя небесного», возмущался: — В кого ты только такой уродился?!

— Я же реактивный, батя, — смущенно оправдывался Горыня. — Мне крыльями махать не положено.

Но однажды Горыня взлетел. Неуклюже покачиваясь в воздухе, он долго тянул на бреющем. Когда старик, задравший внизу голову, уже почти потерял надежду на удачу, Горыня сделал невероятное усилие и, заложив глубокий вираж, срезав крылом верхушку у сосны на опушке леса, набрал высоту.

И на выселках был праздник. Федул, выпив три стакана бражки, врал, что был в войну летчиком, а Горыня сидел на улице и, засунув головы в распахнутые окна, глядел на старика преданными глазами.

Целыми днями и ночами летал теперь Горыня. Он научился изменять геометрию крыла и стартовал почти с места. Черной точкой он скрывался в тучах, чтобы потом с леденящим кровью свистом и ревом обрушиться вниз и затормозить у самой земли. Он сам придумал «мертвую петлю», «бочку» и другие фигуры высшего пилотажа.

— Покатай старика, Горыня! — сболтнул как-то Федул и тотчас испугался и передумал, но было поздно.

С тех пор они летали вместе. Старик приспособил старое кресло в пасти средней головы,

купил защитные очки и мотошлем. Он командовал сам себе: «Не курить! Пристегнуть ремни!». И они летели.

Однажды они увидели большой самолет. И поняли, что самолет падает.

— Жми, Горыня! — закричал Федул.

Впервые они летели с такой большой скоростью. Тонкие перепонки крыльев вибрировали, угрожая вот-вот лопнуть. И Горыня подставил широкую спину под фюзеляж.

Ему не хватило сил погасить скорость самолета. Он смог только задержать падение и выбрать подходящую поляну.

Самолет накренился, зацепился крылом за дерево и остановился. Взрыва не произошло.

Люди выбирались из него, помогая друг другу, и видели под ногами что-то мягкое, раздражающее, теплое. Горыня лежал под самолетом с разорванным брюхом, из ноздрей еще поднимались легкие струйки дыма.

— Фу, какая мерзость! — сказала молодая женщина, старательно обходя черную, пахнущую смертью лужу. — Куда это мы вляпались?

Люди нервно смеялись, оправляясь от страха, с любопытством рассматривая невиданное чудовище, раздавленное самолетом. Снова смеялись и не понимали, почему плачет худой старик в мотошлеме.

СТАРИК И МОРЕ

По ночам море подступало к самому дому. Оно ворочалось у дверей, вздыхало протяжно, лизало горячие камни шершавым соленым языком. Когда поднимался шторм, море бросало в окна колючие брызги, старый дом дрожал и скрипел в ответ, и море щадило его.

Одичавший сад обступал дом с остальных трех сторон. С тех пор, как за садом перестали ухаживать, он сам разделался со своими врагами и неудержимо разросся, покрыв зеленью валуны, ветхий забор и сам дом. Он даже взобрался на некогда красную черепичную крышу, и теперь на самом коньке нелепо торчала маленькая кривая слива.

По утрам, когда солнце начинало робко заглядывать в окна, старый белый человек, кашляя и кашляя, выходил из щелистых дверей и растоплял в просторном дворе прокопченную дымную печку. Лохматый столб дыма упирался в желтовато-голубое небо. В большом древнем тагане, оставшемся, может быть, со времен татар-монгольского ига, старик затевал свое еже-

дневное нехитрое варево, которое называлось «шти». Старик ждал гостей. Он ждал их всегда, и гости приходили к нему каждое утро по узкой тропке вдоль берега. Каждый день гости были разные, и всех их старик встречал одинаково радушно. Гости ели огненные «шти», купались в море, отдыхали в саду, а старик, прищурившись, глядел на солнце, и глаза у него слезились. Все рассказывали ему небывалые истории о своих путешествиях, а старик внимательно слушал, кивал, улыбался и всех просил быть осторожней.

...Дорого обошлись человечеству первые межзвездные перелеты. Путешествие к центру галактики требовало каких-то месяцев, но по возвращении грозило обернуться миллионами лет. Знания, добытые отважными космопроходцами, оказались давно устаревшими и, стало быть, никому не нужными, а сами путешественники превращались в безнадежных отщепенцев. В отчаянии они вновь и вновь бросались в космос, бесследно пропадая во времени и пространстве.

Раздавались голоса о том, что надо запретить совсем сверхдалние перелеты; кое-кто поговаривал, что человечество зашло в тупик, из которого нет выхода. Земля, до сих пор считавшаяся колыбелью человечества, вдруг стала его тюрьмой.

Но выход нашелся. «Все — в космос!» — таким стал лозунг дня. Технические трудности в конце концов были преодолены. Тысячи кораблей ежедневно покидали Землю. И постепенно Земля опустела. Человеческая цивилизация стала кочующей, процветающие колонии заполнили галактику.

Но во всех слоях времени, во всех человеческих мирах люди помнили, что есть в бесконечном космосе планета, которая зовется Землей и на которой живет старик. У самого синего моря...

Время от времени непонятное чувство выбивало человека из колеи, лишало сна. Он мчался в космопорт: сообщение с Землей было регулярным.

А старик привечал всех. Он жарил бычков, которых гости ловили в море. Волнующий запах «штей» стоял, казалось, по всей округе.

К вечеру гости уходили. Они были веселы, молоды, энергичны. Звали старика с собой, обещали навестить его снова.

Старик тщательно прибирал двор и все вокруг, готовил на утро дрова, приправы для «штей». Потом ложился на узкий твердый топчан и подключался к тщательно замаскированной под коврик розетке. К утру он набирался сил.

Проверьте вашу память

Нетрудно заметить, что оба тура нынешней викторины получились тематическими: «фантастика в собственном соку» — так можно было бы определить большинство вопросов первого из них, второй же имеет четкий уклон в математику. Вопрос о событиях, «запланированных» фантастами на текущий год, мы, как и обещали, перенесли в самостоятельную третью часть викторины — разминку для КЛФ. Итоги первой такой разминки будут подведены в мартовском номере. В новой же, как нам кажется, задания возобладали над вопросами: редакции хочется извлечь максимальную пользу для себя из этого нового состязания. Кстати, честно предупреждаем: вопросы пятый и восьмой (как, безусловно, и девятый) станут, скорее всего, традиционными, — если, разумеется, у клубов не возникнет серьезных возражений.

Читатели-одиночки, не охваченные клубами, могут, как и прежде, рассматривать разминку — в особенности трудоемкий вопрос о «запланированных» событиях — как необязательное дополнительное задание повышенной трудности.

Авторы вопросов викторины-83 — В. БРИГАДИР [Шаргород Винницкой обл.], Г. ГЛЕЙХ [Коряжма Архангельской обл.], А. ГРОМОВ [Мурманск], В. ГУРЕВИЧ [Комсомольск-на-Амуре], В. КАРАБАЕВ и Р. КАДИКОВ [Уфа], В. КОЛЯДИН [Рязань], Г. КУЗНЕЦОВ [Новосибирск], Е. КУЛИНИЧ, В. ЧЕРНИК и П. РОСКЛАДКО [Горловка], К. НИКИФОРОВ [Куйбышев], И. ПАВЛОВСКИЙ, С. БИТЮЦКИЙ и В. РЫБКИН [Ростов-на-Дону], А. ПОЧУЕВ [Донской Тульской обл.], А. ПРОМЫСЛОВСКИЙ [Котовск Тамбовской обл.], А. СМИРНОВ и Ю. ЛЕВИН [Донецк], КЛФ «Контакт» [Горловка] и Бакинский городской КЛФ.

I.

1. С младшим научным сотрудником НИИЧАВО Александром Ивановичем Приваловым вы, разумеется, знакомы. Известен ли вам еще один Привалов — Борис Иванович, руководитель отдела другого НИИ?

2. Кто из героев НФ пытается совершить восхождение на голец Подлунный?

3. «Когда-то я мечтала сыграть Аэлиту; раз десять бегала смотреть фильм; меня злило, что Солнцева играет женщину-вамп, — разве это Аэлита?..» Откуда взята эта фраза? Не встречались ли вам в фантастике какие-либо другие «следы» романа А. Н. Толстого, поставленного по нему фильма и их героини?

4. Постарайтесь припомнить произведения, в которых писатели-фантасты в качестве действующих лиц выводят самих себя.

5. «Вы бывали на проспекте Уэллса? Нет? А я бывал. Кто этот «я»? И кто собирался вывести из осьминогов уэллсовских марсиан, чтобы напустить их на Лондон?

6. В каких НФ произведениях герои поют «Дубинушку», «Сулико», «Ревела буря»? Не удастся ли вам продолжить список песен, исполняемых в НФ произведениях?

7. «Вчера один из лаборантов упомянул о Шекспире... Я догадался: Шекспир довольно известный литератор, работает в жанре драматургии ужасов. По-видимому, он пишет и сценарии для детективных стереофильмов». Откуда взят этот отрывок? А вот этот: «Вы, конечно, шутите. «Отелло», чудесная древняя драма, плод бессмертной фантазии Шекли...» И не встречался ли вам в фантастике сам Шекспир?

8. «— Господа, разрешите представить: господин Николай Ложкин,

Тот самый. Полагаю, вам все известно об этом замечательном человеке». А вам, читатель? В каком произведении представляют «того самого» Ложкина?

9. Представьте себе, что вы — один из полномочных представителей Земли на межпланетной конференции по НФ и вам поручен отбор произведений для многотомной серии «Лучшее в фантастике» — по сектору советской НФ (любых лет издания). Какие 10 лучших романов, 10 повестей и 10 рассказов вы выберете для этой серии?

II.

1. «...Слой воздуха только на расстоянии одного километра от поверхности Земли равен по объему по крайней мере полумиллиарду кубических километров. А более или менее однородный по плотности воздух тянется на восемь километров вверх... Сколько еще не использованного сырья!» Откуда взят этот отрывок?

2. «— Раз, два, три — да это перевернет весь мир! Раз, два, три! Ага... так, так, так! Это станет моим боевым кличем, целью и оправданием всей моей жизни! Раз, два, три! Да это важнее, чем изобретение колеса или парового двигателя! И как просто! Да! Я посвящаю этому всю свою жизнь!» Кто и где произнес эти слова?

3. «Я вынул карандаш и нацарапал на полях газеты: ДНДДННДД. — Что это? — спросил я. — Сто семьдесят девять...»
Что это за система счета, и где она фигурирует?

4. «— Корова... — с усмешкой начал Диего. — Это такое большое животное с четырьмя ногами по углам...» Где корове было дано столь странное определение?

5. Кто из фантастов отдал дань знаменитой задаче о Буридановом осле?

6. «Что больше — квадратный метр или секунда?» Откуда это? И где время измеряется десятками метров? А в тоннах, килограммах, граммах? Наконец, не встречался ли вам закон сохранения времени?

7. «...Его математическая логика была невероятной, глубина мысли бездонной, метод решения безукоризненным. Нет сомнения, что если бы самые гениальные математики всех веков и народов, такие, как Ньютон, Лейбниц, Гаусс, Эйлер, Лобачевский, Вейерштрасс, Гильберт и многие другие, увидели, как реша-

ется эта задача, они бы удивились не менее, чем я». Откуда взят этот отрывок?

8. а) «Найдите три четырехзначных числа, каждое из которых равно квадрату суммы чисел, составленных из двух первых и двух последних цифр искомого числа»; б) «Если полтора цыпленка за полтора дня снесут полтора яйца, то сколько яиц снесут девять цыплят за девять дней?»; в) «Синус косинуса, помноженный на тангенс гипотенузы, получается два мышинных хвостика и птичий клюв в остатке...» При желании можно, конечно, прибегнуть к математике, однако для нас важнее узнать: кто и где решал эти задачи?

9. Предложите ваши вопросы для нозой викторины. Назовите самый интересный, на ваш взгляд, вопрос викторины-83.

Победители викторины [мы определим их по итогам обоих туров] получат по традиции книги с автографами советских писателей-фантастов.

Ответы на вопросы первого тура нужно отправить до 1 мая, на вопросы второго тура — до 1 июня 1983 года.

К школьникам просьба: не забывайте сообщать, в каком классе учитесь.

Разминка для КЛФ

1. Попробуйте составить НФ отряд космонавтов, первыми долетевших до Альфы Центавра.

2. «...Волосы встали на голове его дыбом, и он присел без чувств на месте от ужаса. Да и было от чего, впрочем... Ночной приятель его был не кто иной, как он сам... одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях». Откуда взята эта цитата? Подыщите описания других подобных встреч, если удастся — систематизируйте их.

3. Кто такие «кожанчики»? Известны ли вам синонимы этого термина?

4. Сколько раз и под какими названиями печатался на русском языке рассказ Г. Гаррисона «Мастер на все руки»?

5. Расскажите (желательно — кратко, но живо) о самом интересном прошлогоднем заседании вашего КЛФ.

6. Сочините пародию на произведение кого-либо из советских фантастов (на ваш выбор).

7. Составьте вопросники для возможных анкет по фантастике: а) среди писателей-фантастов, б) среди критиков и литературоведов, в) среди читателей.

8. Подготовьте список памятных дат по НФ на 1984 год.

9. В каких НФ произведениях упоминается 1983 год? Не удастся ли вам и на этот раз составить хронике событий, «запланированных» на нынешний год фантастами?

10. Предложите ваши вопросы и задания для новой разминки.

Участники предложенной нами разминки должны отправить свои ответы до 1 мая 1983 года. Клубу-победителю будет выслана подборка книг с автографами фантастов.

Мачеха

Эвенкийская сказка

Любить уметь надо. Не умеешь — не берись, только любимому навредишь.

В большой долине охотники-эвенки жили. Звали хозяина Яку. Звали хозяйку Чипит. А дочку Аситкан. Все в этой семье любили друг друга. Но каждый любил по-своему. Яку любил жену и дочку — рубил и носил дрова, добывал зверя, рыбу ловил, игрушки мастерил.

Чипит любила дочку и мужа — шила одежду и обувь, очаг разжигала. Мясо варила и сушила. Растопленный жир и костный мозг им подавала.

Аситкан же любила вот как:

— Не хочу хуликтэ! Хочу кукрэ! С бульоном!

А хуликтэ — это сушеное мясо. А кукрэ — мясная мука. Вкусную пищу требовала каждый день Аситкан. И ей приносили.

— Зачем мне ваше кукрэ? Хочу медвежий глаз!

— Ой-хой! — пугается мать и оглядывается. Ведь хозяин тайги услышать может. Что тогда?

— Глаз принесите!

Да такие слова и говорить-то нельзя! Глаз глотает тот охотник, который зверя добыл. Чтобы зорким и сильным быть. Как медведь.

Весь день плачет и капризничает Аситкан. Всегда недовольна. Требует, кричит.

Однажды заболела мать. Лежит и плачет. Не себя — дочку жалеет:

— Как ты теперь жить будешь? Кто тебе в постель кушать подает? Кто песенку споет?..

Умерла мать у Аситкан. На другой женился отец. Женщина оказалась тоже добрая, ласковая, мастерица-рукодельница.

— Сходи, доченька, собери дров, а я пока воды принесу.

— А как? — удивляется Аситкан. — Я не умею.

— Ну хорошо, — соглашается женщина. — Принеси воды, а дров я сама нарублю.

— А где ее взять?.. Я боюсь!

Все делает добрая женщина — воды принесет, бересты на растопку наберет, дров нарубит, обед сварит. Но часто думает:

— Как жить будет в тайге девочка? Пропадет. Надо учить.

Однажды дала она девочке топор:

— Иди, наруби, Аситкан, хворосту.

Попробовала девочка, а хворостинка ей — в лоб. Заплакала неженка:

Ой-хой-пэй!

Злую женщину привел отец!

Замучила мачеха

маленькую Асит.

Ой-хой-пэй!

Пошла она сама не знает куда. В темную, незнакомую тайгу пришла. Большие сосны тесно стоят. Как стрелы в колчане у отца. В тучи вершинами упираются. Вот какие высокие! Ветер деревья раскачивает. Царапают ветки о стволы, а девочке кажется, что крадутся к ней дикие звери со всех сторон. Сыро, темно, странно.

Сильно испугалась Аситкан. Сжалась вся. Потом спряталась под куст и уснула. Проснулась — лес кругом. И звезды на темном небе. Сразу вспомнила, где она. Встала. Назад посмотрела. В ту сторону, куда одно плечо смотрит, повернулась. Потом в ту, куда другое. И увидела огонь костра вдалеке. Обрадовалась, пошла. Два раза солнце за высокую гору спать ложилось. Два раза вставало. А девочка все пла.

И вот уже близко костер.

— Иди сюда-а, Аси-ит,— слышит девочка страшный голос.— Иди-и, не бойся-а!

У огня сидит огромное чудище. На голове его не волосы — лес растет. В лесу стада оленей бродят. Волки рыщут. Птицы летают.

Обкопал великан горное озеро, обложил его валежником. Вот какой костер у него! Такого большого костра Аситкан никогда не видела. Даже на празднике в стойбище он бывает меньше. А великан все подбрасывает и подбрасывает дрова. Вся рыба в озере сварилась. Чудище вылавливает ее и ест. И гостью угощает.

Аситкан хнычет:

— Мне мама косточки вынимала. В рот сама клала.

Заохотало чудище. Из черных, пустых, как пещера, глаз брызнула грязь. Зубы застучали, будто Агды-гром рассердился в тучах. Лес на его голове затрясся. Олени, соболи, волки, охотники — все посыпались в кипящее озеро.

— Что ты делаешь!? — закричала девочка.— Зачем людей сварил?!

Перестал великан трястись. Посмотрел на девочку. В глазах-пещерах огонь вспыхнул:

— У тебя доброе сердце? Это хорошо,— вылавливает великан людей из воды, дует на них. Только дует, а человек глаза открывает.

— Маленьких рыбешек жа-алко-о! — стонет девочка.

Выловил великан мальков и икру рыб. Положил их в большой чумаш и говорит:

— Неси их в реку Зею. Отпусти — спасешь.

Подняла Асит чумаш, а с места не может сдвинуться.

— Тяжело! Не могу! Не хочу!..

Повернулась в сторону костра, там же нет никого. Ни озера, ни чудища, ни огня. Стеной лес стоит. Старые лиственницы поскрипывают, будто жалуются.

Вздохнула Аситкан, пошла. Долго пла. Проголодалась. Видит — на веточке ягоды. Вспомнила, что ей мама такие приносила. Какие вкусные были! А как их рвать — не знает. Выбежала из норки мышка:

— Научу тебя, Аситкан.

Мышка рвет ягоды, в рот кладет. Аситкан посмотрела на нее и сама так же наелась. Сня у нее прибавилось.

А тут небо тучами заволокло. Дождь пошел. Вымокла Аситкан, заплакала громко. Высунулась белочка:

— Хворосту набери, костер разожги, обсохнешь!

Стыдно стало Аситкан. Все в лесу все умеют. А она нет. Тогда научила ее белочка, как хворост собирать. Научил зайчик огонь добывать. Взял в лапки две гнилушки. Тёр-тёр! Тёр-тёр! Они и задымилась, потом огонек вспыхнул. Обсушилась девочка. Дальше пошла, песни запела.

Сосны большие и зверушки малые, звери и птицы — все помогали Аситкан. Дорогу на Зею указывали. Долго был путь. Пока шла, всему научилась. Высыпала рыбешек в реку, хотела уже уходить, да видит — великан сидит.

— Молодец! — похвалил он ее.— Теперь мне поможешь землянку голомо построить, потом домой пойдешь. Чтобы землянка была лучше моей старой. Чтобы дождь не мочил. Чтобы ветер не дул. Чтобы солнце не жарило и чтобы я не мерз.

Принялась Аситкан за работу. Лето яму копала. Зимой деревья валила. Лето яму деревьями закрывала. Зимой крышу землей забрасывала. Доволен остался работой великан.

— Отпускаю тебя домой,— сказал он.— За работу награжу. Дам тебе волшебный камешек. Будешь лежать, а в рот тебе будут свежие лепешки падать.

— Не хочу я такой камень,— говорит девочка.— Я теперь умею работать. Сама лепешек напеку. Приходи, угощу.

Пришла домой, а в чуме холодно, все разбросано. Дров нет. Но лишь два раза ворона каркнуть успела — в чуме прибрано, очаг топится, мясо варится. Приехали родители, похвалили девочку. Поели готового и спать легли. Взяла Аситкан веревку и пошла за хворостом. А над головой птичка поет:

Хорошую женщину

привел Яку!

Очень хорошую!

Женщину-волшебницу.

Полюбила женщина

маленькую Асит.

Обернулась великаном,

белочкой.

Научила женщина

девочку трудиться!

Хорошая жена у Яку!

Хорошая дочь у Яку!

Эга, эгэхэ!

Кая-каяс-огой!

Асит подпевала птичке. А пришла домой — позвала добрую женщину:

— Энин!

А это значит — мама. А слово эмирэн навсегда была Асит. Это злое слово. Оно значит — мачеха.

Записала и обработала
Галина ГОРБУНОВА

Рисунок
С. Сухова

«Малютка»

весом 900 килограмм

Самые любопытные ценители самоцветов, других удивительных уральских камней — и те зачастую даже не подозревают, что экспозиция геологического музея в Свердловске начинается... на улице. Лишь под открытым небом его хозяева нашли место для уникальной жеоды лимонита (бурый железняк), обнаруженной в начале века при разработке одного из южноуральских рудных месторождений. Жеоды — сами по себе редкие минеральные образования, напоминающие формой скорлупу грецкого ореха, — обычно не велики по размерам. Но уральский «железный орех» — словно обгоревший в атмосфере земли космический корабль инопланетян. Он свободно вмещит несколько взрослых людей. Его вес — без малого 10 000 килограммов.

Геологический музей в Свердловске, созданный к Международному геологическому конгрессу 1936 года (конгресс про-

ходил в СССР), располагает многими другими уникальными экспонатами. Среди них — кристалл горного хрусталя под названием «Малютка». Свое имя этот почти 900-килограммовый прозрачный камень, ограненный самой природой, получил не случайно: он оказался одним из самых «низкорослых» в семействе гигантских кристаллов, найденном несколько лет назад на Полярном Урале.

В музее хранится любопытная коллекция золотых самородков: они в большинстве своем совсем крошечные, но зато представляют все разнообразие уральского самородного золота.

С помощью многочисленных энтузиастов, профессиональных геологов музей постоянно обновляет и пополняет экспозицию. Здесь широко представлены сейчас и образцы традиционного на Урале камнерезного искусства.

В. ДАНИЛИН

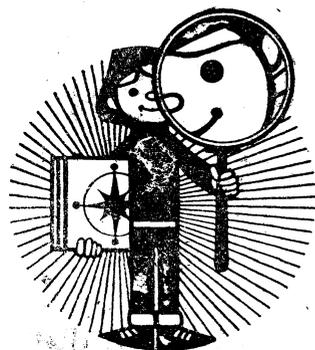
Непотопляемый «Спрут»

Необычное судно построили на Московском судостроительном и судоремонтном заводе рабочие, студенты и школьники. Его изобретатель — кандидат технических наук Р. Ряйкенен. И название судна романтическое — «Спрут». С инженерной же точки зрения — это полимаран, в поплавках которого размещены камбуз, штурманская рубка и кубрики, где пятнадцать спальных мест.

До закладки судна небывалой конструкции были проведены многолетние испытания различных моделей небольших «Спрутов» на Азовском, Баренцевом и Белом морях. Многопоплавковые парусники из пенопласта оказались буквально непотопляемыми в любую непогоду.

«Спрут-М», построенный на московском заводе, может быть использован для морского судоходства в прибрежных зонах, богатых пищевыми ресурсами, где не могут плавать обычные корабли с глубокой осадкой.

Ю. АЛАН

МИР

НА ЛАДОНИ

Фотограф Новой Земли

Мир и быт этого северного острова мы знаем по картинам художника Тыко Вылки — президента Новой Земли, как его называли.

Первым поселенцем здесь стал его дед — Фома Вылко. Несколько других семей уговорил приехать сюда путешественник и географ К. Д. Носилов. Летом 1887 года на Новой Земле образовалась их небольшая колония. Ненцы занялись охотой и рыболовством, русский исследователь — изучением природы тогда еще необжитого края. С собой он привез метеорологическую станцию, микроскоп, подзорную трубу и фотоаппарат. Часть тех снимков сохранилась до наших дней: оленья упряжка, ненецкий чум, охота на тюленей, белый медведь... Не эти ли снимки были первыми «картинами», которые потом увидел и маленький Тыко?

Почти три года жил Носилов на Новой Земле. Кроме фотоснимков и научных статей появились «Северные рассказы». Их хвалили А. П. Чехов и Л. Н. Толстой.

К. Д. Носилов (1858—1923), известный ученый, путешественник, побывал затем во Франции, в Палестине, Египте, Монголии, Турции. И всюду он не расставался с фотоаппаратом.

Большая часть снимков Носилова находится сейчас в уральском литературном музее имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

На снимке: К. Д. Носилов.

Е. БИРЮКОВ

О чем говорят годовые кольца

Добыча нефти и газа, вся хозяйственная деятельность в северных районах Западной Сибири и Урала потребуют в скором времени еще более значительных затрат. Такой вывод можно сделать на основании исследований, проведенных уральскими учеными. Они прогнозируют здесь значительное локальное снижение среднего возраста древесины.

Эти районы СССР с обширными заболоченными территориями всегда отличал и суровый климат. То, что за короткий срок здесь создана главная топливно-энергетическая база страны, свидетельствует не столько о легендарной закаленности и мужестве сибиряков, сколько о большом и эффективном внимании государства к созданию нормальных условий труда, быта в самых сложных местах деятельности человека. Забота о сибиряках растет из года в год.

По наблюдениям климатологов, колебания термического режима северных районов Западной Сибири являются рекордными в планетарном масштабе (средняя температура воздуха в январе конца XIX — начала XX веков — минус 25,5 градуса по Цельсию, во второй четверти XX века — лишь минус 21,8 градуса). Однако эти наблюдения недостаточны для выявления длительных закономерностей. Исследователи Института экологии растений и животных Уральского научного центра использовали метод дендрохронологии (анализ толщины годовых колец на срезах дерева), чтобы реконструировать сибирские природные условия далекого прошлого. Образцы долгоживущих деревьев — сибирской лиственницы и ели взяли не только «с корня», но также из древних построек, из торфяников, вечной мерзлоты, где древесина хорошо сохранилась. По срезам (образцы лиственницы дали около 9 тысяч годовых колец, следующих друг за другом) составили почти 1000-летние дендрохронологические «ряды». Затем «привязали» полученные данные к инструментальным наблюдениям климатологов.

Оказалось, тысячелетняя картина ежегодного прироста древесины четко показывает цикличность колебаний термического сибирского режима. Она дает возможность составить прогноз. В течение ближайших десяти лет температура будет понижаться (в 1988—1989 годах прирост сибирской древесины составит в указанных районах минимальную величину — на 15—18 процентов ниже средней нормы). Лишь затем начнется новое потепление (к самому концу нынешнего века прирост достигнет 125 процентов средней нормы).

По мнению ученых земли, до конца столетия климат нашей планеты будут определять его естественные колебания. Поэтому прогноз по дендрохронологическим рядам уральских исследователей не учитывает возможных изменений сибирского климата в результате деятельности человека.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Мир еще не весь открыт...

● Отпечатки следов плотоядного динозавра 3—4-метровой высоты обнаружены за Полярным кругом — на острове Шпицберген. 22 года назад там же были найдены отпечатки следов травоядного динозавра. Находки говорят о том, что 130 миллионов лет назад на Шпицбергене и в бассейне Баренцева моря было тепло.

● То, что древние полинезийцы задолго до нашей эры, до викингов и Колумба, совершали дальние морские переходы — не легенда. Близ Таити, на маленьком островке обнаружены остатки полинезийского поселения, возраст которого — более тысячи лет! Жители поселения пользовались рыболовными сетями, спали на циновках, ели из посуды, шили одежду из кожи. Найден также остов судна, которое имело... два кия.

● Новозеландец Родней Остин открыл в августе 1982 года новую комету. Вскоре ее можно было наблюдать невооруженным глазом...

Кометы — одна из загадок Солнечной системы. Прежде, в средневековье, их считали верным признаком надвигающихся трагедий, катастроф... С точки зрения современной науки, единственное, что известно о кометах достоверно, — они выбрасывают огромный «хвост» газа и пыли, приближаясь к Солнцу. Всякий раз, находясь рядом с Солнцем, кометы расходуют на образование «хвоста» часть своего вещества. Казалось бы, легко вычислить время жизни каждой из комет, время, за которое она сама себя истратит. Увы, одна и та же комета, исчезнув с небосклона, через годы появляется вновь и вновь. Словно закон сохранения вещества не для нее! Или, быть мо-

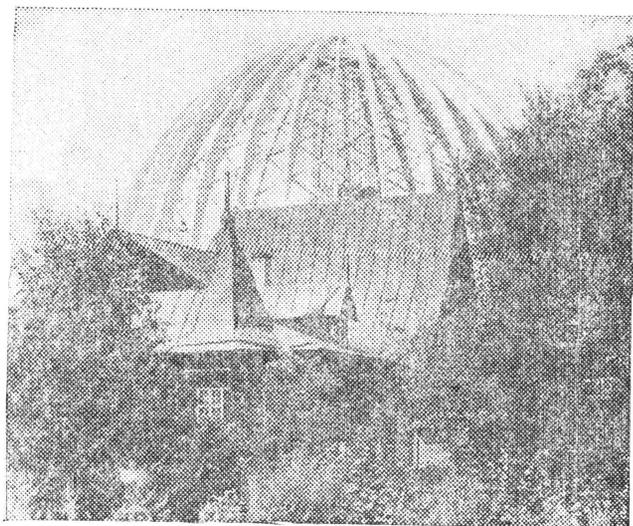
жет, где-то в космосе кометы «запраляются»? Остается загадкой и то, откуда вообще кометы берутся. Тем более, что число их растет. Появились даже гипотезы о том, будто кометы — корабли-разведчики иных цивилизаций: они изучают Солнечную систему, Землю уже тысячи лет.

● Высоко в Андах обнаружен замурованный почти пятьсот лет назад под землей маленький представитель древней империи инков. Теперь, когда его случайно откопали, вид мальчика потряс археологов: он сохранился таким, каким был в момент гибели. Этому способствовали низкая температура, отсутствие кислорода, света, влажности, утверждают ученые.

● Небольшая подводная лодка, построенная американцами, опустилась в Тихом океане на глубину 2620 метров. В свете фар исследователи «мертвых глубин» увидели гигантских устриц, бесцветных крабов, неизвестных науке рыб...

● Огромные запасы железной руды выявлены мексиканскими учеными на дне Тихого океана у побережья своей страны. Железный клад «тянет» на 230.000.000.000 тонн с лишним.

● Своего рода «энергетический кризис» заставил древних медеплавильщиков Египта остановить печи во втором тысячелетии до нашей эры. Как выяснили археологи, хотя запасы медной руды не были исчерпаны, производство металла остановилось из-за того, что росшие на берегах дельты Нила пальмы и белые акации в ту пору были полностью вырублены. Именно они служили медеплавильщикам топливом.

Домик у цирка

Если на берегу Исети в Свердловске вы вдруг заметите маленький коричневый домик с белыми оконными рамами — остановитесь, подойдите к нему. Взгляд ваш невольно скользнет по крутой железной крыше, по остроконечным башенкам и тотчас отметит за ними ажурные переплеты купола цирка.

Они далеко не ровня по возрасту — один совсем еще юн, хоть и вымахал чуть не до облаков, а другому уже за пятьдесят. Один — из железобетона, другой — деревянный. Но их стремительные линии одинаково хороши.

О свердловском цирке теперь знают многие. А вот домик, который стоит рядом, мало кому знаком. Хозяина его я увидел у калитки. В прошлом известный уральский металлург О. А. Сафонов сказал мне:

— Профессора Соколова Ивана Александровича вы, конечно, не помните?

— Нет, — говорю, — не припоминаю.

— Это был один из основателей УПИ, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники. Именно он построил домик. В 1928 году. Я — приемный сын профессора. Помогал ему и с чертежами возиться, и строить.

— Ремонтируете иногда? — спрашиваю.

— Нет, — говорит Ор Александрович, — пока капитального ремонта не требуется. Сделано добротно. Да и на дом рубили сосну без подсочки. Смолистые бревна, крепкие. А крыша из металла древесноугольной выплавки, ржавчина ей не страшна.

— Семья у вас большая?

— По теперешним меркам приличная — семеро детей. Все закончили институты, давно живут самостоятельно. Приезжают частенько, места хватает.

— Ну а сносить домик не собираются?

— Вроде бы нет. Он очень хорошо смотрится на фоне цирка. А когда по берегам Исети будет зона отдыха, домик, я слышал, как нельзя лучше впишется в зеленое пространство.

С. КОРКОДИНОВ

Фото автора

Ко всем чертям!..

Как бы вы прореагировали, если бы вас послали к чертям? Наверняка, обиделись бы. Но если кто-то пошлет вас к чертям в литовском городе Каунасе, пожалуйста, не воспринимайте это как обиду. Наоборот, этот человек хотел доставить вам немало приятных минут и имел в виду вполне конкретный адрес, который известен каждому каунасцу — улица Саломеи Нерис, 64.

В этом доме, где прожил много лет известный художник Антонас Жмуйдзинявичус, сейчас живут черти. Их довольно много — более пятисот. Тем не менее эта беспокойная компания совсем не доставляет хлопот окрестным жителям. Более того, они гордятся тем, что по соседству с ними расположен такой уникальный музей... чертей.

Правда, официально он называется по-другому: Мемориальный музей Жмуйдзинявичуса — филиал Каунасского художественного музея имени Чюрлениса. Но так он зовется, пожалуй, только на входных билетах. Любой туристский проспект, каждый житель города предлагает гостям посетить именно музей чертей — единственный в мире.

Впрочем, заходя в дом, к чертям попадаешь не сразу. На первом этаже представлены картины Жмуйдзинявичуса. Разумеется, для специалиста-искусствоведа самое интересное находится здесь. Имя художника широко известно далеко за пределами Литвы. За свою долгую жизнь живописец создал немало интересного. Он был удостоен званий профессора живописи, народного художника СССР. Но основная масса посетителей торопится подняться выше, к чертям. Экскурсанты проходят второй этаж, где расположена мемориальная квартира художника, и, наконец, попадают на третий, где экспонируется собранная здесь уникальная коллекция.

Ее начало было положено около семидесяти пяти лет назад. 13 (обратите внимание на число!) июня 1906 года друг художника писатель Т. Вайжгантас, зная его страсть к различного рода собирательству, подарил Жмуйдзинявичусу забавную фигурку черта. Она и стала родоначальницей оригинальной коллекции, которая к концу жизни художника, а умер он в 1966 году в возрасте 90 лет, насчитывала ровно двадцать чертовых дюжин — 260 фигурок! Художник любил в шутку рассуждать о значении числа 13 в своей жизни — многие важные события его биографии выпадали на это число — и о том, что благодаря дружбе с «нечистой силой» он прожил долго и ни разу серьезно не болел. Свою коллекцию он завещал государству, и после его смерти в доме открылся музей.

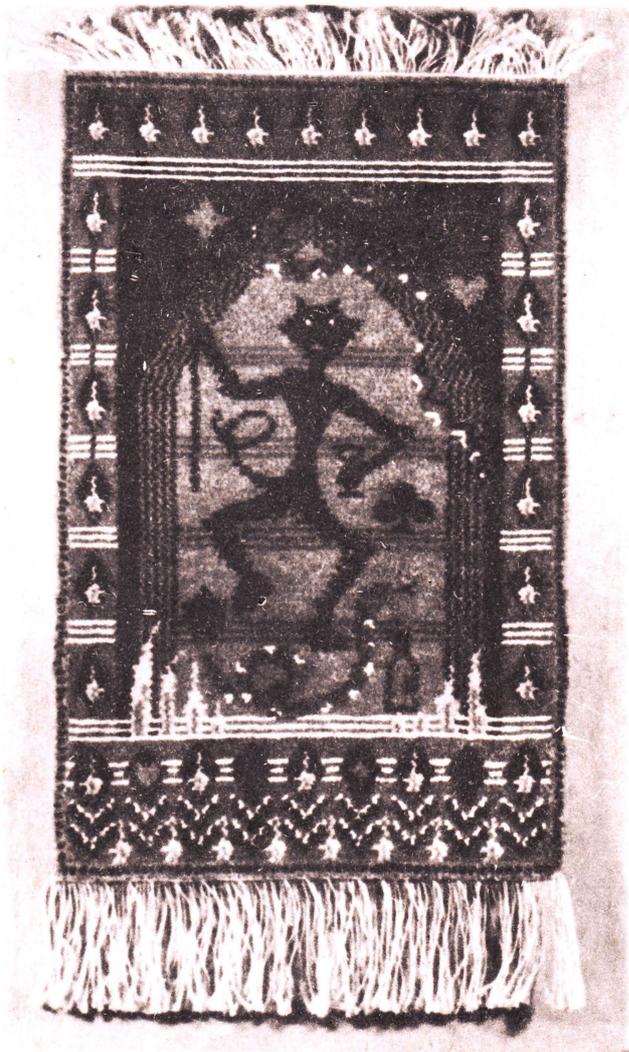
С тех пор численность коллекции пополнилась более чем вдвое — многие люди присылают в дар необычному музею фигурки чертей. Посылки и бандероли идут сюда из разных городов Советского Союза, из многих зарубежных государств.

Каких только чертей здесь нет! Черт-будильник и черт-пепельница, черт-столовый прибор и черт-чернильница! Из фигурок составлены целые композиции.

Вот оркестр чертей, а вот — чертова свадьба. Самая древняя фигурка коллекции датируется XVI веком, а по соседству с ней поселился вполне современный черт нашей современной эпохи — с телом из проволоки и радиодеталей.

На снимках: визитные карточки музея и ковер работы известной литовской художницы Марии Дудене.

О. КОСТМАН

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО РОССИИ.

Батик — это расписанная вручную ткань. Модницы могут только мечтать о платье из нее. Потому что дело это настолько непростое, что женские наряды из батика стоили бы непомерно дорого. Мастер должен покрыть, к примеру, воском те места на полотнище, которые не должны быть окрашены, и затем опустить материю в чан с красителем. И так делается не раз и не два, пока художник не добьется задуманного разноцветья. Однако модельеры все-таки разрабатывают подобные ткани — по специальным заказам. Скажем, для платья знаменитой эстрадной певицы, которая представляет наше искусство на международном конкурсе...

Художники используют эту сложную технику, пришедшую в нашу страну из Индии и с о. Цейлона, чтобы рассказать языком своеобразной живописи о своем крае, о соотечественниках. На слайде вы видите работу художника О. Назаровой из Орджоникидзе — батик «Наши горы».